НАУКА И РЕЛИГИЯ

3
1992
ISSN 0130-7045

В НОМЕРЕ:

МАГИЯ ЛЮБВИ

ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ КАЗИМЕРЫ ПРУНСКЕНЕ

АНТИХРИСТ: ЗЛО И ДОБРО?





Утро



Дважды два



Одигитрия

О творчестве автора представленных здесь работ Анатолия ШИРЯЛИНА читайте на с. 35



Цветы и плоды

В НОМЕРЕ:

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ СССР ПО ПЕЧАТИ РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР 732

Издается с сеитября 1959 года

3 Март '92

На 1-й странице обложки картина Всеволода АЛЕКСАНДРОВА «Мадонна Милосердная».

О ней читайте на с. 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции: 109004, Москва, Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-49-86

Сдано в набор 13.01.92. Подписано к печати 04.03.92. Формат 60×90/8 Бумага офсетная № 2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 9,75. Уч.-изд. л. 11,40. Тираж 652 340 экз. Заказ 0107203.

Журнальный комплекс издательства «Преса України». 252146, Киев-146, ул. Героев космоса, 6.

PRO et

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ФИЛОСОФСКИХ ТРУДОВ О ЖЕНЩИНЕ

Человек ли женщина? Кто она, или даже что? «Сосуд дьявола» — в европейской формулировке, «Веревка, по которой мужчина спускается в ад»,— по восточной пословице или Прекрасная Дама, отблеск Божественного в бренной оболочке? Змея или голубка? Яд или противоядие злу? Из века в век терзался этими вопросами мужчина, вглядываясь в черты своей загадочной спутницы. Он то высоко возносил ее в экстазе благоговения, то осыпал градом насмешек и унижений.

В истории философской мысли взгляды на женщину весьма противоречивы, и все же попытаемся представить их как единую панораму, выделив наиболее общие типы построений.

Мировая философия во всем своем богатейшем многообразии была создана мужчинами. Женщины в ее истории — редчайшее исключение. Богиня мудрости Афина-Паллада появилась на свет не из материнского чрева, а из головы Зевса-громовержца. Философия была рождена творческим гением мужчины.

До нас дошли упоминания о женщинах — философах древности. Однако нельзя не заметить, что эти выдающиеся женщины начали заниматься философией при поддержке мужчин, как жена пифагорейца Бронтина (VI в. до н. э.) или красавица Гипархия (V—IV вв. до н. э.), супруга основателя школы киников. Известно, что у Платона была талантливая ученица Аксиофея (IV в. до н. э.), которая позже сама стала учить философии. Широко прославилась неоплатоник Гипатия (IV—V вв.), которая за отказ принять христианскую веру была растерзана толпой фанатиков. Ее отец был крупным математиком и, вероятно, был сведущ и в философии. Сочинения женщин — философов древности не сохранились. Скорее всего они и не были самостоятельными авторами, а только комментаторами и интерпретаторами текстов. Платон, правда, рассказывает о Диотиме, наставнице Сократа в постижении философских истин, и приводит ее блестящие рассуждения, не уступающие сократовым, но нет подтверждений достоверности ее образа.

В дальнейшем, вплоть до новейшего времени, женщины практически не выступают с философскими опытами. Авторы философских теорий весьма скромное место в своих рассуждениях уделяли женщине, как правило, не избирая ее объектом специального философского исследования. Ее бледная тень появлялась на философском горизонте лишь в неизбежных случаях, в связи с другими проблемами человеческого бытия (любовь, счастье и др.) или социального устройства.

Американская исследовательница этой проблемы Джейн Гримшау, для примера подвергнув анализу философские системы Аристотеля и Локка, называет три общие для многих теорий черты. Во-первых, это явное или неявное исключение женщин из области философского изучения. Во-вторых, открытая или завуалированная проповедь мужского превосходства. И третьим таким свойством ей представляется возможность использования многих теорий из истории философии для «научного» обоснования зависимой, подчиненной роли женщины.

Думается, что эти замечания справедливы для широкого массива трудов в истории философии. Если же взглянуть на историческую панораму философии шире, то можно выделить следующие самые общие типы теорий с точки зрения их отношения к женской проблеме: индифферентные по отношению к женщине, исключающие ее из сферы исследования; устанавливающие полярность или противостояние полов (причем это как апология мужчины, вплоть до женоненавистнических доктрин, так и апология женщины, вплоть до мужененавистических доктрин); уравнивающие мужчину и женщину на всех уровнях; теории «дифференцированного равенства»: утверждение рав-

Если мужчины, и философы и теологи, не хотят признать глубинной основы равенства полов, то эту задачу взяли на себя женщины. Показательно распространение на Западе, особенно в США, так называемой феминистской теологии. Ниже приводятся основные ее положения, обобщенные в статье Э. Мольтманн-Вендель «И сотворил Бог мужчину и женщину». В соответствии со старой французской поговоркой «Ищите женщину» женщины сами принялись искать свое место в религиозной картине мира.

● *Феминистская теология — это движение женщин, не догматика. Феминистская теология — теология опыта, стремящаяся вскрывать, осмыслять и улучшать ситуацию в обществе, связанную с ущемлением прав женщин, с их дискриминацией. Вместе с тем это теология, которой занимаются женщины и которая предназначена для женщин, она открывает им новое пространство — пространство теологии. Но и это не все. Феминистская теология, на мой взгляд, может стать теологией для всех, кто знаком с таким опытом, кто осмысляет свою собственную ситуацию и хочет как-то изменить ее.*

● *Теология, в течение двух тысячелетий пребывавшая в руках и в головах мужчин, в своих базовых структурах отражает эту («мужчино-центрическую». — Ред.) картину мира: мужской опыт, рационалистическое, дуалистическое мышление в категориях «или — или», иерархические представления и*

CONTRA

О. ВАЛЯНСКАЯ

ноценности, но не одинаковости природы и ролей мужчины и женщины.

Впрочем, эти теории, несмотря на их определенность и кажущуюся взаимоисключаемость, не всегда проявляются в своем чистом виде.

Тема женщины в истории философии, разумеется, не стала основным полем деятельности, а была скорее небольшой фехтовальной площадкой, где, скрещивая шпаги, философы-мужчины всего-навсего оттачивали свое остроумие. Правда, в отличие от практики дуэлянтов здесь не всегда защищались честь и достоинство женщины; нередко самые энергичные и неотразимые выпады обращались как раз к безоружным представительницам «слабого» пола, которым твердая мужская рука закрыла широкий доступ к философии.

Из всех упомянутых самая сильная и наиболее выраженная философская традиция — мужская апологетика. Согласно ей женщина — существо неполноценное, лишенное подлинно человеческих качеств или наделенное ими в слабой степени. Аристотель вообще считал женщину ошибкой природы. Выступая порой в ее защиту, он все же был уверен, что женскую добродетель нельзя сравнить с добродетелью гражданина, потому ее подчиненное положение вполне естественно. Платон прослыл в современной западной философии феминистом, ибо настаивал на необходимости равного воспитания и занятий для обоих полов, тем не менее он иронически заметил: «Насколько женская природа по своему достоинству хуже нашей, мужской, настолько же она превосходит нас своей многочисленностью»[1]. В своем проекте идеального государства Платон отводил женщине безусловно подчиненную роль.

В древности и ученые женщины соглашались с мужчинами, провозглашавшими свое превосходство. Китаянка Пань Хоэпан в нравоучительном трактате для женщин (конец I в.) так наставляет своих молодых соотечественниц: «Мы занимаем последнее место в человеческом роде, мы составляем его слабую сторону — это истина, в которой мы должны быть твердо убеждены... Не станем ожидать, чтобы горький опыт показал нам помимо нашего желания, что мы такое. Убедимся в этой истине как можно ранее для того, чтобы во всем сообразовываться с нею»[2]. Таково было представление древнего китайского общества о ценности женской личности и ее моральной свободе. Оно сурово карало бунтарок. Пань Хоэпан раскрывает символическое значение обычаев и обрядов, направленных на закрепление сложившегося статуса женщин в семье и обществе.

С возникновением и расцветом мировых религий дискриминация женщины становится глобальной. Перефразируя знаменитое изречение Протагора о человеке как мере всех вещей, я бы сказала, что в феодальную эпоху мерой всех вещей в светской этике стал мужчина, а в религиозной — Бог. То, что пророки мировых религий Будда, Христос и Мухаммед, а также их предшественник Моисей были мужчинами, сыграло свою роль в возникновении представлений о вторичности женщины. Библия гласит: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену» (Быт. 2, 22);то же и в Коране: Аллах «создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними» (сура 30, аят. 20).

Со временем возникает новая моральная антитеза: благочестивый мужчина — нечестивая женщина.

Лишь с помощью евангельского определения Иисуса Христа как сына человеческого (что позволяло судить о матери Марии как о человеке) удалось на Маконском соборе 585 года положительно решить обсуждавшийся там вопрос, применимо ли к женщинам слово «homo». Тем не менее проблема эта еще несколько столетий волновала умы и бередила сердца ученых-богословов.

В 1595 году увидело свет сочинение В. Ацидалия «Диссертация о том, что женщины не люди». Автор ссылался на Ветхий Завет, где сказано, что «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его». Если бы женщина была человеком, рассуждает толкователь, в тексте значилось бы множественное число: «людей». Тем более что дальше говорится: «...и сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника». То есть женщина сотворена как помощник человеку, как инструмент для продолжения его рода. Казалось бы, все логично. На самом же деле труд этот был пародией на клерикальную литературу, выводы которой частенько граничили с абсурдом. Автор блестяще продемонстрировал схоластические приемы ее аргументации. Однако современники восприняли этот труд вполне серьезно, он был четырежды переиздан в Германии, а в 1693 году переведен на французский. У него оказались и последователи. Сочинитель книги «Доказательство того, что лица женского пола не люди» предложил ряд новых аргументов: «Не над

[1] *Платон. Соч. М., 1971. Т. 4. Ч. 2. С. 258.*
[2] *Пань Хоэпан. Семь статей о главнейших обязанностях женщин // В кн. Зыбина А. Взгляд на значение женщин в исторической жизни народов. Кн. I. Китай. М., 1980. С. 94.*

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

образы (господство мужчины над женщиной, господина над слугой, воли над чувством, духа над телом; примат истории над природой).

● *Известно, что Богу Яхве поклонялись и в женском обличье, что образы, рисующие материнские и женские черты Бога, встречаются в Ветхом Завете чаще, чем нам кажется. Кроме того, эти следы женской природы Бога скрываются от нас под пером переводчиков-мужчин: так, когда Осия (гл. II) говорит о грудях Бога, наши переводчики переделывают их в «щеки» Бога; или превращают Бога, «кормящего грудью», в Бога, «учащего ходить»; или изменяют предложение, где говорится: «Бог родил меня»,— так, что стало (как и положено у мужчин): «Бог создал меня» (Второзак, 32, 18).*

● *В противовес жесткому религиозному распределению ролей возникли соответствующие религиозные проекты женщин, однако эти проекты, на мой взгляд, опять-таки сводятся к фиксированному расписанию ролей. Сегодня все больше женщин группируется вокруг тех из них, кто принципиально порвал с христианской традицией (к ним относится бывший американский католический теолог Мэри Дэйли). В традиционной теологии они видят продукт патриархата. Символическая фигура Небесного Отца, на их взгляд, есть порождение человеческой фантазии, на котором патриархатом был поставлен штамп, удостоверяющий его истинность. В этих мужских символах легитимирована, на женский взгляд, эксплуатация женщин. Лишь разрушив в себе эти мужские образы и выявив силу своего собственного бытия, женщины смогут стать свободными.*

● *Отбросив все патриархальные искажения и превратные толкования, мы можем таким образом пережить чувственную и телесную, политическую историю Иисусова движения и человека Иисуса во всей ее уникальности — историю, в которой может отражаться наша история и которая продолжается в нашей истории: это история о взаимности, об автономии, созревающей в межчеловеческих отношениях. На этой основе можно было бы помыслить новый подступ к экзистенциальной и политической теологии креста, в центре которой стоят не страдания и пассивность, а сопричастность и солидарность.*

● *Взаимность-взаимозависимость — это радикальный разрыв со всеми существующими жизненными моделями, но наряду с этим она представляет собой многообещающий процесс, в который мы можем включиться, чтобы расти, продвигаясь к зрелости. Для того же, чтобы вступить на этот путь к целостной теологии, необходимо самосознание нового поколения женщины, использующего свои способности и возможности для целостной жизни и целостного мышления, необходимо также изменение в жизни мужчин, в мышлении того поколения мужчин, которое осознает свою оторванность.*

людьми властвовать сотворил Господь человека, сказавши: владычествуй над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле... Творец причислил женщину к животным: откуда и следует, что женщины не люди»[3]. Софизм, выдвигаемый в качестве второго доказательства, легко узнаваем: «Перелистав все святое Писание, мы нигде не найдем такого места, где бы женщина была бы названа человеком. Но во многих местах сказано, что назначена она человеку в помощники. Но молоток, данный человеку в помощь, сам разве кузнец? Перо, врученное сочинителю, само-то ведь не пишет? Или ножницы, без которых не обходится портной, разве сами шьют? Так и женщина тоже помощь человеку, но сама не человек»[4]. Теолог-ортодокс, стоящий на страже буквального толкования священных текстов, не отказывает себе и в удовольствии самостоятельно разрешить загадку: кто же все-таки женщина? Оказывается, она имеет разнообразную природу. По спесивости своей она — павлин, по ворчливости — медведь, по скупости — волчица, по изворотливости — лиса, по завистливости — собака, по злости — змея, по болтливости — сорока, по формам — сирена. И разумеется, вывод однозначен: женщина не имеет шансов попасть в рай, ибо она — нарушительница мира и общественного порядка. Этот удивительный шедевр красноречия и его первоисточник обнаружил венгерский культуролог Иштван Рат-Вег, дав ему остроумную оценку — «типичное схоластическое крохоборство».

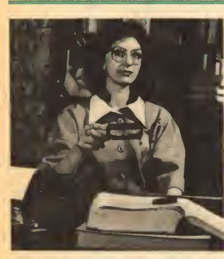
Увы, «анималистическая» традиция во взглядах на женщину оказалась весьма живучей. В XIX столетии Артур Шопенгауэр продолжал видеть в ней «гусыню», а Фридрих Ницше утверждал, что поскольку женщины не способны к дружбе, они — «кошки», в лучшем случае — «коровы».

Не будем спорить с великими философами, ведь не спрашивать же нам в самом деле в духе средневековых схоластов, чьими детьми (кошачьими или, простите, собачьими) почитали себя эти авторы?

Оставим на совести философов эти оценки. Скажем о другом. Тысячелетнее пребывание в замкнутом мире семьи, несомненно оказало на женщину деструктивное влияние. В современной литературе существует даже такая параллель: жизненный опыт черных рабов в Америке — женский жизненный опыт. Но заявим с уверенностью, что жизнь в «частном мире», в «закрытой системе» отнюдь не привела женщину к духовной смерти. Женщины обладают специфическими нравственными качествами, которые мы назвали бы конкретным моральным мышлением (в отличие от мужского абстрактного). Это их способность принимать близко к сердцу боль незнакомых людей, сопереживать, сострадать, участвовать в чужой судьбе во много раз интенсивнее мужчин. Думается, для современного мира было бы весьма плодотворным обращение к женской нравственности, во многом альтернативной мужской.

Рамки небольшой статьи не позволяют коснуться многих крупных проблем, связанных с темой женщины. Впрочем тема эта неисчерпаема, как и сама женщина, и, думаю, никому не дано поставить точку в размышлениях о ней, о ее природе, характере и судьбе. Сказано же: нельзя объять необъятное...

[3] *Рат-Вег И. Комедия книги. М., 1989. С. 287—288.*
[4] *Там же. С. 288.*



И тем не менее нам в редакции явственно показалось, что автор только что прочитанной вами статьи близок к тому, чтобы объять необъятное. Основания для этого у нас появились, когда мы узнали, каковы ее достижения в исследовании женской темы. Прецедент нам во всяком случае неизвестен, а журнал внимательно следит за всем, что происходит в данной сфере. Наш корреспондент беседует с Оксаной ВАЛЯНСКОЙ.

За плечами этой милой молодой женщины 8 лет работы в вузе. Сейчас она — аспирантка кафедры этики философского факультета МГУ, где занимается у профессора А. И. Титаренко.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ЛЮБВИ

— Оксана, при всей противоречивости и неполноте оценок роли женщины в мировой истории и культуре можно ли сегодня, в наш век информации, все же достаточно точно «измерить» этот вклад? Получить по крайней мере материал к размышлению?

— Думаю, для этого сегодня уже есть такие возможности. Их дает информационный подход, компьютерная техника. Я, даже не располагая ЭВМ, сделала некоторые шаги в этом направлении. Подготовлен биографический словарь «Выдающиеся и замечательные женщины мира всех времен» (его сокращенный вариант публикуется в журнале «Советская женщина» с 1989 года, однако полная публикация в журнальном варианте заняла бы около 80 лет.) В нем биографические очерки о 350 главах государств и правительств — женщинах, о других политических и общественных деятельницах, участницах национально-освободительных и религиозных движений, ученых, писательницах, художницах, актрисах, звездах мирового спорта, прототипах женских образов в мировом искусстве и т. д. В словарь вошли исторические женские личности, которые раньше не включались в советские энциклопедии и справочники либо как не представляющие интереса для нашего читателя, либо из-за их сомнительной репутации: это известные авантюристки, пиратки, отравительницы, террористки; включены также сведения о ясновидящих, пророчицах и святых. В словаре около 20 тысяч кратких справок. Это в 20 раз больше, чем число женских персональных статей в Советском энциклопедическом словаре. Если ввести эти сведения в память компьютера, то мы смогли бы вести поиск в различных направлениях и представить читателю достаточно полную информацию о хронологии и содержании вклада женщин в мировую политику, науку и культуру. На этой базе могло бы работать целое издательство женской литературы*. Не дожидаясь этого, я подготовила рукопись двухтомной антологии женской лирики, начиная с VII века до нашей эры и кончая нашими днями, она ждет своего издателя и читателя. Этот же период охватывает моя историческая таблица «Вклад женщин в мировую философию, науку и культуру». Заканчиваю работу над многотомной энциклопедией «Женщина в мировой культуре».

— Какие же чувства владеют вами при работе над женской темой? Перед вашим внутренним взором прошло

* *Может быть, отзовутся женщины-издательницы, для которых эта идея окажется близкой? Может быть, найдутся издатели-мужчины, которые готовы проявить истинно мужские качества — интерес к новому, надежность в деловом партнерстве и энергичность? — О. В.*

столько женских жизней! Что же вы можете сейчас сказать о женщине?

— Помните «Полет валькирий» Вагнера? Высоко в горах бушует буря, а на земле кипит бой. В развевающихся одеждах летят девы-валькирии. Они находят погибших и достойных возносят в небесные чертоги бога Одина. Порой мне кажется, что я — одна из валькирий, которой предназначено вернуть из забвения славные имена, поднять их из пыли старых книг с пожелтевшими листами и подарить им новую жизнь. Раньше труд библиографа и коллекционера представлялся мне скучным, но у меня есть друзья — библиографы и коллекционеры, и благодаря им я постигаю смысл и захватывающий интерес этих занятий. Во всей многовековой истории я вижу три драматические ступени в биографиях выдающихся и замечательных женщин: подвижничество, мученичество, героизм.

Впрочем, если выдающаяся женщина и не погибала трагически — в экспедиции, в лаборатории, в военном походе, не падала на сцене замертво от испепеливших ее сердце переживаний, это не означало, что ее путь был легок. Пройти сквозь чащу дремучих мужских предубеждений и выйти на простор творческой деятельности — для этого всегда нужны поистине незаурядные качества. Еще совсем недавно женщине — писательнице и ученому зачастую приходилось пользоваться мужским псевдонимом и из-под мужской маски выражать свои мысли (вспомним хотя бы братьев Белл — сестер Бронте или первую победу Софьи Ковалевской). Некоторые даже переодевались в мужское платье и всю жизнь играли мужскую роль (папесса Иоанна, Надежда Дурова), чтобы иметь возможность заниматься своим делом.

— Произошла ли эволюция в ваших представлениях о женщине?

— Мои представления о женщине за эти десять лет знакомства с нею совершенно переменились. Трудно поверить, но я скептически относилась к женским способностям и была совершенно согласна (теперь спрашиваю себя: а почему, собственно?) с А. Шопенгауэром в том, что женщины не дали миру ничего истинно оригинального. Всегда предпочитала мужскую беседу женской. И хотя мне нравилось ощущать себя женщиной, в глубине моей души жила уверенность, что приоритет во всем главном, значительном, решающем в жизни принадлежит несомненно мужчинам.

Сейчас я знаю, что действительно существует особый мир женского жизненного опыта, женской нравственности и женской культуры. Увы, этот мир фактически игнорируется, он не принимается во внимание. До недавнего времени у нас преобладал грубый, утилитарный подход к женщине. Например, всего пять лет назад была защищена диссертация «Социальная активность женщин как фактор укрепления обороноспособности социалистического государства». В центре внимания ученых долгие годы стоял вопрос о повышении трудовой, социальной и политической активности женщин. Наша философия начала заниматься проблемой человека. Но по-прежнему разговор идет о личности вообще, конструируются модели «личности инженера», «личности студента». А ведь человек — это всегда либо мальчик, либо девочка, юноша или девушка, мужчина или женщина, старик или женщина преклонных лет. И когда делаются выводы, составляются долгосрочные программы в обществе, где больше половины населения — женщины, почему-то этот женский мир интересов и проблем трезвому мужскому взгляду представляется незначительным.

— Оксана, а теперь последний вопрос, который надо было бы задать вначале. С чего началось такое увлечение женской темой, которая, как видно, стала основной в ваших занятиях?

— Конечно, с любви.

— ?

— С темы любви. В техническом вузе я читала спецкурс «История человеческой любви с древнейших времен до прогнозов на будущее». Мы со студентами путешествовали по странам и эпохам. (Кстати, я убедилась, что обращение к теме любви не редкость, это удачный способ привлечь слушателей к творчеству, изучению мировой художественной культуры и взлетов философской мысли.)

Сквозной проблематикой курса стало исследование эволюции взаимоотношений мужчины и женщины в контексте различных культур и изучение представлений о любви, ее сущности и смысле в трактовке мыслителей различных эпох. Мы предавались вольным размышлениям о таинствах и загадочности любовной мистерии, о ее магии и магнетизме, феноменах и парадоксах. Иррациональность природы любви, сложные переплетения биологического, интеллектуального и духовного начал в ней, устремленность в небо — к идеальному и героическому — все это мы обсуждали с увлечением.

Вскоре стало ясно, что в центре наших обсуждений стоит женщина, что именно она сама, отношение к ней — ключ к решению многих проблем. И для своего нового спецкурса «Женщина, любовь, семья в истории культуры» я начала собирать коллекцию репродукций «Женщина в изобразительном искусстве» (продолжаю ее по сей день), составила антологию поэтических посвящений женщинам во все времена и философских откровений о женщине. Меня поразил контраст между мрачными красками одних и светлыми гимнами в ее честь других. Надо было искать доказательства и опровержения. Так стало складываться собрание материалов, составившее словарь и энциклопедию.

— Будем надеяться, что труды ваши найдут издателей. Что вы еще сделаете открытия в вечной теме, которая представляет собой и вечную тайну. Постараемся следовать совету Дени Дидро, который говорил, что пишущий о женщинах должен «обмакнуть перо в радугу и посыпать написанное пыльцой с крыльев бабочки». Во всяком случае мы стремились к этому в мартовском номере, большей своей частью посвященном женщине.

На одном из занятий студентам было предложено выразить свое представление о женщине и мужчине не в словах, а в рисунке. Вот что изобразили за 15 отпущенных им минут некоторые из тех, кто заверял, что рисовать не умеют.



Мужчина представляет себя киркой с сигаретой в зубах, бесконечно шагающей по шпалам; содержание его жизни — не дом, не любовь, а ничем не облегченный сизифов труд...



А вот женский взгляд на мужчину, так сказать, «экологического характера»: он — один из пней в лесу других мужских индивидуальностей, он зарос грибами-лишайниками и коростой. Но вот проклюнулся любопытный длинный нос. Еще не все потеряно! Главное — попасть в хорошие руки, например к заботливой жене.



В виде лабиринта, символизирующего изломы судьбы, изображен внутренний мир современного мужчины на третьем рисунке. Его автор молод, он не показывает тупиков, напротив, есть свобода выбора, множество возможностей...

МИР СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

«МИНЕРВА» — В ЛИТВЕ

Лауреатом международной премии «Минерва» за 1991 год, присуждаемой римским клубом «Делла донна», стала Казнмера Прунскене. Как сказано в послании Президента Клуба Анны Марнн Маннолити, «Мннерва» дается за особые успехн в социально-культурной сфере, служит поднятию престнжа женщин всего мнра. Наш специальный корреспондент Александр Романов взял интервью у нового лауреата знаменитого женского клуба. Беседа состоялась в Вильнюсе, в доме у Казимеры ПРУНСКЕНЕ.



— Казимера Прановна, ныне вы — депутат парламента, президент института «Литва — Европа», доктор экономических наук, профессор. Теперь уже не премьер, но дел, видимо, не очень-то поубавилось. Есть, однако, вечные вопросы бытия — семья, дети, поиски смысла жизни, истины. Этим обычно занимается и костел. Какие у вас отношения с костелом?

— С раннего детства я ходила на мессы, читала Евангелие, молилась. Для меня, однако, религиозность не идентична костелу. Обращение к Богу, выражение благодарности, просьбы, разрешение сомненнй проявлялись как бы неосознанно, как само собой разумеющееся. Моя мама, крестьянка, крестила всех нас. Став матерью, я тоже крестила моих детей, а спустя годы — и четверых внуков.

Вообще наш костел нуждается в серьезном обновленнн. Его трагедия не только в многочисленных жертвах, понесенных в годы диктатуры пролетарната, или днктатуры номенклатуры. Она также н в том, что, функционируя в условиях тоталитарной снстемы, сам костел приобрел некоторые ее свойства. Возьмнте отношения с паствой. Она должна беспрекословно подчиняться, без колебаний, без раздумий. Это ведет к пассивности верующнх. Их собственные взгляды, их личностная позиция в такнх отношеннях не имеют существенного значення. Ксендза, проповедующего с кафедры, отделяет от прихожан не пять-шесть метров, а соцнальная пропасть.

Нетолерантность католического клира особенно заметна на фоне таких мудрых, уравновешенных нерархов, как кардинал Винцентас Сладкявнчюс, всей своей деятельностью подающий прямо протнвоположный пример, как высокопреосвященнейший Хризостом, архиепископ Вильнюсскнй и Литовский. С ним у меня всегда полное понимание, взаимно искренние, уважительные отношения.

Помню, не так давно в Паневежисе хотели открыть христнанский колледж. Реакция католического руководства оказалась однозначно отрицательной — костелу не нужны конкуренты. И это на фоне многочисленных прнзывов к общечеловеческим, христианским ценностям. Уверена, сама действительность заставит костел стать более чутким, терпимым, гибким, прислушаться к реальному, земному человеку.

— Дела и заботы земные сегодня, как никогда, связаны с политикой. Как вы относитесь к участию ксендзов в деятельности парламента?

— Для меня оно непрнемлемо. Да и постулаты рнмско-католнческой курии также не позволяют пастырям занимать государственные должностн, вести фракционную парламентскую борьбу, вмешнваться в текущую политику. К сожалению, не все нашн ксендзы соблюдают данное правило. К чему это ведет? Известно, что любовь к Богу должна непременно проявляться в сочувствии к ближнему, в добрых и справедливых делах, через созиданне, а не через разрушение и ненавнсть. А вот ксендз Альфонсас Сваринскас, ставший народным депутатом, на своих политических оппонентов обрушивает речи, пышущие прямо-такн средневековым мракобесием. Любое несогласие с его линней ксендз квалифицирует как предательство национальных интересов. А предательство, громогласно взывает он с трнбуны, отмывается только кровью. Ему внимают представнтели «Молодых литовцев», «Лиги свободы», мотают на ус и ждут конкретных указанний к действням. Разве это по-христиански?

Подлинная вера, на мой взгляд, опнрается на зримые, осязаемые ценности, получает отзвук в сердце, озаряет светом благих поступков, а не зовет к аутодафе. Я высоко ценю гуманитарную помощь католических зарубежных кругов. Это и книги, и продовольствие, н медикаменты. Мне удалось добнться пяти стипендий для обучения лнтовцев за рубежом. Трое нз них будут учиться в католическом университете в Баварии.

— В католической среде вновь разгорелась полемика об отношении к аборту. Папа римский твердо стоит за запрещение абортов, хотя многие представители клира и некоторые иерархи, как показал последний визит папы в США, занимают иную позицию. Но это спор священнослужителей и спор мужчин. А как вы относитесь к этой проблеме?

— Не буду декларировать прописн о сложностях женского бытия. Когда для меня встал вопрос, быть нли не быть, в отношении третьего ребенка, я не сразу нашла ответ. На Западе бытует термин «планнрование семьи». Помните старый каламбур: брак по расчету может стать удачным, если расчет правильный? Может лн быть на свете большее счастье, чем появление ребенка! А может ли быть более несчастной женщина, чем та, которая не в состояннн одеть, прокормить своего ребенка, создать ему достойные человека условня жизни! Пока множество женщин находится на гранн нищеты. И не только в Афрнке, но и у нас. Как в экстремальных условиях не думать об этом?

— Ваша последняя книга «Исповедь янтарной леди» невольно заставляет вспомнить знаменитую «железную леди». Я знаю, вы не раз встречались с Маргарет Тэтчер. Как складывались ваши отношения?

— Мы встречались трижды. Первый раз — в Лондоне. Тот майский двухчасовой диалог выстранвался не просто.

Вначале Тэтчер несколько менторски советовала не сразу выходить на фарватер мировой политики. После того как я изложила нашу программу, наши идеи и проблемы Литвы, ничего общего не имеющие с фатальным противостоянием Кремлю, моя собеседница воскликнула: «Оказывается, мы поем в унисон!» Вскоре она отправила специальное послание в Москву. Звонила Горбачеву, отведя определенное место литовской теме. Думаю, не без ее влияния М. Горбачев принял меня. Через год, тоже летом, но уже в английском посольстве, в Москве, я встретилась с Тэтчер снова, куда она, по ее словам, сама пригласила балтийских представителей.

Потом Маргарет Тэтчер и я оказались гостями мэрии Санкт-Петербурга. Она выступала час; Собчак, Шаталин и я постарались уложиться каждый в двадцать минут, причем никаких продуманных текстов, все экспромтом.

Выдержка, воля, ум бывшего премьер-министра Великобритании общеизвестны. Ее личный вклад в развитие, укрепление международного Содружества весóм и останется в истории.

Я же хочу подчеркнуть особо ценную для меня черту натуры, характера, всего облика Маргарет Тэтчер, так ярко проявившуюся при первой нашей встрече. Начав разговор с определенной установки, уже имея какое-то определенное мнение, она сумела взвешенно выслушать нелестные для нее аргументы, потратить время на острую дискуссию и изменить первоначальную точку зрения.

— Одна из глав вашей «Исповеди...» неожиданна: «Первое правительство и его камикадзе». Почему именно камикадзе?

— Жребий был брóшен, неотвратимость выбора диктовала особые условия, предполагала и особый результат. С одной стороны, нас держали за горло, с другой — наступали на пятки, требовали немедленных действий. Летчикам-камикадзе давали запас горючего только в одну сторону, возврат к прошлому исключался изначально. А для некоторых государственных деятелей шараханье из стороны в сторону — чуть ли не норма. Скажем, политика Витаутаса Ландсбергиса в прошедшем году имела очень мало общего с демократией. Часто приходится слышать, что оппозиция может действовать свободно. Да, мы еще не в тюрьме. Однако есть много других способов ограничить нашу деятельность, отделаться от неприятного соперника. С независимой прессой борются экономическими методами, правительственные газеты распространяют небылицы, чтобы ликвидировать оппозицию политически. Это методы тоталитарного правительства.

Нужно уметь смотреть правде в глаза. Сильное сокращение производства, особенно в сельском хозяйстве,— результат идеологизации экономики. У людей отбита охота к инициативе. По этой причине мы теряем во всех областях. Литвой руководят люди, не имеющие четкого представления о рыночной экономике. Согласитесь, трудно ожидать созидательных успехов, если единственный инструмент политики — антикоммунизм. Я и Бразаускас в парламенте не имеем даже кабинета. Депутаты могут возмущаться, спорить, но Пушкин прав, «с царями плохо вздорить».

— В древнеримской мифологии Минерва — богиня мудрости, покровительница наук, искусств, ремесел. Как вы относитесь к присужденному вам титулу «Минерва-91»?

— Мне приятно такое внимание римского женского клуба. Особенно радует то, что награда присвоена не в бытность мою премьером правительства. Иначе любое проявление воспринималось бы как дипломатический пиетет. Замечу: необходимое условие «Минервы» — независимость суждений. А для любой женщины это чаще всего непозволительная роскошь. В книге, которую пишу, стараюсь показать очевидную для себя истину: не в кресле премьер-министра я нашла свои интересы и не в кресле их оставила.

— Если жизнь повернется так, что появится возможность вновь стать премьер-министром, будете ли опять испытывать судьбу?

— А почему бы и нет?

БОЙТЕСЬ ДАНАЙЦЕВ!



С академиком Натальей Петровной БЕХТЕРЕВОЙ читатели не раз встречались на наших страницах. Сегодня она снова наш гость. Беседу ведет корреспондент журнала Александр Романов.

— Наталья Петровна, как продвигается исследование одной из самых сокровенных тайн — глубин человеческого мозга?

— Трудный вопрос. На него, как говорится, в двух словах не ответить. Есть прогресс в методологии, в методике исследования. Но в целом надо признать, что перед нами — стена, чаще всего сплошная, изредка будто бы полупрозрачная. Впрочем, то, что сейчас науке не под силу, откроется в будущем!..

Рано или поздно появится кто-то, умеющий лучше слушать и слышать тайны Вселенной. И калитка в стене будет найдена. А пока тайн и загадок действительно множество. И при всем (в том числе и моем) скептическом отношении к странным явлениям живут и здравствуют подлинные ясновидящие, с большой надежностью предсказывающие будущее, «видящие» не только прошлое, но скрытое от глаз настоящее, проникающие в мысли другого человека.

— В прошлую нашу встречу вы обещали подробнее рассказать о Ванге и Кашпировском.

— Это совершенно разные люди. Но оба вызывают к себе большой интерес. Надо сказать, к Ванге я относилась поначалу в высшей степени критично. Мой материалистически воспитанный разум не поколебали ни книги, ни свидетельства очевидцев. Почти все ученые молчали, а те, кто решался на комментарии, сходились в мнении о наличии у Ванги штата осведомителей, наводящих все «справки» о каждом ее посетителе. Чтобы выработать какое-то мнение, необходимо было убедиться самой, что это за человек.

Дальнюю поездку в город Петрич, на юге Болгарии, я совершила с двумя известными психиатрами из Софии — Христозовым и Ивановым. Профессора не только помогали с переводом, но и создавали ауру дружелюбия и внимания.

Скромный, чтобы не сказать бедный, дом Ванги, дорожка к нему. Сени с небольшим оконцем, стол, два стула — для гостя и для хозяйки.

Говорили, что Ванге за семьдесят. Я увидела худую, некрасивую женщину. Голос ее показался резким, крикливым. Меня предупредили — обращаться следует «тетя Ванга» и не притрагиваться к ней. Она села напротив,

неподвижно уставив слепые глаза куда-то поверх меня, поверх окна. Я почувствовала ее некоторую нервозность.

— Что тебе, ну что тебе нужно? Ты для чего пришла, для чего? Что хочешь узнать?

— Я — ученый, хочу все понять, для науки.

— А-а, для науки..,— задумчиво повторила она.

Наступила пауза. Может быть, минута, может, чуть меньше или больше. И вдруг буквально на глазах она стала преображаться, хорошеть. Невольно, не знаю почему, я притронулась рукой к ее плечу.

— Тетя Ванга, не волнуйтесь, все будет хорошо.

Она не отдернулась, не шарахнулась, становясь милее и милее. Нередко бывает: входит красавица — и вокруг все словно озаряется. Но вот начинает говорить — и мираж исчезает. С Вангой произошло преображение с точностью наоборот. Разговор состоялся длинный, удивительный, потрясший меня необъяснимыми, верно переданными подробностями, деталями, которых никто заранее ни предусмотреть, ни тем более передать не мог.

— Объясни-ка, что ты повадилась ходить к заместителю министра? Это не твой человек, добра не жди. Ходи к министру.

Через некоторое время при встрече с тогдашним министром здравоохранения академиком Чазовым я рассказала ему о совете Ванги. Вместо комментария мы вместе рассмеялись. Но ведь действительно одно время я зачастила к заместителю, и пошли-поехали неудача за неудачей.

Ванга буквально засыпала меня сведениями о моем прошлом, деталями, касающимися дома, семьи, института. Чем дальше время отодвигает эту встречу, тем яснее я понимаю, что ясновидением оказалось все или почти все. Кстати, первые ошибки Ванги, ее некоторая растерянность лишь усиливает все, что произошло потом. Она говорила, называла события, ведомые мне одной, как бы «вошла в контакт» со мной без моей воли и согласия. Ее предсказания, четко и нечетко сформулированные, ныне сбылись полностью, хотя тогда казались мне невероятными. Ну, например, такой обрывок диалога.

— А где твой отец?

— Умер, давно умер.

— Как же ты говоришь — умер, это же было убийство, убийство, неужели не знаешь?

Отец был расстрелян в 1938 году с последующей полной реабилитацией. Но до моей поездки в Болгарию мне была известна лишь официальная версия: десять лет без права переписки. Хотя я уже слышала, что это значит,— многих с такой же формулировкой расстреляли...

Дальше Ванга спросила про могилу.

— А где гроб, гроб где?

— Не знаю, да и не узнаю, видно, никогда.

— Нет, узнаешь, и скоро, только постарайся, немного постарайся.

Даже представить себе такое там, в чужом деревенском доме, сидя перед старой, слепой женщиной, никогда в жизни не видевшей тебя, было немыслимо. Но прошло года два — и предсказание Ванги сбылось, я припомнила детали нашего разговора — и все сошлось. Последним пристанищем отца оказалось Левашово под Санкт-Петербургом, где наскоро забрасывали землей невинные жертвы, а через некоторое время — и их палачей, ненужных свидетелей и участников.

Наш разговор с Вангой коснулся проблем физиологии, науки вообще.

— Слушай, да ты не о себе ли беспокоишься? — вдруг, словно удивившись, спросила она.

Я в тот период переживала пик своих удач. Причин для особенного беспокойства вроде бы не было.

— Тебя на сто лет хватит, если прекратишь пить ночью холодную воду.

Я переглянулась с болгарскими профессорами, хотя и того, и другого, особенно Ива́нова, гораздо больше, чем Ванга, интересовали обстоятельства гибели моего деда.

— Пользуясь случаем, не могу не спросить вас о событиях той трагической декабрьской ночи 1927 года.

— Владимир Михайлович Бехтерев умер от пищевого отравления. Кто имел к этому отношение, каковы были истинные причины убийства, мне и сейчас неизвестно. Разумеется, я читала многочисленные публикации на эту тему. Суждения о пресловутом диагнозе в Кремле обрастают подробностями. Пусть это будет на совести их авторов. В нашей семье считалось: к кончине Бехтерева имела прямое отношение его вторая жена Берта. Мы жили в отдельной квартире. За десять лет, прошедших до 1937 года, когда арестовали моего отца, родители не раз и не два, разумеется, беседовали, вспоминали деда. Однако ни разу, буквально ни разу ни я, ни брат ничего конкретного от них не услышали. Фигурировала Берта, ее притязания, материальный интерес. Я не исключаю, что за ее спиной стояли конкретные службы, что она исполняла чей-то приказ. Сравнительно недавно я обратилась в Институт мозга с просьбой провести хоть какие-то дополнительные исследования. Академик Адрианов достаточно прямо отказал, ссылаясь на утерю части проб, на необратимые изменения из-за формалина. Думаю, и сегодня еще можно установить подлинные причины трагедии, которые, надеюсь, будут установлены.

— Наталья Петровна, что вы скажете о феномене Кашпировского?

— Несомненно, это один из самых способных экстрасенсов. На уровне обыденного сознания долгое время витал вопрос — шарлатан Кашпировский или нет? Не шарлатан, хотя, думаю, многим жилось бы гораздо спокойнее, если бы все экстрасенсы оказались шарлатанами. Он — другое... Экстрасенсорное воздействие и в самом деле вызывает к жизни, «вытаскивает» резервы, запасы организма, предусмотренные природой, но... на крайний случай. Сколько каждый из нас может привести примеров выживания в экстремальных условиях, самообладания в лагерях смерти, у эшафотов, когда человек, вольно или невольно, подводит черту! В каждом организме есть свой запас прочности. Мозг, как правило, использует лишь часть возможностей, не работает на пределе. Хотя, конечно, перегрузки возможны, и чрезвычайно большие. Однако мозгу «выгодно» находиться не на максимуме. Помогая, например, не слишком сильному остеохондрозу, экстрасенсы бездумно «тратят» бесценные резервы организма, которые завтра могут потребоваться для действительно серьезной ситуации. К сожалению, Кашпировский мало внимания уделял отрицательным результатам своих телевизионных сеансов. Бессчетное число раз приходилось задавать вопрос: почему вне фанфарной рекламы оставался буквально вал серьезных жалоб, почему огромному числу больных после незначительных улучшений становилось очень плохо вообще? Особенно невыносимо, когда непредвиденные осложнения обрушиваются на детей. Решительно советую всем: держаться как можно дальше от экстрасенсов, от всех. Это троянский конь.

— А все же каков механизм воздействия экстрасенсорного «троянского коня»?

— Мое мнение таково: девяносто девять и девять десятых здесь неизвестно. Разумеется, можно произнести то, что сплошь и рядом произносится,— обычная психотерапия. Но тут же последует новый вопрос: а что это такое? Можно повернуть по-другому: чем, например, вызывает эффекты тот же Кашпировский? Вероятно, в его голосе имеется что-то вполне определенно действующее на слушателей. Ведь факт, что магнитные ленты записей его сеансов очень быстро теряют силу воздействия. Много раз я замечала: тем, кто внимает Кашпировскому, абсолютно безразличны сами тексты. Человек впадает в какое-то определенное поле внимания, сосредоточен на модуляциях голоса, на рефренах, погружаясь в свою, индивидуальную плаксивую среду.

Нужно уметь защищаться от чужого воздействия, от насильственной индукции, приказать себе не поддаваться, не реагировать, не принимать «за здорово живешь» сказочные подношения. За них рано или поздно придется расплачиваться. Помните о цене данайских даров...



ОПЯТЬ ПРОКАЗЫ ШАРОВОЙ МОЛНИИ

В канун рождественских праздников шаровая молния настигла 29-летнюю крестьянку Гертруду Тигре на пути к дому. Она буквально раздела ее догола, испепелив одежду, и выбрила на голове полосу волос «под панка». Очнувшись на больничной койке после своего «второго рождения», Гертруда первым делом обратилась к услугам зеркала, которое повергло ее в уныние, — «божественная» прическа оказалась слишком экстравагантной для матери семерых детей из Зимбабве.

Согласно статистике, в Зимбабве ежегодно погибают от ударов молнии около 100 человек, главным образом в сельской местности. Находится и немало «очевидцев», утверждающих, что в основном жертвами «сговора с небесами» оказывались участники семейных ссор или конфликтов с соседями.

Правда, у ученых имеется другое объяснение. Научный консультант управления электроснабжения Зимбабве Ван Оулта объясняет «феномен молнии» характерными для многих районов страны мощными залежами гранита, которые в сочетании с другими минералами, прежде всего ураном, а также с условиями высокогорья, влажности и температуры благоприятствуют зарождению высоковольтных разрядов.

БРАК НЕ ДЛЯ СЛАБЫХ

По давним обычаям африканского племени банга, невеста, прежде чем броситься жениху на грудь, подносит к ней пылающий факел. Горе слабому духом. Вскрикнул — и потерял невесту.

Не легче предбрачные испытания невест эфиопского племени галас. По обычаю, жених должен опустить голову невесты в бочонок с водой. А если жених задумался!

Вас пугает такая перспектива! Ищите жениха в своем Отечестве. Он и храбр, и нераздумчив. «Я хотел бы жениться на любой южноафриканке с белым цветом кожи в возрасте до 70 лет, остальное для меня не имеет значения» — так выразил свои намерения 19-летний житель Алма-Аты Сергей Г., опубликовавший брачное объявление в Йоханнесбургской газете «Стар». О себе Сергей сообщил, что он беспартийный, к уголовной ответственности не привлекался, занимается спортом, обладает отличным здоровьем и «очень высоким уровнем интеллекта». Что ж, интеллект — он и в Африке интеллект.

ЖЕНЩИНЫ УЗНАЮТ ВСЕ ФОКУСЫ МУЖЧИН

Еще один из закрытых лондонских клубов — Кружок волшебников — распахнул свои двери перед женщинами. Положен конец традиции, согласно которой членами этого общества магов и фокусников могли быть лишь мужчины. Одна из претенденток — Кэролайн Гудмэн заявила прессе, что основным аргументом сторонников чисто мужского братства было то, что женщины не умеют хранить секретов. Однако это мнение давно устарело.

НЕ ХОЧУ НАРУШАТЬ ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ

Когда у нигерийца Олатеру Олагбеги из штата Ондо спросили, сколько у него детей, то получили несколько неожиданный ответ: «Около 160 сыновей и дочерей». «Говорю «около»,— пояснил Олагбеги,— в следую древним традициям йоруба, которые запрещают называть точное количество домочадцев».

Не менее древний обычай берберов разрешает женщине заключать брачные союзы с несколькими мужчинами. Возможно, именно из боязни нарушить этот обычай королева Кахена имела гарем из 400 мужчин.

ЕСЛИ ГОРБАЧЕВ ПОЙДЕТ ПО ПУТИ БУДДЫ...

«Проблема, связанная с будущей деятельностью М. Горбачева, главы уже не существующего государства, будет легко решена, если он примет наше приглашение прибыть в Пуну и проведет там полгода для обучения медитации». Об этом говорится в полученном ТАСС пресс-релизе, с которым выступил личный врач духовного лидера коммуны Раджниша Ошо. «Г-н Горбачев признал, что переживает сейчас труднейший период в своей жизни, но этот период может стать также временем для великого духовного обновления».

«Он потерял свое внешнее царство, но сейчас у него есть возможность открыть царство внутреннее. Ему известна иллюзорная сущность внешней империи, которой присуща непрекращающаяся борьба за власть и изменчивость лидеров. Теперь он может познать суть своего внутреннего мира, который будет вечно с ним».

«Необходимо помнить, что великие мистики Будда и Махавир отказались от своих тронов во имя начала поиска в своей душе, и несомненно советский лидер много выиграет от повторения их пути».

«В знак помощи г-ну Горбачеву в переходный для него период мы предлагаем ему звание президента «Академии медитации для духовной трансформации политических деятелей» при коммуне Ошо. Эта академия поможет политикам почувствовать глубоко укоренившийся в них комплекс неполноценности, заставляющий их бороться за власть».

«После шести месяцев медитации мы можем гарантировать, что М. Горбачев станет совершенно другим человеком, способным смеяться, испытывать счастье, пользоваться радостями жизни, полностью потеряв при этом интерес к политической борьбе за власть. После этого он с сочувствием будет относиться и Борису Ельцину как к человеку, все еще находящемуся в плену бесполезных притязаний на власть».

САМЫЕ-САМЫЕ...

Титул «Мисс Америка — 91» завоевала 24-летняя студентка Гавайского университета Каролина Сэпп, в жилах которой, как выяснилось, течет не только филиппинская, но и русская кровь. Победительница выразила желание побывать в России.

Победительницей конкурса «Мисс Южная Африка» стала 22-летняя белокурая Дайана Тильден-Дэвис. Среди чернокожих красавиц возникло движение протеста, требующее провести конкурс на звание «Мисс Черная Южная Африка».

«Мисс Мира» — 20-летняя студентка из Венесуэлы Нинбет Беатриц Хименез. Наши не заняли призовых мест, так как ни одна из стран — членов СНГ не принимала участия в конкурсе.

Сингапурской Золушкой объявлена 26-летняя секретарша Эмин Тай, которой, правда, идеально пришлась впору не туфелька, а платье местного модельера, специально сшитое для съемок сингапурской кинозвезды.

В перечень наиболее элегантно одетых мужчин уходящего года по решению американского Фонда моды включен Борис Ельцин. По словам председателя Фонда, люди были восхищены фигурой российского лидера, который «с башни танка дал отпор организаторам попытки государственного переворота». После годичного перерыва в перечень модно одетых мужчин попал и президент США Дж. Буш.

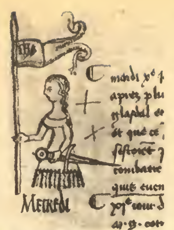
НАС НЕ ОТРАВИШЬ

Из истории известно, что египетская царица Клеопатра сумела выработать иммунитет к змеиному яду. А недавно обнаружилось, что голландец Кристиан Ван Роозен, оказывается, невосприимчив и кураре — соку растения чилибухи, с давних пор считавшемуся у индейцев самым сильным смертельным ядом. Поскольку медики не находят объяснения этому феномену, клуб «Гипотеза» нашего журнала предлагает свою версию. Случай с голландцем еще раз подтверждает: Ева была африканкой, африканкой, как известно, была и Клеопатра, через генетический код иммунитет Клеопатры унаследовал молодой голландец (ему, кстати, 26 лет) и, вполне возможно, наши, отечественные мужчины.

По материалам отечественной и зарубежной печати подготовила М. ВАСИЛЕВСКАЯ

ЖАННА — БОЖЬЯ ДЕВА

С. С. ОБОЛЕНСКИЙ



Жанна д'Арк. Рисунок на полях регистра Парижского парламента. XV в.

В июльском номере прошлого года в рубрике «Размышляя над книгой» мы познакомили читателей с одной из оригинальных биографий Жанны д'Арк, написанной князем С. С. Оболенским, русским эмигрантом (1908—1980). С 1962 года и до кончины он состоял главным редактором журнала «Возрождение» (Париж). Читатели проявили большой интерес к его трактовке образа этой знаменитой святой, и мы решили предложить вашему вниманию несколько фрагментов книги С. Оболенского — не только блестящего знатока жизни Жанны и ее времени, но и несомненно незаурядного писателя.

Оболенский С. С. Жанна — Божья дева. Париж, 1988.

«В моем краю меня звали Жаннетой... Я родилась в деревне Домреми, которая составляет одно с деревней Гре. В Гре главная церковь... Мой отец — Жакоб д'Арк, моя мать — Изабеллетта, по прозванию Ромэ... Крестил меня, насколько я знаю, мэссир Жан Минэ, который был в то время священником в Домреми... Мое прозвище — д'Арк или Ромэ — в моем краю девушки носят прозвище матери... Кажется, мне теперь девятнадцать лет» (в феврале 1431 г.).

Тихая извилистая речка, с островками, с водяными лилиями у тенистых берегов — Мез; широкая полоса заливных лугов, весной превращающаяся в сплошной белый, голубой и желтый ковер (отсюда произошло, может быть, и название районного центра, Вокулер, от латинского valis coloris — долина цветов); с обеих сторон окаймляющие долину мягковолнистые гряды холмов, покрытые дубовым и буковым, а местами и хвойным лесом, с виноградниками на склонах, и у их подножья несколько крошечных деревень, среди которых на левом берегу — Домреми. Под нежным пастелевым небом простой и мягкий пейзаж очаровательно легок и чист, по счастью, он и сегодня почти не испорчен, только леса, все еще прекрасные и таинственные, стали теперь немного меньше, да и места прежних виноградников заняли фруктовые сады. Об этой чистоте и об этом очаровании писалось не раз, и, подъезжая впервые к Домреми, я смутно боялся их не найти; но в действительности это даже более верно, чем можно вообразить: вполне почувствовать Жанну легче всего в Домреми. Здесь сама плоть мира кажется всюду эфирно-тонкой, точно готовящейся к своему преображению: и под ивами, отражающимися в прозрачной воде у моста между Максэ и Гре, и у холодной струи («Крыжовникова ключа»), бьющей из-под камней среди яблонь чуть ниже дороги на Нефшато, и на лесной поляне на горе, где стоит Бермонская часовня. Река, луга и лесные холмы с их полной гаммой всех тонов зеленого цвета, от неправдоподобно ярких до темных почти до черноты, составляют одно целое, совершенно законченное в своей гармоничности. Сами цепи холмов, вырисовывающиеся одна за другой, уводят взор все дальше и дальше, сливаясь в конце концов с небосводом. При солнце этот пейзаж, законченно-гармоничный и мягкий, как Жанна, и, как она, открытый на бесконечность, сияет, как девичье «смеющееся лицо», запоминавшееся всем современникам; но Домреми не менее прекрасно и в пасмурный октябрьский день, когда ставшие призрачными холмы не отличить от садящихся на них беловато-серых туч; все та же гармония проникнута тогда бесконечной всемирной грустью, как «постоянно наполнявшиеся слезами» её глаза. Эта грусть бесконечна, но тиха и спокойна — тоже уже на грани преображения.

Жанна с мечом и знаменем. Миниатюра XV в.

Отойдем на несколько верст, перейдем через мост за Куссэ или завернем мимо леса по дороге на Бриксэ: мы все еще в долине Меза, отдельные элементы пейзажа те же, что в Домреми, но той гармонии в сочетании с теми далями больше нет. Они только там, с их прозрачной чистотой и с их тайной, только в этом единственном амфитеатре холмов, созданном для того, чтобы среди десятков поколений обыкновенных людей, один раз за тысячелетия, в нем

выросла девочка, обещавшая Богу просто «сохранить в девственной чистоте тело и душу» и сдержавшая свой обет «как умела и как могла».

Между родным домом Жаннетты и церковью был только фруктовый сад ее отца да несколько могил на крошечном кладбище, и в комнате, где, по преданию, спала Жаннетта, единственное малюсенькое оконце в толстой стене выходило на деревья и на церковь.

Начав подрастать, «Жаннета пряла, занималась хозяйством, как все другие девочки», — рассказывает ее на несколько лет более молодая подруга Овиетта (или Ометта?), жившая в соседнем доме и постоянно бывавшая у нее. Быт в долине Меза по сей день остается довольно суровым, и Жаннетта, конечно, в родном доме приобрела свою привычку есть мало и как бы на ходу: «между Куссэ и Вакулером» крестьяне и теперь еще порой не едят ничего, кроме малого количества молочных продуктов да ситного хлеба, иногда обмакивая ломти его в вине (как сделала Жаннетта в знаменитый вечер 6 мая 1429 г. в Орлеане); иногда едят стоя, чтобы не отрываться от дела. Проработав весь день от зари, Жаннетта вечером ложилась на одну из тех жестких, очень коротких и узких кроватей, какие до последнего времени сохранялись еще кое-где у местных крестьян. Вопреки распространенной легенде, «пастушкой» она не была и сама даже как бы подчеркивает это: «Не помню, водила ли я скотинку на луг, когда была совсем маленькой. С тех пор, что я подросла, я не пасла ее постоянно, но иногда, правда, водила на луг». Луга долины Меза — «долины цветов» — славятся как пастбище до сих пор. Луговые участки принадлежали, в собственности, отдельным крестьянам, но скот пасли сообща: каждый крестьянин имел право вывести на луг количество голов, соответствующее размеру его участка. Семьи выставляли пастухов поочередно. Когда очередь доходила до семьи д'Арк, смотреть за стадом посылали младшую девочку, Жаннетту.

По-видимому, она никогда не ходила в школу, которая существовала на том берегу реки, у супостатов в Максе, где народ стоял за бургиньонов. «Я не знаю ни А, ни Б»,— заявляла она всегда без всякого стеснения. Зато «я умею шить и прясть лен». На всю ее коротенькую жизнь это осталось одним из главных предметов ее гордости. «Насчет шитья и пряжи я не боюсь поспорить с любой женщиной в Руане»,— говорила она еще во время процесса.

Крестьянин Жакоб де Сент-Амаис помнит, как она не раз до поздней ночи чинно сидела за рукоделием с его дочерью. Иные свидетели помнят ее и на пастбище, «с пряжей в руках», ее видали работающей и в поле, когда она полола или помогала отцу в пахоте или на жатве. И сверстники, и старшие говорят, что она была отличной работницей.

При этом ее стали все чаще и чаще находить в церкви. Священник одной из соседних деревень, Анри Арнолен, приезжавший в Домреми и раза четыре исповедовавший ее постом, запомнил, как эта девочка во время служб стояла перед распятием, сложив руки, иногда опустив голову, иногда подняв глаза к распятию или к Божией Матери. Она исповедовалась почти каждый месяц, во всяком случае на все большие праздники. В поле, когда раздавался колокольный звон, она крестилась и становилась на колени, а если могла, убегала в церковь.

Но еще больше этой церкви она любила маленькую Бермонскую часовню, стоящую на поляне среди леса над Гре. Крестьяне из Домреми обычно ходили туда на богомолье по субботам, и Жаннетта добилась для себя маленькой привилегии: ей давали нести свечи. Но и в другие дни, «когда ее родители думали, что она в поле», она часто оказывалась там. От Гре, с того места, где стояла старая церковь, которую знала Жаннетта, туда нет и получаса ходьбы. Дорога почти сразу довольно круто идет вверх, и если, поднявшись, оглянуться назад, то деревни внизу, зеленый простор лугов и холмы того берега видны, как на ладони. Потом дорога вьется между полями, прежде чем углубиться в лес. Еще и сегодня можно сходить и вернуться, не встретив ни души, не услыхав ничего, кроме птичьего пения, шелеста листьев и, может быть, отдаленного благовеста, доносящегося снизу. На границах Лотарингии этот благовест, который так любила Жаннетта, совсем особый: настоящий перезвон, какого иначе как будто нигде не бывает на Западе. В этой маленькой, совсем простой и очень светлой часовне, вокруг которой шумят ели, Жаннетта становилась на колени перед статуей Божией Матери и перед древним романским, по своей трактовке, как говорят, даже византийским распятием в глубине над единственным окном, откуда оно господствует над всем. Все так тихо, так необычайно светло, и вся мировая трагедия присутствует здесь в опущенной голове и в растянутых тонких желтовато-белых руках Распятого. Когда руки Жаннетты станут прикручивать к столбу, на рыночной площади в Руане, она, прося принести ей «изображение распятого Господа», будет помнить, конечно, об этом изумительном Бермонском Распятии. И нигде больше биение сердца Жаннетты не чувствуется так, как здесь, у пронзенных окровавленных ног ее «единственного верховного Царя».

Одна из ее крестных матерей (их у нее было несколько), Жанна Тьесселен, заметила, что эта девочка никогда не божилась и в крайнем случае говорила только: «Да, непременно!» — «Sans faute!» Местный священник, Гийом Фроите, находил, что это «лучшая христианка в приходе». Встречая его и прося у него благословения, она обычно становилась на колени, а мэссир Фроитз смотрел при этом прямо в корень дела и вздыхал: «Если бы у нее были деньги, она отдавала бы их мне, чтоб я служил обедни». Денег у нее, можно сказать, не было, но по словам тех, кто знал ее девочкой, она «раздавала все, что могла»,— черта, которая останется у нее на всю жизнь. Церковному служке она дарила немного шерсти под условием, чтоб он исправно звонил в колокола; когда же он по лености не звонил в них вовсе, она, по его словам, обрушивалась на него с горькими упреками (существует ряд указаний, что колокольный звон помогал ей слышать ее Голоса).

«Добрая, простая и мягкая», говорит про нее Овиетта и рассказывает, что любила спать в одной постели со своей старшей подругой (как впоследствии любила спать с ней в одной постели маленькая Шарлотта Буше). Она бегала ухаживать за больными детьми, и впоследствии, когда ее уже давно не было на этой земле, стареющие люди вспоминали девочку-подростка, когда-то склонявшуюся над их изголовьем.

«Добрая, мягкая, простая»,— говорят про нее в разных вариантах и другие свидетели из Домреми; такой же осталась она и в памяти народа в Орлеане («одна доброта, одна кротость» по «Мистерии Осады»). Это так ярко выступает во всем ее образе, что у нас Константин Леонтьев, даже, кажется, без очень подробного ее изучения, увидал ее «ангелом доброты».

Когда она уже «пришла во Францию», люди, видавшие ее непосредственно, замечали, что она, «страшно любя лошадей», умела мигом успокаивать самых «свирепых» из них, в полной уверенности, что ей они ничего не сделают. И людям всегда казалось, что всевозможная четвероногая и пернатая тварь вообще льнет к этой девочке, «лучше которой не было в обеих деревнях» (Домреми и Гре), по наивному выражению ее крестной матери Беатрисы Этеллен. Самые характерные более или менее легендарные рассказы о ней именно об этом: тут и пение петухов в ночь, когда она родилась, и особая деликатность хищных зверей, «которые никогда не трогали скот ее



Дом Жанны д'Арк в Домреми



Вид на деревню Домреми со стороны Мааса. Акварель Пансе

родителей», и «птицы лесов и полей, приходившие к ней, как ручные, есть хлеб у нее на коленях», и позже опять белые птицы, садившиеся ей на плечи в шуме сражений. В самом Домреми до последнего времени сохранилась легенда, в XV веке нигде не записанная: из Домреми в Вотуи (где ее старший брат Жакмэн, женившись, жил своим хозяйством начиная с 1419 г., очевидно, на земле, принадлежавшей их матери) Жаннетта обычно ходила лесной тропинкой, сокращающей путь; и когда она входила в лес, птицы слетались к ней и с пением летели за ней всю дорогу, пока она не подходила к деревне; там они рассаживались на опушке и терпеливо ждали ее возвращения, чтобы тем же способом провожать ее назад в Домреми. Тропинка эта и зовется на местном наречии «Sentier des Avisselots» — тропинка пташек.

«Ее любила, можно сказать, вся деревня».— говорил на процессе Реабилитации старик Жан Моро. Иногда только, рассказывает ее сверстник Жан Ватрен, «я и другие смеялись над ней, когда мы играли на лугу, а она вдруг уходила от нас, чтобы поговорить с Богом». Ее подруга Изабеллетта Жерарден, которая была на несколько лет старше ее, рано вышла замуж и позвала Жаннетту в крестные матери своего ребенка, журила ее за эту «дикость», старалась втянуть ее за собой в забавы и танцы, но из этого ничего не выходило. Девочка со «смеющимся лицом» и с «глазами, часто полными слез» (какой ее вскоре увидал Персеваль



Жанна на костре. Скульптура Клера

де Буленвилье), оставалась немножко чужой. Даже муж ее старшей сестры Катерины, рано умершей, Колен де Гре, с которым она, по-видимому, очень дружила, говорит, что иногда он ее дразнил ее набожностью. Она конфузилась, по словам Овиетты, когда ей говорили, что очень уж много она молится.

В эту первую четверть XV века множество людей обуревали религиозные терзания, видения ада и панический страх перед дьяволом; их потрясала проповедь о грядущем Антихристе в духе испанского доминиканца Винсентия Феррера, с танцем смерти и с процессиями самобичевальщиков. Но все это было совершенно чуждо тому духу, который еще веял в поместной галликанской Церкви. Жерсон никогда не был автором «Танца смерти», который ему хотели приписать. Зато он однажды написал письмо Винсентию Ферреру, очень вежливое, но называвшее «дураками» толпы, бежавшие за испанским проповедником; Новый Завет, писал Жерсон, есть завет любви, и нет оснований драть себе тело «до крови».

Жанну вообще невозможно вообразить бичующей себя «до крови». Люди безумели от страха потому, что потеряли непосредственное ощущение присутствия светлых сил; у Жанны же все отношение к Богу соткано из света, и ощущение светлого присутствия было у нее таково, что дьявола она совсем не боялась.

Эта просветленная любовь и надежда на Бога невольно связывается с именем Св. Франциска. И соблазнительно думать, что Франциск был, может быть, кровно связан с родной деревней Жаннетты: существует версия, что его мать происходила из дворянского рода Бурлемон, пришедшего в Прованс из Шампани, и роду Бурлемон принадлежала южная половина Домреми. Но, кажется, эта версия о полуфранцузском происхождении Франциска возникла гораздо позже, и Жаннетта вряд ли слышала о ней.

Зато духовный мир Жаннетты действительно мог легче всего воспринимать именно францисканские черты, то, что было во францисканстве наиболее просветленного. По рассказу Челано, Франциск тоже постоянно ощущал «ангелов, идущих с нами, и любил их особой любовью»; и характерно, что он особенно чтил архангела Михаила... «Мой нотариус — Христос, мои свидетели — ангелы» — эту фразу, приписываемую Св. Франциску, могла бы сказать Жаннетта. Как Св. Франциск шел с веселием, с песней по дорогам Умбрии, радуясь всему, что создал Бог, так и она всю жизнь являлась перед людьми «со смеющимся лицом», и еще тогда, когда ее держали в цепях днем и ночью, она слышала голос, говорив-

шнй ей: «Будь с веселым лицом». И как последовательница Франциска, святая королевна Венгерская Елизавета, она терпеть не могла тех людей, которые «стоят в церкви с такнм видом, точно хотят нспугать Господа Бога».

В зто самое время «реформнрованные» францисканцы, стремнвшнеся восстановнть первоначальную чистоту ордена, Бернардин Сиенский, Колетта Корбийская, учили по всей Европе непрестаиио призывать нмя Иисусово. И факт тот, что Жаннетта носнла имя «Иисус» иа перстие, ставнла его в заголовке своих пнсем, иапнсала его иа своем знамеии н его она повторяла, умирая в огне. С францисканцамн ее сблнжала н вся остальная ее символика: голубь н лилия, образ Благовещения на флюгере; общими с нимн у нее былн и отдельные черточки повседневной жизнн — пение антифон Божней Матери, отвращенне от божбы н в особеииостн культ Евхарнстии.

Францнсканцы былн, повидимому, ие единственными монахамн, которых знала маленькая Жаннетта. Под самым Домремн, в Брнксе, существовал августннскнй монастырь, где подбнрали и воспитывалн беспризорных детей. Особая нежность к таким брошенным детям н снмпатин к монастырям, где нх воспитывалн, остались у нее на всю жнзнь. Вероятно, со всем этнм она еще с детства познакомилась в Брнксе. И впоследствнн ее духовинк, Пакерель, был августннцем.

Всего зтого было достаточно для того, чтобы она переняла от францнсканцев и августннцев то, что ей подходнло, и слншком мало для того, чтобы она перестала быть самостоятельной. Ее учнли дома «иметь Иисуса в сердце», как учнла зтому Жерсона его мать,— ей понравнлось у францнсканцев в Нефшато, что они ставнлн нмя Иисусово везде, постоянно его прнзывали, н она сама стала делать то же самое; ей нравились голубь н лилия, как снмвол чистоты, н она взяла нх для себя; она хотела быть как можно блнже к Богу н решнла, что ннщенствующне монахи хорошо делают, прнчащаясь как можно чаще. Ей подошла вообще францисканская интнмность со Христом, зта жажда полного слняния («Как Ты, Отче, во Мие, н Я в Тебе, так и они да будут в Нас еднно»), дошедшая у Св. Франциска до того, что на Анвернской горе он почувствовал себя «превращенным в Иисуса, совершеиио».

В течение двух столетий, прошедших со смертн Св. Францнска, зто с удивительным упорством всплывало в релнгиозной жнзнн Европы. И в самой глубнне своего сердца маленькая девочка начинала чувствовать, что она — «дочь Божия» и может быть ею совершенно н абсолютно.

А того, что ей не подходило, она не взяла. И ннкогда она не хотела стать мученицей; чтобы повиноваться Богу, она прнняла решительно все, но она боялась страдання и до конца молнлась о том, чтобы, еслн возможно, эта чаша мнновала ее. Эта черта, коренным образом отличающая ее от Францнска н от многих его ученнков, существенна настолько, что ее нужно подчеркнуть с самого начала. Поэтому и самое соединенне с Богом, самое отношенне дочери к Отцу, происходнло у нее по-другому, без стнгматов.

Давно замечено, что нзустная народная память часто бывает крепче той, которая сохраняется в книгах. Но не следует также думать, что французская деревня XV века ничего не чнтала. Одна нз крестных матерей Жаннетты, Жанна Тьесселен, прямо говорнт про себя, что чнтала рыцарские романы. Грамотные люди вообще былн в деревнях.

Долгнми, знмними вечерамн, когда старшне н детн собиралнсь поочередно у кого-ннбудь нз соседей, Жаннетта могла слышать, за пряжей нли за вязанием, не только нзустные рассказы, но н чтенне о «стародавннх временах», если тут оказывался грамотный человек.

Жаннетта была совсем необразоваииой маленькой девочкой. Но нсключительная лнчность тем н исключнтельна, что она по одному отрывку, иамеку, снмволу способна уловить всю сущность. Идеалы, насыщавшне воздух старой Фраицни, Жаииетта впнтывала всем своим существом. Этн идеалы она сделала своей собственной жизнью. Она действнтельно будет жнть прнчастием и действнтельно никогда не будет мириться нн с какой неправдой.

И, как Св. Францнск, она знала при зтом, что в красоте тварного мнра никакая бесовщнна ей не грознт. Глазамн, полнымн горнего света, она смотрела на землю — «мать нашу Землю», как ее ласково называл Св. Францнск. О Божьей славе и о «блаженстве следующих Его святым повеленням» шепталн Фраициску «брат ветер, и воздух, н облако, н чистое небо, сестра вода, смиренная, н драгоценная, и целомудренная, и всякий плод, и цветы с нх дневными красками, н трава». И в Руане, не нмея возможности сосредоточнться ни днем, ни ночью «нз-за шума в тюрьме н ругаии стражннков», девочка нз Домреми скажет своим судьям:

«Если бы я была в лесу, я очень хорошо слышала бы мои Голоса...»

Но ннквизиционные судьи, давно разучившнеся видеть всякий отблеск божественного света, должны были найти бесовщнну, и онн ее нашли в знаменитом дереве, стоявшем на земле Бурлемонов. И Жаннетту сожгли под тем формальным предлогом, что в детстве она вместе со всей деревенской ребятней вела хороводы вокруг древнего бука, о котором ей рассказывали волшебные сказкн.

«Есть около Домреми одно дерево, которое называется дерево Дам, а другие называют его деревом Фей. Около дерева есть ключ. Я слышала, что больные лнхорадкой пьют нз зтого ключа н ходят за зтой водой, чтобы вылечнться. Это я сама видела, но не зиаю, вылечнваются ли онн нлн нет. Я слышала, что больные, когда могут встать, идут к дереву плясать. Это дерево, бук, и от него в мае берут праздиичную зелень».

«Говорят, что около дерева есть в земле мандрагора. Точиого места я не знаю; говорили, что над ннм растет орешннк. Мандрагоры я никогда не вндела. Говорят, это такая вещь, которой лучше не видеть и лучше у себя не держать; к чему она служит, не зиаю. Будто бы она приноснт богатство, но я в зто не верю, и мои Голоса никогда мне об этом не говорнлн ничего».

«Иногда я летом ходила плясать с другнми девочкамн н плела у зтого дерева венкн для образа Божией Матерн, который в Домремн. И насколько слышала от старшнх, но ие моего рода, что там водилнсь феи. И слышала от одиой жеищины, Жанны, жены мэра нашей деревин, Оберн, что оиа видела зтих фей; но не зиаю, правда лн зто. Я ннкакнх фей, насколько знаю, не видела никогда, ни у дерева, ни где бы то нн было. Я видала, как девочки вешали венки на ветви зтого дерева, н сама вешала с другнми девочкамн; нногда онн уноснлн нх, а нногда оставлялн».

По словам крестьян и других местных жителей, тщательно опрошенных на сей предмет в 1455—56 гг., «гулянья» у дерева происходнли главным образом в четвертое воскресенье Великого поста (Laetare), называвшееся в краю «воскресеньем ключей», но, впрочем, н в другне праздннчные весенние и летние днн. Обычай был приносить с собой хлебцы, специально испеченные накануне; запивая вином, нх ели под деревом фей, «прекрасным, как лнлня, и такнм развеснстым, что его ветви и листья доходят до самой земли», как его опнсывает в своем показанни кум Жанцетты Жерардеи д'Эпнналь. «Дерево дивного и чудесиого вида»,— говорит немного более молодой сверстник Жаннетты, ставшнй потом священником в одной из соседних деревень. И он бесспорно прав, добавляя, что зто место (откуда открывается великолепный внд на долнну Мезы) словно создано для отдыха н веселья. Детн н молодежь вели хороводы, нногда делалн чучело. Потом спус-

кались с плясками к соседнему «Крыжовникову ключу» пить его воду. По всему краю множество таких ключей, дающих чистейшую воду действительно превосходного качества (говорят, она содержит радий); в самом Домреми их прежде было до пяти, а Гре имело уже свой собственный целебный ключ, в лесу, недалеко от Бермонской часовни. На все эти обычаи седой языческой старины Церковь по обыкновению наложила свою печать: в канун Вознесения священник читал под деревом Дам и у ключа Евангелие от Иоанна. Что касается фей, «они ушли из-за своих грехов»,— говорит крестная мать Жаннетты Беатриса Ителлен. «Исчезли с тех пор, как под деревом читают Евангелие»,— полагает со своей стороны крестный отец Жаннетты Жан Моро.

Но все показания сходятся на том, что никто никогда не видел, чтобы Жаннетта ходила к «прекрасному буку» одна, без хоровода девочек. Того места она не боялась, «раза два или три» горний свет озарял ее и у ключа, но мы знаем, что, когда она стала все больше и больше искать одиночества, у нее для этого были другие любимые места.

«Я слышала от моего брата, что в краю говорили, будто это случилось со мной от дерева Фей; но это не так, и я прямо сказала ему обратное».

Было немыслимо, чтобы светлые силы, охраняющие мир, теперь оставили его до конца. Ведь и теперь сам архангел Михаил так явно охранял от завоевателей свою нормандскую обитель. Жаннетта знала, кроме того, что и ее родной край издавна посвящен архангелу Михаилу. Как Нормандию осенял Мон-Сен-Мишель, так Барруа осеняло аббатство Сен-Мигиель, возникшее примерно в ту же эпоху, в первой половине VIII века. И целый ряд мест, в Барруа и в Лотарингии, носил имя архангела. Даже прямо напротив Домреми, на правом берегу реки, крошечная деревушка Монсель — сокращение от Мон-Мишель — по сей день хранит воспоминание о часовне, которая была там воздвигнута во имя архангела в незапамятные времена,— ее больше не существовало, кажется, уже при Жаннетте.

Силы Божии стоят рядом с нами, «ангелы часто бывают среди христиан».

«Я буду звать их на помощь, пока буду жива».

Вот что она сама рассказала о том, как это началось:

«Мне было тринадцать лет, когда мне было откровение от Господа, через Голос, который учил меня, как я должна себя вести. Первый раз я очень испугалась. Голос пришел около полудня, летом, когда я была в саду моего отца. В тот день был пост, а накануне я не постилась. Я услыхала Голос справа, со стороны церкви. Я редко слышу его без света. Свет бывает с той же стороны, с которой слышен Голос; и тогда бывает обыкновенно сильный свет... После того как я слышала его три раза, я узнала, что это голос ангела.

Я увидела перед своими глазами архангела Михаила. И он был не один, его сопровождали ангелы небесные.

Этот Голос всегда меня хранил, и я хорошо его понимаю... Мне хотелось бы, чтобы все слышали Голос так же хорошо, как я.

В первый раз, что я услыхала Голос, я дала обет сохранить девственность, пока Богу угодно. Мне было тогда лет тринадцать».

Некоторые другие подробности о первом видении рассказывает Персеваль де Буленвилле:

«В тот летний день ребятишки забавлялись, бегая взапуски на лугу. Быстрее всех бежала тринадцатилетняя дочь Жако д'Арк. Она бежала с такой легкостью, что одна из ее подруг, смеясь, крикнула ей: «Жаннетта, ты, кажется, летишь над землей!»

Оторвавшись от детворы, она «остановилась перевести дух, как бы вне себя, лишившись чувств», и вдруг увидала перед собой незнакомого подростка, который сказал ей: «Ступай домой, ты нужна твоей матери». Подумав, что это кто-то из многочисленной родни из окрестностей, она побежала домой. Но Роме ее не звала.

Удивленная, она вышла в сад и стала прислушиваться. Тут это произошло.

Нетрудно видеть, сколько эзотерики можно вычитать из этого текста: тут и левитация, и классическое описание экстаза-восхищения, и зов к Матери, другой, чем плотская мать. Но невозможно сказать, что в этом тексте действительный отзвук ее собственных слов, а что является плодом воображения современников или присочинено самим Персевалем де Буленвилле, любившим писать эффектно. И на мой взгляд, все это окрашено не совсем так, как ее подлинные слова. Достоверно во всяком случае лишь то, что она сама рассказала на процессе в Руане.

Как ни в чем не бывало, она продолжала заниматься своими делами (земными делами она будет заниматься всегда): «Все время, пока я была в доме моего отца, я делала домашние работы»,— что и подтверждают все свидетели, опрошенные в 1456 г. Но «с тех пор как я узнала, что должна прийти во Францию, я мало, как можно меньше, принимала участие в играх и в забавах; не знаю, плясала ли я еще у дерева Фей с тех пор, как подросла и поумнела; вероятно, иногда плясала с детьми, но больше пела, чем плясала».

Ее сверстники видели, что она не танцует, и приставали к ней из-за этого. Но никто из них, никто вообще на всем свете — даже ее духовник — не знал, что с того летнего дня постоянно, иногда по нескольку раз в день, к ней приходили ее «братья из рая». И впоследствии руанские судьи с трудом заставили ее высказаться о том невыразимом, что она ощущала и что различала в осенявшем ее свете:

«Голос говорил мне о спасении моей души, он научил меня хорошо себя вести и часто ходить в церковь».

Продолжение следует



В. Александров. Мадонна Милосердная. 1980—1991



Встреча с папой Иоанном Павлом II в костеле (слева В. Александров и его жена Екатерина)

«МАДОННА МИЛОСЕРДНАЯ»

Эту картину московского художника Всеволода Юрьевича Александрова (ее мы воспроизводим на 1-й странице обложки), создававшуюся не для храма, папа Иоанн Павел II благословил в 1991 году. Благословение столь высокого духовного иерарха, наверное, можно считать неким итогом творческого пути.

А начинался он в московской средней художественной школе (ее иногда называли школой одаренных детей), которую Всеволод Александров окончил в 1955 году. В апреле 1958 года он, студент III курса Строгановского училища, выступил на научной конференции с докладом о древнерусском искусстве — рассказал об исследовании фресок на образцах Ферапонтова монастыря. Тема эта не могла получить официального одобрения ни тогда, ни в последующую четверть века. Но Всеволода Александрова мало заботило официальное одобрение, признававшее в живописи главным образом казенный классицизм.

Его душой на всю жизнь завладело Ферапонтово. Он встретился там с традиционной культурой русского Севера, по счастью избежавшей тотального разрушения. Колесный пароход, тихие леса и деревни, белый храм с древним шлемовидным покрытием... Здесь когда-то трудился Дионисий. Для своих фресок он готовил краски, используя местные глины. Всеволод Александров был потрясен колоритом Дионисия.

Он впервые увидел такую чистоту цвета: лазурь не с черными примесями (что порой бывает на фресках), а как синее стекло, «как палестинское небо». Нисколько не выцветшие от времени зеленые краски в куполе... Дионисий изменил его представления о живописи. Моне, Ван Гог, может быть, приближались к иконописи по чистоте красок и пространственному решению картины, но они работали на диссонансах, у них не было той гармонии, которая отличает творения Дионисия... Всеволод занялся изучением икон, делал копии фресок.

Художественное образование он завершил в 1964 году в Эстонском художественном институте, в Таллине, куда перебрался пятью годами ранее. Учителем его был Антс Вытрахандзу, в свое время работавший в мастерской Анри Матисса. Возможно, под его влиянием Всеволод Александров много экспериментирует в области формы. Он не забыл Ферапонтова (нельзя не заметить, что в «Мадонне Милосердной» есть ферапонтовские глины), но с середины 70-х годов становится одним из художников «с Малой Грузинской», экспериментатором в живописи. Их творчество вызывало тогда острый интерес и у их почитателей, и у противников. Стражи официального искусства такого не прощали. И вот снесена мастерская, закрывают его выставки. В 1982 году пришлось снимать со стены и «Мадонну Милосердную». В этот момент один из друзей сделал фотоснимок. Что получилось на снимке, вы видите. Друг, вручая Всеволоду фотографию, сказал: «Какой странный брак...» Чудо? Возможно. И связано это с главным творением Всеволода Александрова, с картиной, которую мы здесь представляем. Кстати, многие называют ее «Золотой Мадонной».

Он начал писать ее в 1980 году. Работал не один: «Мадонну» увидела в вещем сне Катя, спутница жизни Всеволода с 1974 года. (Их недавнюю выставку в Польше так и назвали: «Всеволод и Катя Александров» — Екатерина представила свои батики.) Сначала «Мадонна» виделась им как золотое отражение в воде, как «Невидимая Мадонна», потом они решили «проявить» высокий образ. Картину закончили в 1981-м, но иногда, вплоть до 1991 года, Всеволод по вдохновению притрагивался кистью к лику, к рукам — осторожно, лессировками. «Это была бесконечная картина»,— говорит художник.

Обращение к образу Богоматери, хотя и неканоническому, не было случайным для Всеволода Александрова. В итоге многолетних духовных поисков он пришел к выводу, что искусству конца XX века нужен новый Ренессанс, что формалистические изыскания себя изжили: как правило, изначально не сориентированные ни на добро, ни на зло, они могут служить тому и другому...

На выставке в Польше, организованной к Пасхе 1991 года, «Мадонну Милосердную» увидел папа Иоанн Павел II. Картина стала центром экспозиции в Варшавском костеле Милосердия Божьего. Во время своего визита в Польшу, по пути в епископат, папа зашел в костел Милосердия Божьего — он рядом с епископатом. Картина привлекла его внимание. «О, Мадонна!»,— воскликнул святой отец, увидев ее, подошел к картине и благословил ее и ее создателей.

Потом «Мадонна Милосердная» отправилась в Нью-Йорк, в городской костел. А Всеволод и Катя вернулись в Москву 18 августа 1991 года... Художник считает, что простого совпадения дат и событий не бывает. В ночь на 20 августа он молился перед иконой святого Георгия, чтобы не было кровопролития в Москве. Образ святого Георгия — победителя змия — для него значит почти так же много, как образ Богоматери, простершей Покров над Россией. Без сожаления и обид оглядывает художник свой далеко не легкий жизненный путь и видит наше будущее простым и светлым: возродится вера, люди будут трудиться на данной им земле...

1982 год — закрытие выставки



Мартин Шонгауэр. Святое семейство (темпера на дереве). Ок. 1485/1490. Вена. Музей истории искусств

СЕМЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

ПРИСТАНИЩЕ ДУШИ

В. МАЛЯВИН, доктор исторических наук

Что означают сегодня такие привычные словосочетания, как «иметь дом, семью», «жить семьей, в семье»? Есть ли в них смысл — и какой? Ответ на эти вопросы теснейшим образом связан с духовной ситуацией современного человечества.

Человечество переживает небывалый духовный кризис. Словно сбывается древнее пророчество об адском огне, уничтожающем плоды человеческого гения. Только пылает он не в глубине земных недр, а в душе самого человека.

Сто лет назад Ницше возвестил об «убийстве Бога человеком», а по сути дела — о приходе новой, невыносимо пошлой жизни — без глубины и возвышенности, отравленной яростью богоборчества и тоской богооставленности...

«Смерть Бога» в западной цивилизации с неизбежностью откликнулась «смертью семьи» («Смерть семьи» — название популярной на Западе книги о проблемах современной семьи, принадлежащей перу американского социолога Д. Купера). Вся современная массовая культура с ее тоталитарными идеологиями, развязным искусством, навязчивой публичностью, глубоко враждебна духовным основам семейного бытия. Когда то, что принадлежало таинству брака, становится самым ходовым зрелищем, семья умирает. Но, как замечено, «где опасность, там спасение». Полная обнаженность, лишенная всякой глубины и тайны, не способна поддерживать самое себя. В ней нет смысла, она безнадежно скучна. Переживаемый нами «конец света» означает, по сути дела, что мы достигли пределов публичности. За этим последует полная переоценка ценностей. Посмотрим вокруг: крикливые лозунги новейших идеологий, еще вчера завораживавшие миллионы, стремительно теряют власть над умами. На глазах вырождаются зрелищные виды искусства, превращаясь в ремесленные поделки видеобизнеса или снобистски-безжизненные трюки элитарного кинематографа. Если нынешней цивилизации суждено преодолеть свою собственную кончину, она станет качественно новой, внезрелищной. Нет, люди не откажутся вовсе от познания и коммуникации с помощью внешних образов. Они просто стряхнут с себя сладостный плен иллюзий. И это будет эра Семьи человечества, семейственности человеческого духа.

Нет нужды доказывать, что семья, «семейственное» жизнепонимание — это единственная альтернатива обесчеловечиванию человека в толпе, где все живут порознь, во вражде с миром. И это сегодня заставляет нас радеть о возрождении с е м ь и и д о м а как сокровенной почвы нравственной жизни, как необходимого пространства для доверительно-интимного общения между людьми, которое только и делает возможным исполнение великой заповеди: «возлюби ближнего своего». Почему заповедано любить именно ближнего? Не потому ли, что любить «дальнего» — постороннего, чужого — в сущности, невозможно и что только в отношениях с ближними, причем навсегда ближними, мы воистину познаем духовные возможности нашего бытия и постигаем самую человечную науку — науку быть вместе с другими?

Грядущее пришествие «эры Семьи» будет, конечно, возрождением исконных, древнейших начал человеческого бытия, ведь семья по определению связывает нас с прошлым, с традицией, с родовой силой жизни, хранит опыт интимного и гармоничного единения людей, на котором только и может держаться любое общество.

Идея Семьи, Дома во все времена оплодотворяла культурные традиции народов мира. Россия здесь — не исключение. Достаточно вспомнить древнерусскую традицию Домостроя или мотив всечеловеческой «соборности», введенный в русскую мысль славянофилами — первыми мыслителями, вглядевшимися в глубины русской души. Одно из вершинных проявлений идеи «семейственности» духа мы находим в письме Пушкина к жене, где поэт, возмущаясь бесцеремонностью жандармов, просматривавших его переписку, замечал: «Без политических свобод очень даже можно прожить. Но без неприкосновенности семьи жить решительно невозможно. Каторга не в пример лучше...» И никак нельзя думать, что здесь противопоставляются политические свободы семейному быту. В самом деле: тот, кому отказано в праве иметь свой «внутренний круг» семьи, никогда не станет гражданином, а стало быть,— о какой свободе может идти речь? И только тот, кто имеет свой дом и свою семью, способен жить полноценной жизнью. Не следует ли в таком случае признать, что в первой приведенной здесь пушкинской фразе речь идет, в сущности, о формальной декларации неких политических прав, которая, как мы сегодня знаем, сама по себе немногого стоит? Рабам без роду, без племени «дары свободы» ни к чему, а людям, познавшим счастье во «внутреннем круге» семьи, не нужны никакие внешние гарантии истинности их жизни. Замечание Пушкина нисколько не принижает значение политических свобод, но лишь указывает на условия их осуществления. И как не вспомнить в этой связи, что Пушкин в зрелую пору своего творчества был певцом «тайной свободы»?.. Не в почитании ли семьи нужно искать ключ к разгадке пушкинского — и традиционно русского — идеала внутренней свободы?

Не может поэтому быть случайностью и то, что на рубеже нынешнего века к теме священства семьи обратился один из самых глубоких и оригинальных мыслителей России — В. В. Розанов. Ему принадлежат гениальные догадки о зна-

Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какую вам не говорил ни один из пророков...

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха, ха!..

— Да, да! Никто этого не говорил: я — первый... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

— Ха, ха, ха...

— Ей-ей: это — общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто сидеть на стуле и смотреть вдаль.

В. РОЗАНОВ.
Опавшие листья

чении семьи как «религии жизни» и пути нравственного совершенствования, утверждающих бессмертие человека в глубочайших, «небесных» истоках его бытия. «Брак есть поклонение «невидимому свету»,— утверждал Розанов. — Этот-то свет и побеждает смерть, не иносказательно, но фактом: где мое и женино в этом младенце? Мы — живы в нем, а через его нарождения — живы в бесконечности... Если есть свет, душа не темна и не скорбна в секунды брака — он правилен; замутнение его раньше и чутче всего сказывается расстройством его глубин. Искусство жить в семье заключается в вынесении, выбрасывании тотчас каждой соринки, которая в житейском быту со стороны попадает в нее или,по несчастию и греховности человеческой природы, зарождается в ней же (семье)». По Розанову, именно жизнь в семье всего вернее направляет к чистой радости духа*.

Непреходящую важность веры в духовные начала семейного уклада демонстрируют страны Востока — их древняя история, их феноменальные сегодняшние успехи. Первый мудрец Китая Конфуций, основоположник самой жизненной в мире культурной традиции, вдохновлялся изречением: «Весь поднебесный мир — одна семья» и видел в семье самый естественный способ самореализации личности и даже залог человеческого бессмертия. Знаменательно, что мудрый на Востоке — это не философ, не знаток или умелец, а именно у ч и т е л ь ж и з н и, который передает ученикам не идеи и понятия, а сам «аромат» своего живого присутствия. Мудрость в восточном понимании — это вечная преемственность жизни, до последней мелочи, осознанной и сознательно прожитой. Человек же воистину открывает себя, входит в поток вечнопреемственности живой жизни, когда он осознает свое со-присутствие, свою со-бытийность с другими людьми.

Тайна человеческого величия — в нашей со-общительности с другими людьми. И эта тайна человечности в человеке может открыться нам в каждый миг нашей жизни. В сущности, она только и открывается нам в одно мгновение — неповторимое и непреходящее.

Конфуций — этот величайший из учителей Китая — совсем не похож на проповедника, трибуна или пророка. Он считал семью, рутину семейного быта началом всех добродетелей и часто говорил, что управление государством можно доверить только тому, кто умеет управлять собственным домом. Главный завет Конфуция ошеломляюще прост: «Не пренебрегай повседневными делами». Но каждый знает, как неимоверно трудно исполнять его. Жизнь китайского мудреца предстает как мозаика, на первый взгляд, незначительных, случайных, а то и просто самых прозаических частностей. Но воздействие ее огромно, ибо она учит понимать, что в жизни нет ничего незначительного и каждое мгновение в ней может оказаться вратами в вечность. Эта мудрость живет в старинном китайском изречении: «Добродетель, озаряющая целый мир, взращивается в темном углу родного дома».

Записи всех этих житейских «случаев» и «эпизодов», из которых на самом деле и складывается предание о жизни восточного Учителя, свидетельствуют о необычайно обостренном внимании к человеческой жизни. Глубочайшая мудрость в конце концов неотделима от безупречного воспитания, от умения сказать то, что нужно, и притом в нужный момент. «Говорить с человеком, который недостоин разговора,— значит терять слова,— наставлял учеников Конфуций. — А не поговорить с человеком, который разговора достоин, значит потерять человека. Мудрый не теряет ни слов, ни людей».

Непростое это искусство — сделать так, чтобы в слове сошлись сердца людей, чтобы в нем уравнялись несравнимые жизни. И нет ничего сложнее, чем принять родных тебе людей как свою неизбежную судьбу, принять семью как школу нравственности. Куда проще иметь дело со «всем человечеством», или абстрактным «космосом». Конфуций говорил: «Труднее всего строить отношения со своими домашними: если приблизить их к себе, они возгордятся, а если отдалить от себя — озлобятся». А много веков спустя китайский литератор Хун Цзычэн заметил, что «жить душа в душу со своими родными — в тысячу раз важнее даже подвига святости». Видно, мудрость — это и в самом деле почти непостижимое слияние духовной глубины и светской воспитанности, душевного покоя и чувственной жизни.

Каковы плоды «тихих наставлений» Конфуция? Если угодно, они налицо. Сегодня в Китае живут прямые потомки древнего учителя в семьдесят восьмом колене. Сохранился дом мудреца, его могила. Есть ли еще подобное на Земле? И все это при полном отсутствии в хранителях конфуцианской традиции аристократического чванства. Но главный памятник Конфуцию — это вошедшее в плоть и кровь китайцев представление, что все самое ценное в человеческой жизни заключено в долговечном, неизбывном, непреходящем. А что может быть долговечнее, чем быстротекучий поток будней, повседневные, неизбежные заботы семейного быта?

Нет, мы не станем идеализировать традиционную семью в реальной истории. И на Востоке семейный уклад не был свободен от патриархального деспотизма, угнетенности женщин, ханжества и лицемерия. И все же не эти пороки старинного семейного быта определяли сущность семейственного миросозерцания на Востоке. Как не определяет его, к слову сказать, распространившаяся в современной Японии тщательная имитация традиционного ритуала, отнюдь не такая точная и искренняя, как может показаться на первый взгляд. Дело не во внешних формах духовного измерения семьи. Главное, культуры Востока учат понимать, что эффективна не столько «техника орудий», на которую сделала ставку западная цивилизация, а «техника сердца», пестующая доверительно-безмолвную сообщительность человеческих душ, учащая людей без принуждения жить в мире с близкими.

Сегодня, когда благодаря невероятному техническому прогрессу все люди на Земле стали жить почти рядом, стали «близкими», внутренняя, духовная «техника» приобретает первостепенное значение. И вот уже экономические успехи Японии, Кореи, Тайваня и других стран Дальнего Востока побуждают иных журналистов говорить о том, что мир вступает в эпоху «капитализма по Конфуцию».

Когда сто лет назад В. В. Розанов заговорил о священстве семьи, ответом современников было недоуменное молчание и упреки в «безнравственности». Не поняли современники Розанова и его пророчествований о том, что придет время, когда литература утратит свою власть над людьми и люди научатся не «показывать жизнь», а просто жить — любить, радоваться, грустить, находить счастье в кругу домашних и друзей. Мы знаем теперь: не против литературы восставал Розанов, а против угнетающих человека фантомов идей, соблазнов зрелищ. И еще мы знаем, что мечта Розанова об обретении духовного здоровья через семью не была мещанской утопией.

История человечества иногда кажется мне необычайно растянутой во времени притчей о блудном сыне. Пройдя сквозь все соблазны идеологий и миражи технического могущества, люди в конце концов вернутся в свой родной дом. Они найдут себя в интимном пространстве семьи, где обитает, должна обитать, их душа. И будет одна Семья человеческого духа.

Семья точно так же имеет для себя религию в христианстве, как и институт монашества; и если аскеты, как мы знаем, именуют себя «небесными человеками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отец, покорный родителям сын, целомудренная дочь, завтра вырастающая в еще целомудреннейшую жену, суть также образы небесных прообразов. Они не суть ослабевшие в грехе люди: они восходят в некоторую положительную святость, и только по иной, полярно противоположной Голгофе, скале: «зла» — «блага».

В. В. РОЗАНОВ.
Уединенное.

* *См. об этом: В. В. Розанов. «Семья как религия» (в кн. Уединенное. М., 1990).*

Есть ли проблема, более острая, более актуальная, нежели современная семья? Возможно, и есть. Но семья сегодня волнует и государство, и общество, и церковь. Для тех, кто искренне следует избранной религии, сомнений нет: исполняй все, что предписано, и проблем не будет. Можно ли пренебрегать колоссальным опытом человечества, спрессованным в религиозных предписаниях? Даже в том случае, если многие из нас далеки от религиозной веры? К этому опыту, который мы отбрасывали как идейно чуждый, все чаще обращается ищущая мысль. Собрать все лучшее из чистых источников — общая задача. Публикуем беседу о христианской семье нашего корреспондента Т. Елизаровой с ректором Грузинской Духовной академии отцом **ГЕОРГИЕМ.** Сан священника он получил более двух лет назад, окончив Духовную семинарию в Мцхете (по светскому образованию он геолог, окончил Новочеркасский политехнический институт). Женат. Имеет четверых детей.

СЕМЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

ВОТ ТАКАЯ — ХРИСТИАНСКАЯ — СЕМЬЯ

— Отец Георгий, какие цели и смыслы заложены в устроении христианской семьи? Какова она, на ваш взгляд, в идеале?

— Семья — это одна из естественных форм раскрытия и совершенствования личности, а личность, человек — является в христианстве главной ценностью. Основа христианской семьи — любовь мужа и жены, родителей и детей. Апостол Павел вообще уподобляет отношения мужа и жены отношениям Христа и Церкви. Как Христос положил жизнь за Церковь, так и муж всей своей жизнью несет полную ответственность за здоровье, благополучие и честное имя семьи. А жена должна повиноваться мужу. Ибо сказано: «Кто любит меня, тот слушает слова мои и исполняет их».

Со времени грехопадения семейные отношения стали областью вечного конфликта, идет постоянная борьба за господствующее положение в семье, за то, чьи эгоистические желания — мужа или жены — будут удовлетворяться в первую очередь, в ущерб остальным членам семьи. Истинная христианская семья вне этой борьбы. В ней не только взаимная личная любовь, но и единое духовное основание, общая система ценностей. По ней и оценивается поведение членов семьи. Если кто-то совершает проступок, то другие должны проявить при этом мудрость, терпение и исполнить свой долг в Господе. Тому, кто сильнее, принимает на себя тяготы слабого, мстить за провинность нельзя ни в коем случае... Все это становится возможно и идет на пользу, на умножение обоюдного добра, только если и муж, и жена искренне веруют, признавая тем самым над собой Абсолют — истинное Высшее начало. Тогда и исполняется сказанное: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал, 6, 2).

— Какая семья, на ваш взгляд, предпочтительнее — большая, малая, средняя?

— Количественных ограничений нет, дано благословение — «плодитесь, населяйте землю и обладайте ею» (Быт. I. 28). Сколько детей посылает Господь, столько и хорошо, надо с благодарностью принимать Промысл Божий. Христианство не знает сознательной регуляции рождаемости, ибо деторождение есть дар Божий и для настоящего

«МАЛЫЕ» ЦЕРКВИ

НЕ ВРАЖДА ПРАВИТ МИРОМ, А ДОБРО

Труден неизведанный путь, который проходит каждое поколение духоборцев*. И перед каждым поколением неизменно встает вопрос: как отвечать на превратности судьбы, как встречать те трудности и невзгоды, нескончаемо на этом пути возникающие: яростью и насилием или терпимостью, добротой, любовью? И как обрести душевные, нравственные силы, которые позволят сделать правильный выбор и выстоять, сохранить лицо духоборчества?

Вот и на сегодняшнем повороте жизнь уготовила духоборцам серьезные испытания. Открыв шлюзы политической, религиозной свободы, перестройка дала мощный толчок развитию демократии, гласности, духовному возрождению народов. Мы перешагнули порог страха в открытом высказывании своих взглядов, в пропаганде идеалов духоборчества. Но родились новые страхи и опасения.

Что несет духоборцам происшедшая на наших глазах социальная революция и как жить в новых условиях? Этим вопросам был посвящен Всесоюзный съезд духоборцев, проходивший в июне прошлого года в поселке Целина Ростовской области. Место проведения съезда было выбрано не случайно. Именно сюда и в соседние с Ростовской областью Краснодарский и Ставропольский края, а также в Крым и Тульскую область потянулись новые миграционные потоки духоборцев из Закавказья. На съезд приехали духоборцы из Грузии, Украины, из Кабардино-Балкарии и Ставрополья, из Сибири, из Москвы, Тульской и Ростовской областей.

Съезд начался с исполнения духоборческого «Интернационала» и чтения псалма «Будь благочестив». В докладах и выступлениях председатели духоборческих общин заявляли о решимости возродить идеалы духоборчества, утверждать общинный образ жизни, честность и трудолюбие. Говорилось о необходимости глубокого анализа духовной и материальной жизни духоборцев.

Съезд объявил своей первоочередной задачей терпеливую разъяснительную работу среди духоборцев — с помощью прессы, хорошо настроенной по отношению к духоборческому движению, организацию духоборческих хоров, общин, этнографических музеев.

На съезде был избран Совет объединения духоборцев в составе 9 членов.

Съезд принял обращение ко всем духоборцам бывшего СССР.

В. ЧУЦКОВ

* *Направление христианства, возникшее в России в XVIII веке. Источник их верования — «Животная книга» — предания, передаваемые устно. О духоборчестве см. наши публикации в № 2, 4 и 5, 1988.*

верующего противоестественно вмешательство в это таинство. Жизнь в полном соответствии с заповедями, соблюдение поста телесного и духовного как следствие налагает определенные ограничения. Желательное воздержание: во время постов — Рождественского, Великого, Петрова, Успенского, еженедельно по средам и пятницам, по великим праздникам, включая воскресные дни,— составляет приблизительно 200 дней в году.

— И все-таки сколько же детей сегодня, в наших условиях, может вырастить и воспитать обычная супружеская чета?

— Снова скажу: сколько пошлет Господь. Цель жизни человека — в богообщении. Жизнь верующего основывается на духовных принципах, а это предполагает ограничения, которые сами по себе есть лишь путь к достижению богообщения.

— Как можно понять по вашим предыдущим рассуждениям, отец Георгий, вы не считаете возможным в христианской семье предохранение от зачатия?

— Любые меры по ограничению рождаемости, будь то аборт или контрацепция, есть война родителей против детей, что подсознательно вызывает в детях отчуждение от родителей. Именно ребенок есть высшее проявление любви, взаимного проникновения и открытости двух личностей. Когда эта связь сознательно делается бесплодной, то само единение с духовной высоты падает до взаимного удовольствия и эгоистического отношения друг к другу, тем самым разрушая семью.

— Влияет ли христианская семья на выбор профессии молодых?

— Часто молодой человек не знает, какой талант, какие способности ему даны, каким даром он наделен, потому и может ошибиться в выборе профессии. Но если он к своему труду относится не потребительски, а стремится к самораскрытию внутренних сил в процессе его, то он со временем находит и свое настоящее место в жизни. Действует он при этом руководствуясь собственным выбором, но прислушиваясь к мнению старших.

— Кто решает, идти молодым членам семьи учиться или на заработки в город? Сами они или их родители?

— Это надо решать по взаимному согласию с родителями — как для юношей, так и для девушек. В идеале много значит слово отца. Ведь семья — это малая церковь, где отец — патриарх. Отцы должны учить молодых жизненной мудрости и трезвости, независимо от личных желаний при выборе будущего считаться с другими...

— А в каком возрасте желательно вступать в брак?

— Для мужчины это возраст духовной, творческой и социальной зрелости, когда он сможет стать истинным главой семьи. Женщина должна просто встретить достойного человека. Однако в большой семье, даже если молодые еще не могут обеспечить себя сами, как правило, родители им помогают.

В Ветхом Завете разрешено многоженство. Но когда Иисуса Христа спросили, должно ли давать разводное письмо, как позволил им Моисей, Иисус сказал им в ответ: «По жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь; в начале же создания Бог мужчину и женщину сотворил... Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью...» (Мк. 10, 5—8). Так было до грехопадения. Бог, создав Адама, дал ему в помощницы одну жену. Христианство есть возрождение, освобождение от греха, поэтому в христианстве восстановился принцип единобрачия.

— Сохраняется ли сегодня в семье авторитет старших?

— В любое время, в любую эпоху, и в наше время тоже, невозможно не уважать человека мудрого, уравновешенного, терпимого, смиренного, исполненного жертвенной любви к родителям своим, предкам и потомкам, ближним и дальним. Если старший таков, с ним считаются, если нет — пусть пеняет на себя. Об обязанностях мужа, жены и детей в традиционных религиозных семьях хорошо рассказано у Феофана Затворника в книге «О христианской семье», в «Письме о христианской жизни».

Вообще вне Бога люди оценивают действия своих ближних исходя только из собственного разумения, понимания, предпочтений, а не вечных моральных законов. В таком случае любовь проходит, исчезает. Потому что без Бога не будет у человека силы прощения, а без прощения нет любви к ближнему. ●

САМОСОХРАНЕНИЕ

ЛЮБОВЬ

Мы продолжаем начатую в прошлом году (№ 7—11) рубрику. Ее ведет профессор Ю. М. Орлов, неутомимый пропагандист саногенного мышления. Для тех, кто не знаком с его предыдущими беседами, поясним: человек, научившийся мыслить с а н о г е н н о, не окажется жертвой эмоций, он сумеет найти в их бушующем море правильный, спасительный для себя курс.

— На этот раз темой нашей беседы будет любовь и саногенное мышление.

— Помилуйте, Юрий Михайлович, о какой любви может идти речь в теперешнее время! Вокруг не жизнь, а борьба за выживание, и значит — раздражение, злость, гнев. Любви что-то не видно, и рождаемость в стране заметно снизилась.

— А все-таки дети каждый день появляются на свет. Следовательно, и я уверен в этом, большинство новорожденных — плоды любви, а не просто встречи разнополых особ. Жизнь продолжается, пока жива любовь. Не будем ее недооценивать. Это чудесный дар природы людям. Вот только надо научиться правильно обращаться с ним. Как ни велика тайна, а необходимо стараться познать ее. Люди давно поняли, что без этого не обойтись. Не зря ведь одной из самых ранних форм магии была магия любовная. И неспроста, потеряв любовь, кто-то не видит более смысла в жизни, а кто-то в то же самое время свершает восхождение к высшей, непривязанной любви, которую древние греки считали божественной.

— О любви написано так много, а люди в основном убеждены, что любовь своевольна и управлять ею невозможно. «Законов всех она сильней» — как, почему она приходит и почему уходит? Кто знает... Разве что редкие маги...

— Да как сказать... Не следует преувеличивать. Что-то узнать все же можно и не будучи магом. Конечно, можно восхищаться любовью, говорить, например, о том, что только ею и спасется мир. Я склонен считать, что чувство это может быть причиной как величайшего добра, так и величайшего зла, в зависимости от того, как оно реализуется.

— Есть ли у вас определение любви? Что она такое? Что вызывает ее? Это влечение к человеку или реакция на красоту? Или?

— Возможно, я оскорблю чьи-то поэтические настроения, но должен сказать, что в контексте современной психологии главным ориентиром для постижения сущности любви выбран принцип деятельности. Любовные отношения представляют собою действия, обращенные на другого человека, когда влюбленный испытывает радость, удовлетворение, доставив радость любимому или избавляя его от страданий. Радость от того, что радость испытывает другой, наслаждение отраженным наслаждением любимого. Я люблю тебя, если мне хорошо от того, что хорошо тебе, и если я хочу, чтобы тебе было лучше, и делаю что-то для этого,— вот верные признаки любви, точные ее приметы.

Да, о любви сказано много. Мне, как приверженцу саногенного мышления, ближе всего знаменитое высказывание Гегеля: «Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом «я», и, однако, в этом исчезновении и забвении обрести самого себя и обладать самим собой».

— Но это совсем не то, что сказал поэт, которого называют философом. Позволю себе привести эти очень близкие моему сердцу строки:

...Союз души с душой родной,
И роковое их слиянье,
И поединок роковой...

И далее: «...в борьбе неравной двух сердец». Любовь приносит страдания, видимо, она сама по себе является его источником?

— Источником страдания является любовь привязанная, когда человек стремится другого, любимого, непременно запрограммировать, подогнать его поведение под свои представления, когда он идентифицирует его с самим собой. А в жизни происходит все несколько иначе, порою даже прямо противоположно тому, что мы хотим. Вот отсюда страдания. Но есть на свете непривязанная любовь. Она признает полную свободу другого человека — он может любить или не любить. И если я искренне принимаю это, то страдать от любви буду меньше. Тем, кто сильно страдает по этой причине, хочу объяснить: большинство ваших страданий вызвано вовсе не любовью как таковой, а эмоциями, с нею связанными: обидой, чувством вины, стыдом... Любой, кто обладает некоторым даром самоанализа, прекрасно понимает, что сами по себе эти чувства не обусловлены любовью, они имеют совершенно иную природу.

Среди отрицательных эмоций особенно опасен страх потери любви. Он возникает в том случае, если человек хочет сделать другого зависимым от себя, полностью завладеть его мыслями, чувствами, поступками. Страх начинается именно с момента обладания. Раз есть обладание, есть и возможность потери. Таков результат привязанной любви. От страданий освобождает лишь любовь непривязанная, о которой я уже сказал. Принять свободу другого! Согласен, что эта высота любовных отношений доступна не каждому. Многим недостает для этого общей культуры, силы духа, мужества в конце концов, способности отвлечься от собственной персоны.

— Не потому ли некоторые мужчины и женщины вообще отказываются от любви, считая, что она ни к чему, без нее проще, легче, безопаснее?

— Я думаю, что это ложная стратегия, которая дает обманчивое благополучие, в то время как освобождения от страданий можно достичь. В этом случае человек фактически отрекается от нравственного самосовершенствования, которое возможно только при полноценном участии во всех событиях жизни, во всех ее проявлениях.

— Но не все же зависит только от нас самих, от того, в какой степени мы совершенны. Помнится, на одной из своих лекций вы говорили, что взаимоотношения людей зависят и от их психобиоритмической совместимости. Если они совместимы, им легче переносить различного рода космические воздействия, если несовместимы — труднее.

— Да, у меня есть такие — подготовленные — аудитории, в которых я могу рассуждать и об этих проблемах. На одной из лекций мы говорили о возникновении любви под влиянием космических изменений в биополе Земли, когда словно под влиянием наваждения пары сближаются, вступают в брак. Но космобиологические ситуации на поверхности земли меняются — меняются и любовные установки. Наваждение проходит — проходит и любовь. Если же психоритмы людей гармоничны, то, какие бы изменения на земле ни происходили, их взаимное тяготение сохраняется. Вот про таких и говорят, что их брак заключен на небесах.

— Да, но как заранее отличить наваждение от психобиоритмической гармонии?

— Наша служба содействия семье и браку* вычисляет коэффициент психологической совместимости двух людей. Есть шкала совместимости и шкала конфликтности. Сопоставляя их, мы можем довольно точно предвидеть, как будут развиваться отношения в браке. Зная индексы совместимости, конфликтности, можно выработать оптимальное

* *Адрес службы: 117321, Москва, В-321, а/я 67, ССБ.*

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

(I послание св. апостола Павла коринфянам. 13, 4—13).

поведение в сложных жизненных снтуациях. Допустим, муж и жена психологически несовместимы. Наваждеиие, ставшее причииой их соедииеиия, прошло. Но у них двое детей. Как быть? Каждому мы рекомендуем пользоваться специально разработанйой для них системой расчетов благопрнятных и неблагоприятных дней. Пользуясь ею, люди, умеющие правильио мыслить, могут превосходно иаходить пути соответствия, это помогает им избежать развода. Человек зараиее предвидит свои кризисы, по его просьбе они могут быть рассчитаны на целый год. Руководствуясь ими, он не принимает ответствеиных решеиий в свои «плохие» дни, тем более ие выясияет отношений. Перед ним годичиый календарь с его биоритмами иа каждый день. Он видит, что ему плохо действнтельио, объективно и космически. И в этом ие виновата жена. Дети тоже ие виноваты. Постепеиио после таких заглядываиий в свой график у иего жизнеииая устаиовка меияется. Она становится более объективиой, а ие эгонстически-субъективиой, сам же ои избегает неприятностей. Я тоже занмел такой графнк и в последнее время ощущаю какой-то иеобычный душевный комфорт.

Наши рекомендации весьма надежны. В некоторых случаях, когда индекс конфликтностн очень высок, мы даже берем иа себя смелость сказать: «Только развод!» Иначе... Мало ли что может быть ииаче! Напрнмер, болезнь как результат глубокого несоответствия.

— Изменяется ли со временем совместимость двух людей?

— Индекс психобиометрической совместимостн н коифликтности человека с человеком остается иензмениым, потому что ои определяется момеитом появления их на свет. Не завнсит ои от характера, от ваших взаимоотиошений с другнм человеком. Он определяется нмеино теми психобиорнтмамн, которые закладываются, ннд уцируются в момеит рождеиия. Я появляюсь иа свет... С этого момента начинается отсчет монх ритмов. Можно предполагать, что появление иа свет сопровождается индуктивиым закреплением фаз космических ритмов, нмеющих место в даиный момеит в той живой снстеме, какой является младенец. В дальнейшем характер реакций человека на изменения в околокосмнческом пространстве определяется именно этнми нндивидуальнымн особенностямн. Бывает, что вполне совместимые пары испытывают на себе неблагоприятное воздействие таких сил, как биополе землн н космические бнополя, и иаступает период сложных взанмоотношеннй. Наважденне со знаком мннус. Если оин не захотели с этнм справиться в силу каких-то прнчин, наступает развод. Тут надо бы выждать время, может быть, на какой-то период расстаться, потом снова восстановить свон отиошения. Но обычио в плохой период люди принимают страниые решеиня. В таких случаях обычно говорят: «возврата иет», «треснутую посуду невозможио склеить», «мосты сожжены» и т. п. Это ложное представлеиие о жизиеиных снтуациях. Живое существо н взаимодействие биополей — дииамнчные структуры. Может быть как плюс, так и мииус. Может быть и раскол, может быть и соединение. Все дело в том, как люди к этому относятся: соблюдают ли они ложиые стереотипы, связанные, положим, с понятием супружеской нзмеиы, охвачены ли они комплексом ревности... Многие решают свои проблемы по шаблону, многие склоииы считать, что с помощью каких-то особых научных методов иайдут выход из сложиых ситуаций. Но ии одна наука, какой бы совершеиной оиа ни была, не в состояиии решить иаши проблемы, особеино любовные. Поэтому н наши данные о совместимости и коифликтиости могут быть использованы людьми с пользой для себя, если они мыслят правильно, саиогенно. Тогда человек иаучится «размыслнвать» свой гнев, свою раздражительиость.

— Поясните, пожалуйста, а что в данном случае значит «мыслить неправильно»?

— Когда люди иеправильно думают, любая мелкая обида превращается в такую серьезную проблему, что они приходят к разводу, кончают жизнь самоубнйством, теряют веру в человечество, обрекают себя на одииочество. И все из-за того, что человек ие мыслит саногеиио, ие умеет правильио отреагировать на обнду или его гнетет чрезмериое чувство внны. Врачи говорят: это маииакальио-депресснвный психоз и мы с этим ничего ие можем сделать. Ничего подобиого. Моя практика говорит, что когда человек овладеет саиогеиным мышлением, то н раскачки этого психоза ослабевают и человеку становится лучше. Депрессия сама по себе ни с того ин с сего ие наступает, оиа наступает от бессознательных мыслей, которые и вызвают у больиых определенные эмоции.

— Кому принадлежит решающая роль в сохранении любви? Женщине? Мужчине?

— Если говорить о любви в ее чистом виде, без культурного коитекста, то разница между мужской и женской любовью не так значительна, как прннято думать. Однако в нашей жизни мужские н женские ролн определены культурными стереотипами, а согласно нм женщина более податлива, более терпнма н более уступчива. Потому и несет бо́льшую ответственность за семью, детей, потому ее сознание долга нмеет нной характер, чем сознание долга мужчины. В условнях нашей культуры женщины более заботятся о сохраненнн семьн, более терпеливы, более сдержанны. Свой гнев, свою непрнязнь они чаще вынуждены сдерживать, за аффектом не следует естественная реакция, отрицательиые эмоции иакапливаются и траисформируются в какую-то болезнь.

— Как же быть?

— Способы снятия напряжениости могут быть разиыми. Вплоть до того, что иадо иметь в запасе очеиь дешевую посуду, чтобы можио было с грохотом ее разбнть. Но сейчас бнть иечего. Может быть, вы будете пииать кота... Но это нехорошо, кот — тоже живое существо. Надо иаучиться ие обнжаться, еслн он меня обидел... Наши эмоцин подогреваются нашими установками, иашимн мыслями. Если иаше мышлеиие будет оздоравливающим, мы легче будем переноснть эти эмоции, иаши отиошения улучшатся и жизнь станет лучше. Кстати, человек может быть несчастливым даже при полиом материальиом благополучии, даже будучи граждаиином страиы, где полки магазннов заполиеиы товарами. Поэтому иадо спокойно отиоситься к тому, что происходит. И правительство не надо осуждать. Будем надеяться, что оно будет учнться иа свонх ошибках и со временем станет лучше. А если мы выйдем на улицы и сметем это правительство, будет железная рука и тоже будет делать ошибки. Мы уже это проходили. И таким образом положение наше ие исправится. Нужио стараться улучшить отношения друг с другом. С помощью согласия. С помощью любви. С помощью самосовершеиствоваиия. Возможно ли это? Во всяком случае стремиться к этому всегда возможно. Осуществленное стремлеиие — это уже шаг к цели.

— После всего сказанного, а это, как я понимаю, всего лишь некая толика из того обширного материала о любви, которым вы владеете, вовсе не лишним было бы узнать, каков именно ваш идеал женщины?

— У меия иет идеала. Поскольку я мыслю саногенио, я думаю, что идеал кроме вреда иичего ие приносит, потому что я всех женщин буду подгонять под этот идеал, сортировать их. А это патогенио. Поэтому я склонен считать, что все жеищииы прнвлекательиы. И вот эти вариации — кто более привлекателеи, кто меиее — зависят для меия от того, в какой мере я со своей нзбранницей совместим, в какой мере она разделяет мои взгляды.

Беседовала Н. КРЮКОВА



Легенды о любви

ПОМОНА И ВЕРТУМН

Прелестная юная богиня деревьев Помона всецело посвятила себя своим любимцам: весной прививала яблони, в летний зной поила влагой жаждущие дождя деревья, осенью собирала спелые плоды, а зимой, когда деревья засыпали, обрезала их кроны. Всю свою нежность Помона дарила только деревьям. Любовь еще никогда не касалась ее сердца. Многие молодые боги пленялись ее красотой, но она едва ли замечала их стройные станы за стволами деревьев. Безответно влюбился в Помону и Вертумн, бог времен года и их даров. Зная неприступность богини и страшась получить отказ раз и навсегда, Вертумн подстерег ее на тропинке, приняв образ загорелого моряка. Шквал страстных признаний, бурю восторга обрушил моряк у ног Помоны, но поток его речи не остановил спешащую богиню. В кого только ни обращался Вертумн — все напрасно! Наконец, отчаявшись, он предстал перед любимой самим собой: будь что будет! Затрепетав, растерянно и смущенно взглянула на него Помона. Лёгкий румянец заиграл на ее щеках, словно молодое яблоко налилось соком. Зачарованная и удивленная, она не могла отвести от него глаз. Ее женское сердце негромко подсказало: это он...

С тех пор неразлучные Помона и Вертумн, озаряя друг друга улыбками, понимая друг друга с полувзгляда, трудятся в яблоневых садах, чтобы дарить людям розовые, золотистые, алые и багряные плоды.

Случалось ли вам слышать о науке помологии? В ее названии запечатлелось имя неутомимой богини-садовницы. Помология изучает сорта плодовых и ягодных растений, продолжая начинания самой Помоны.

РАЗМЫШЛЯЯ НАД КНИГОЙ

КОЛДОВСТВО И ЛЮБОВЬ

Чего только нет в этой маленькой — 30 страничек — книжечке! Изложение учения о духах и таинственных силах, действующих в мире влюбленных, средневековые рецепты в области любви некоего Фаустулуса — самые надежные средства возбуждать, удерживать и даже вовсе уничтожать любовь. Все соответствует и названию «Колдовство и любовь», и подзаголовку, определяющему характер издания: «Учебник таинственных наук». Недаром это удивительное пособие выдержало 14 изданий на немецком языке, а в 1905 году вышло на русском в Одессе. И вот у меня в руках недавнее репринтное переиздание одесского варианта. Я листаю «учебник» с тихой улыбкой сожаления. Перипетии нашей жизни поглощают нас целиком, отнимая силы, лишая самого в ней драгоценного — любви, сильной, глубокой, взаимной любви. Нам остается лишь мечтать о ней, довольствуясь жалкими крохами ее — сексом. Впрочем, многие уже и не мечтают.

Но книжечка зовет порассуждать, поразмышлять об этом чуде, зачем-то подаренном людям...

Для кого-то любовь — лихорадка, лихо-рад. Для кого-то она — Любовь, невыразимое чувство всевидения. Религиозные люди знают, что любовь — это результат и состояние свободного от страстей мистического сердца. Не вдаваясь в метафизические тонкости религиозной антропологии, можно коротко сказать, что есть любовь романтическая, духовная, или Эрос, где сила духа своей способностью любить отзывается в очищенной, прозрачной душе человека; есть обычная любовь, замутненная страхом, ревностью, завистью,— любовь-вожделение. С нею-то и имеет дело магия.

Прикладная магия и есть колдовство. Колдуны знают средства и возможности возбуждать или охлаждать влечение. Они знают, как для этого использовать травы, камни, кровь, слезы, сок растений и многое другое. В их распоряжении — перекрестки дорог, кладбища, праздники. В зависимости от симпатий и навыков колдун обращается к духам огня, воды, ночи...

Можно принимать колдовское описание картины мира, можно не принимать. Однако мы пришли ненадолго в этот мир и, пройдя сквозь недолгие десятилетия, вновь растворимся, мир же останется после нас, как и был до нас,— принимаем мы его или нет. Я листаю «Учебник таинствен-



ных наук» с тихой улыбкой сожаления. Любовь можно вырастить, как дерево, ее можно построить, как храм, думаю я. Влечение можно сохранить и уничтожить, а можно защитить себя от чьих-то чар, учит автор учебника...

...Язык соловья высуши и истолки в порошок, добавь в него немного вина. Подай особе, в коей заинтересован, в воде или в вине. И ты обретешь возможность общаться во сне с избранной особой...

Всем нам так часто не хватает решительности и смелости наяву. Нам часто не хватает веры в свои силы. И мы обращаемся к колдунам.

...Закопай мою любовь
в большой могиле,
Дай завянуть всем
цветкам ее,
Чтобы никогда больше
не видели весны
И стояли бы без
листьев летом.

С этим удивительным заклинанием выйди рано поутру, сорви самый красивый цветок, обори медленно лепестки и разоренный бутон заверни в черный платок. Призови духа земли с комом земли — он принесет. Возьми лист бумаги и гусиное перо, которые не были в употреблении, кровью своей из малой ранки напиши свое имя на левой руке, а имя любимой особы — на правой, затем на чистом листе напиши оба имени. И в лист сей заверни черный плат. И духу земному вручи сию бандероль...

Этот рецепт явно свидетельствует, что колдовство — сельского происхождения. Большинство жителей современного мира живут в городах, больших и маленьких. Город формирует человека по иным законам, нежели естественная природа. Городская магия иная. Она скорее вербальная, нежели операционная. В городе знают, что слово сильнее, чем дело. Для города больше годится такой рецепт: в полночь пойди вокруг дома, в котором живет известная особа, и сыпь медленно из черного мешочка семя мака, произнося следующие слова:

Любовь, засни,
Не просыпайся боле,
Сердце, замкнись,
Не открывайся боле.

Соверши три круга, и цель будет достигнута.

Подобных рецептов в распоряжении колдуна большое количество. Колдовство — особая форма человеческого творчества. Это странный и захватывающий процесс, который потакает человеческим слабостям. Маги не уважают колдунов. Большинство колдовских рецептов построено на запугивании и обращении к резервам психических сил.

Маги — те же колдуны, но более высокого класса и обширного опыта. Они, маги, стремятся накапливать свои психические силы, чтобы с их помощью одолевать прежде всего своих «внутренних» врагов: страх, чувство могущества и ясности, страстность. И колдун, и маг должны иметь много страстности в себе. Но колдун выбирает путь борьбы с миром; путь мага — путь борьбы с собой. А самая черная магия — невежество, отчужденность от мира...

Бесконечное множество вопросов, загадок, зашифрованных ответов содержит в себе эта небольшая книжечка.

Магическое сознание чародействует в ощущении бесконечного многообразия форм любви. Она может расцвести необычайным растением, вырвавшимся из недр к небесам, а может лежать камнем на сердце. Может светиться — и чернеть, струиться нежным ручейком — и захлестнуть половодьем, рыскать голодным волком — и таиться сумеречным маревом, низвергать — и возносить...

А я... я листаю учебник «Колдовство и любовь» с тихой улыбкой. И обещаю читателям, что мы еще постараемся проникнуть в тайны и закономерности этой странной связи — колдовства и любви.

В. АХРАМОВИЧ

Чжан ЧАО

Из книги «ТЕНИ ГЛУБОКОГО СНА»



Мы публикуем афоризмы китайского литератора XVII века Чжан Чао, взятые из книги «Тени глубокого сна». Название чисто китайское: легкое и задумчивое. Таковы же суждения Чжан Чао, рожденные целомудренным, но чутко внимающим миру и слегка ироничным духом. Китайский писатель любит и умеет созерцать мир. А еще он умеет не требовать от жизни многого, и за это жизнь щедро вознаграждает его радостью нечаянного открытия красоты вещей — порою, казалось бы, самых незначительных. Оттого же, как бы ни были непритязательны, даже банальны наблюдения Чжан Чао, они учат заново открывать для себя милые черты женственности. Они учат видеть в женщине тайну. А что еще нужно мужчинам для того, чтобы любить женщин! Что еще нужно женщинам для того, чтобы чувствовать себя женщинами!

● Если у вас есть хотя бы один близкий друг, вам негоже роптать на судьбу. Вы не одиноки сами, а благодаря вам в мире одним одиноким человеком меньше.

● Тот, кто любит женщину, как любят цветы, будет воспарять в своих чувствах все выше и выше. Тот, кто любит цветы так, как любят женщин, будет открывать в своем чувстве все новые и новые глубины.

● Красавица лучше цветка тем, что понимает смысл слов. Цветок лучше красавицы тем, что источает благоухание. Одно нельзя соединить с другим, а потому лучше пожертвовать благоуханием ради понимающей собеседницы.

● Все девушки от пятнадцати до двадцати пяти лет обладают очаровательным голосом, но стоит взглянуть на них, и сразу увидишь, кто из них красавица, а кто дурнушка. Отсюда следует заключить, что слух все-таки не сравнится со зрением.

● Лучше иметь понимающую жену, чем красивую наложницу, и лучше иметь душевный покой, чем горы золота.

● Среди людей женщины превосходят красотой мужчин. Среди птиц самцы превосходят красотой самок. А среди зверей между самцами и самками нет особенных различий.

● Любоваться красавицей за утренним туалетом лучше после того, как она напудрит лицо.



● Если бы не было стихов и вина, горы и воды были бы безжизненным сочинением. Если бы не было красивых женщин, цветы и луна были бы пустой видимостью. Поэт, наделенный талантом да к тому же красивый собой, и женщина необыкновенной красоты и к тому же обладающая литературным даром, редко доживают до преклонных лет, чему виной, вероятно, ревность творца. Ведь такие люди — это сокровище не только своего времени, но и всех времен, прошлых и будущих. Вот почему творец не позволяет им долго оставаться среди живых людей.



● Настоящая красавица лицом подобна цветку, голосом — птичьему пению, духом — прохладной луне, станом — гибкой иве, ее кости — что белая яшма, кожа — как свежий снег, она выступает, словно речка струится, а сердце ее — вдохновенная песнь. Перед такой «не могу не склониться».



● Уродина потому не злится на свое зеркало, что перед ней бездушный, мертвый предмет. А если бы зеркало обладало сознанием, его уродливая хозяйка, наверное, разбила бы его.

● Монахи не обязательно должны воздерживаться от вина, но они должны воздерживаться от суетности. Женщины не обязательно должны быть сведущи в литературе, но они должны обладать хорошим вкусом.

● Страстный человек обязательно любит женщин, но любитель женщин — не обязательно страстный человек. У красивой женщины обязательно несчастливая судьба, но женщина, у которой много несчастий в жизни, не обязательно красива. Талантливый поэт обязательно любит вино, но любитель выпить не обязательно талантливый поэт.



Легенды о любви

ТЕЙЗЕЙ И АРИАДНА

Каждый год афиняне платили Миносу, царю Крита, позорную дань, отсылая семь юношей и семь дев на съедение чудовищу. Решив разрубить раз и навсегда цепь тяжелых несчастий, Тезей, доблестный сын афинского царя Эгея, заменил собой одного из юношей и уплыл на корабле под черными парусами. В случае успеха он обещал отцу сменить на обратном пути траурные паруса на белые.

Дочь Миноса, прелестная юная Ариадна, полюбила отважного Тезея и решила спасти его от смерти. Тезею предстояло найти выход из мрачного лабиринта, запутанного, словно клубок змей, и поразить Минотавра, чудовище с головой быка. Ариадна подарила герою моток бесконечной нити, распуская который он смог бы достичь света. Нить, словно сплетенная из ее любви, оказалась спасительной для Тезея.

Наконец Тезей свободен! Он просит и требует, чтобы его избавительница бежала с ним. Он делает ее своей женой. Ариадна разлучается с родиной, с домом, отцом, жертвует честью ради любимого. Но когда застигнутые бурей беглецы отдыхали на чужом острове, Тезей предательски покидает спящую Ариадну. Судьба мстит ему за обман. Забыв сменить паруса, Тезей губит отца: царь Эгей бросается в море.

Красоте Ариадны не суждено увядать без любви. Бесконечно влюбленный в нее молодой бог Дионис похищает девушку и вступает с ней в брак. Боги дарят Ариадне волшебный венец, который счастливый Дионис подбрасывает в небеса, создавая новое созвездие — в честь Ариадны.



А. Давид-Неэль

МАГИЯ ЛЮБВИ И ЧЕРНАЯ МАГИЯ, ИЛИ НЕИЗВЕСТНЫЙ ТИБЕТ

А. ДАВИД-НЕЭЛЬ

В 1911 году 43-летняя певица парижского театра записала в дневнике: «Жизнь прожита, я чувствую себя старой и больной». Позади было увлечение иностранными языками, в том числе восточными, выступление с феминистскими идеями, журналистская проба пера, неожиданно яркая карьера певицы, замужество, развод... Это все страницы жизни одной женщины — знаменитой французской путешественницы Александры ДАВИД-НЕЭЛЬ (1868—1969), роман которой мы предлагаем вниманию читателей.

Мы надеемся, что вам будет интересно познакомиться с новыми героями, поскольку, судя по редакционной почте, наши предыдущие публикации глав из книг А. Давид-Неэль «Путешествие парижанки в Лхасу» (1986, № 8) и «Мистики и маги Тибета» (1988, № 1) привлекли большое внимание читателей.

Я долго колебалась, точнее, в течение нескольких лет не решалась опубликовать эту книгу из-за необходимости приведения некоторых омерзительных по своей природе фактов, описанных в ее пятой и особенно шестой главах. Снова оказавшись в Азии, неподалеку от монгольской границы, я повстречала на Священной Пятиглавой горе тибетских лам, совершавших паломничество в те края. Двое из них оказались уроженцами местности Гьяронгпа.

Невзначай зашел у нас разговор о колдовстве и магах, которые обитают в Гьяронгпа. Однажды в одном из их монастырей мне довелось услышать о некоторых отвратительных обрядах. Тибетские ламы поведали мне, что наряду со множеством известных им почтенных белых магов, по слухам, существуют также черные маги, которые совершают жестокие, бесчеловечные ритуалы. При этом они упомянули, к моему великому возмущению, об использовании полого стола с массивным верхом, куда помещают живых людей, которые умирают с голоду, разлагаются и таким образом служат сырьем для эликсира бессмертия. Это свидетельство совпадало с рассказом героя этой книги. Без сомнения, он был не единственным свидетелем чудовищного зрелища; во всяком случае то, о чем говорили мне ламы-паломники, совпадало с ходившими об этом слухами, которые передавались шепотом из-за страха перед колдунами. Неожиданное подтверждение слов моего героя развеяло сомнения по поводу возможности публикации данных фактов, представляющих интерес с точки зрения этнологии.

Обстоятельства, сопутствовавшие сбору материала для этой книги, досконально описаны в ее прологе. Читатель без сомнения поймет, что события жизни рассказчика стали лишь поводом для дальнейшего повествования. Особое состояние моего героя, побудившее его вспомнить события своей прошлой жизни, исключало какие бы то ни было детальные отступления. Рассказчика захлестывали эмоции, вызванные внезапно ожившими воспоминаниями о пережитой драме, и он, разумеется, даже не помышлял об описании места действия или истолковании нравов и верований, связанных с излагавшимися событиями. Он знал, что я хорошо знакома с теми местами, где протекала его жизнь, и, кроме того, принимал меня за уроженку Тибета.

Если бы я воспроизвела этот рассказ так, как услышала его сама, то он показался бы людям, совершенно незнакомым с Тибетом и его обитателями, непонятным во многих отношениях. Поэтому я предпочла придать ему форму романа, дабы иметь возможность с помощью описания природы и рассказа об обычаях, присущих данному краю, воссоздать конкретную обстановку, под влиянием которой действовали мои герои, а также воспроизвести духовную атмосферу, которая оказывала воздействие на их поступки. В то же время читателя просят не забывать, что эта история основана на конкретных событиях.

Александра ДАВИД-НЕЭЛЬ
Ривоцзе Нга, август 1937 года



Пролог

ПРИЗНАНИЕ У ЛАГЕРНОГО КОСТРА

Путешествуя по Тибету, я сделала на несколько дней остановку на границе местности Дайшин, вблизи летнего стойбища зажиточного хозяина по имени Гараб, полуфермера, получабана, каких немало можно встретить в здешних краях.

Он оказал мне теплый прием, и я не спешила вновь пускаться в путь, наслаждаясь нехитрыми радостями, которые доставляли нам сытная трапеза, умиротворяющий покой, обеспеченный соседством чабанов, живописная местность и рассказы нашего хозяина.

Кроме того, меня удерживало еще одно обстоятельство. Узнав, что мой спутник, лама Йонгден[1], принадлежит к школе Khagyud-Karmapa[2], фермер принялся упрашивать его совершить обряд, якобы отгоняющий злых духов. Подобные просьбы в Тибете не редкость, и я ничуть не удивилась; несколько дней спустя мне суждено было узнать тайную причину данной просьбы.

Владелец полей и обширного стада Гараб был мужчиной высокого роста с более темным цветом кожи, чем у большинства жителей Тибета. Его скупые точные движения выдавали привычку повелевать людьми. В глубине его великолепных черных глаз иногда вспыхивало яростное пламя, не вязавшееся с гордой и небрежной невозмутимостью его поведения.

Порой я замечала, как он внезапно замирает на месте и долго находится без движения, созерцая что-то вдали; иногда он часами просиживал в стороне ото всех, в состоянии, наподобие религиозной медитации. Однако наш хозяин не был верующим человеком.

Заинтригованная отнюдь не монгольским типом его лица, я решилась спросить, откуда он родом. Мое любопытство явно пришлось ему не по нраву, однако он ответил: «Я издалека, из Нгари».

Нгари — это обширная область Тибета, южная часть которой упирается в Гималаи. Горные перевалы связывают Нгари с Индией; в результате смешанных приграничных браков здесь появился тип людей, значительно отличающийся от распространенного в других районах Тибета.

Таким образом, несколько загадочная внешность Гараба нашла объяснение, но каким же ветром занесло его так далеко от отчего дома? Мне очень хотелось это разузнать, но я заметила его недовольство при моем первом вопросе и не решалась приставать к нему с новыми расспросами.

Однажды вечером, когда солнце давно опустилось за горизонт и мы с моим приемным сыном Йонгденом сидели перед юртой Гараба, распивая с ним чай, в степи послышался глухой топот конских копыт. Наш хозяин прислушался.

— Это всадник... на тяжело навьюченной лошади,— промолвил он, распознав с присущей пастухам остротой слуха, что звук исходит не от копыт вольного скакуна, оторвавшегося от табуна.

Несколько мгновений спустя перед нами предстал всадник, который спрыгнул со взмыленного, запаренного коня и помог спуститься на землю сидевшей сзади девушке.

— Мне нужна пара крепких, резвых коней,— поспешно сказал он нашему хозяину. — Взамен я оставлю вам своего коня; он молод и стоит хороших денег. Через несколько дней он снова будет в форме. У меня есть деньги; я доплачу разницу, сколько скажете.

— Потолкуем об этом завтра,— ответил Гараб. — Скоро стемнеет, оставайтесь здесь. Я велю приготовить вам постель и позаботиться о вашем коне.

— Спасибо,— возразил путник. — Но нам надо немедленно ехать дальше.

Гараб удивленно посмотрел на незнакомца, и тот прибавил:

— За нами гонятся. Завтра утром мы должны добраться до дальнего кочевья, где меня ждут друзья.

Затем, поколебавшись немного, он добавил:

— Я ее похитил... она согласилась...

Гараб по-прежнему хранил молчание. Его лицо оставалось невозмутимым, как обычно, однако огонь, дремавший в глубине его глаз, вспыхнул и засверкал молнией.

— Ты следуешь за ним по доброй воле? — спросил он у девушки. — Если хочешь остаться здесь, скажи, не бойся. Тебя возьмут под защиту.

— Я хочу ехать с ним,— ответила она, придвинувшись к своему спутнику.

У мужчины и женщины, жавшихся друг к другу в полумраке, на лицах отпечатались следы тревоги и усталости.

— Присаживайтесь,— сказал им хозяин. — Выпейте чаю и съешьте чего-нибудь, пока приведут лошадей.

Он позвал своих людей, приказал что-то тихим голосом, и они побежали на другой конец стойбища.

Вскоре они вернулись и привели двух лошадей, одна из которых уже была оседлана. Они перебросили на вторую лошадь седло путника, а сверху натянули ремни, удерживавшие два больших тюка, которые свешивались по бокам животного.

— Ну, вот и все,— промолвил хозяин. — Это выносливые кони; вы сможете целую ночь скакать во весь опор.

— Сколько я вам должен? — спросил беглец.

— Ничего,— ответил Гараб. — Вы оставляете мне стоящую лошадь, я сразу ее оценил. Значит, речь идет о равноценном обмене... Второго же коня я дарю ей...

И он указал на девушку.

— Это очень великодушно..,— начал было молодой человек.

— Уезжайте скорее,— приказал щедрый благодетель, решительно обрывая всяческие изъявления признательности.

В мгновение ока они вскочили на лошадей.

— В ваши котомки положили еду,— прокричал Гараб им вдогонку.

Хлестнув своих скакунов, влюбленные помчались к горизонту, где звезды касались земли.

Безмолвие вновь окутало равнину. Наш хозяин присел у костра под открытым небом и погрузился в раздумье; его лицо, озаренное трепещущим пламенем, приобрело странное выражение, которого я никогда еще у него не видела. Внезапно он подозвал слугу и приказал принести рисовой водки. Выпив несколько чашек кряду, он вновь впал в задумчивость.

Хотя я лишь мельком взглянула на лошадей, которых он предоставил беглецам, от меня не ускользнула их немалая стоимость. Что побудило моего хозяина отдать незнакомцам одного из скакунов даром? Я не удержалась от попытки установить истину.

— Вы одарили влюбленных по-царски,— сказала я.

— Я тоже был в их положении,— задумчиво пробормотал хозяин фермы.

Что пережил в своей жизни этот суровый человек? Любовный роман? Драму? Этим ли объяснялось его неожиданное сочувствие к попавшим в беду влюбленным?

В ту ночь мы не сомкнули глаз. Сидя у ночного костра, мы, затаив дыхание, слушали странную историю, которая ожила в душе нашего хозяина, глубоко взволнованного недавней встречей. От пережитого потрясения он говорил сам с собой вслух, видимо, не осознавая, что кто-то его слушает.

---

[1] Мой приемный сын и соратник, сопровождающий меня во всех моих странствиях. (Здесь и далее — примечания автора).

[2] Одна из древнейших школ тибетского буддизма, основанная на устной традиции эзотерического учения от учителя к ученику. Духовными предтечами этой школы являются индийцы Тилопа и знаменитый ученый из буддийского университета Наланды пандит Наропа, а также переводчик Марпа (1012 — 1098) и его ученик поэт-аскет Миларепа (1040 — 1123). Двое последних — уроженцы Тибета.



Первая часть

ПОСЕЯВШИЕ БУДУЩЕЕ

Глава 1

НАЛЕТ НА КАРАВАН

Бескрайнее пустынное и голое плоскогорье, окаймленное далекими цепями гор, простиралось под сияющим ровной голубизной небом. Ни одна птица не оживляла пространства своим полетом, ни один звук не выдавал присутствия человека или зверя. Безмолвие было всепоглощающим. Это был край земли, последний приют духов, спасавшихся от врага природы, строителя городов — человека.

Однако в тот день помимо невидимых существ, которые могли водиться на этой возвышенности, узкий овраг, перерезавший гористый пояс плато, приютил пятьдесят всадников с суровыми лицами, одетых в плотные одежды из бараньих шкур и остроконечные белые фетровые шапки, потемневшие от грязи. Впереди отряда, у выхода из оврага, стоял на страже молодой предводитель, прижавшись вместе с лошадью к обрывистому склону горы; среди высоких неровно разбросанных зарослей травы, на фоне бурой земли его трудно было заметить даже вблизи.

Время шло; люди и лошади, как видно, привыкшие к долгому ожиданию, почти не двигались, а предводитель, устремивший взор на противоположный конец плато, застыл как изваяние.

Внезапно он нахмурил брови, силясь что-то разглядеть. Вдали, оттуда, куда он смотрел, у подножия горы показалось темное едва заметное пятно, которое постепенно увеличивалось в размерах, превращаясь в движущуюся группу людей и животных. Не оборачиваясь, не потревожив своего скакуна, главарь поднял руку; приглушенный ропот пробежал среди его спутников, а затем снова наступила тишина.

Неясное пятно все расширялось; оно оторвалось от горы и перемещалось по плоскогорью. Несколько мгновений спустя уже можно было разглядеть всадников и навьюченных мулов — многочисленный караван, направлявшийся в сторону всадников.

Когда он приблизился к месту засады, предводитель быстро поднял над головой свое ружье и с пронзительным криком галопом помчался к путникам. В ответ раздались дикие вопли его сообщников, которые выскочили из оврага, ринувшись за ним следом.

Прежде чем странники успели опомниться, разбойники окружили их плотным кольцом, открыв стрельбу. Ошалев от выстрелов, вьючные животные разбегались врассыпную, роняя на землю свой груз и с жалобным ржанием цепляясь за концы отвязавшейся упряжи.

Тибетские грабители, как правило, прибегают к этому тактическому маневру, стараясь посеять панику среди животных каравана, чтобы парализовать волю людей. Устрашив погонщиков, разбойники всегда сумеют отыскать разбежавшихся животных и собрать разбросанную по земле поклажу. Однако, если караван ведут хорошо вооруженные, закаленные в подобных стычках торговцы, нападающие могут получить резкий отпор. Завяжется перестрелка, и обе стороны понесут урон.

На сей раз путешественники оказались безобидными паломниками, направлявшимися в Лхасу, чтобы преподнести дары Далай-ламе и попросить у него благословения. Благодаря своим осведомителям разбойники знали истинную цену этих даров: дорогих лошадей и мулов, массивных слитков серебра и ценных китайских шелков. Они также предвидели, что те, кому доверена защита каравана, не смогут справиться со своей задачей.

Их расчет оказался верным. Завидев разбойников, несчастные паломники поняли, что им придется расстаться со своим добром. Их робкие попытки к сопротивлению были вскоре пресечены; мужчины с понурыми головами и заплаканные женщины смирились со своей участью. Как водится, оставалось уладить некоторые детали.

Путникам нечего было опасаться за свою жизнь. Все жители Тибета питают отвращение к убийству и прибегают к нему лишь в крайнем случае. Дюжие молодцы, которых я окрестила в одной из своих книг[3] «благородными разбойниками», не являются исключением; эти удальцы к тому же почти всегда набожны и грубо обращаются лишь с теми, кто пытается сопротивляться.

Вещи паломников, их лошади и мулы, деньги и драгоценности, которые они имели при себе, перекочевали в руки грабителей, но те оставили им необходимое количество съестных припасов, дабы они не умерли с голоду, прежде чем доберутся до ближайшего селения. Они оставили им также несколько вьючных животных из тех, что похуже, которые понесут провизию.

Не прошло и часа, как все было кончено, и караван паломников пустился в путь, направляясь пешком



А. Давид-Неэль с приемным сыном ламой Йонгденом

Маршруты тибетских странствий А. Давид-Неэль

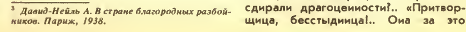
в обратную сторону. Бедняги думали только о том, как бы им добраться до родных мест. Продолжать путешествие без еды и денег было бы под силу лишь крепким, энергичным молодым людям, а большинство злополучных странников были зажиточными людьми, не привыкшими к трудностям и лишениям. Кроме того, их паломничество потеряло всякий смысл: у них похитили дары, которые они несли в Лхасу, а предстать перед Далай-ламой с пустыми руками было немыслимо.

Пока караван удалялся, разбойники поспешно собирали разбежавшихся животных и раскиданные тюки, вьючили мулов и привязывали к своим седлам за узду захваченных лошадей. Дележ добычи произойдет позднее, в надежном укрытии, подальше от места засады.

Грабители уже собирались отправиться в путь, как вдруг из-за пригорка показалась девушка. Она сделала несколько шагов и остановилась перед ними.

Это могла быть лишь одна из паломниц разграбленного каравана. Почему же она не последовала за своими спутниками?

Оправившись от изумления, разбойники рассерженно стали осыпать незнакомку вопросами: «Что ей нужно? Получить милостыню? Попытаться вернуть отобранное украшение? Было ли оно на ней во время налета? Кто теперь может подтвердить это?» Кто из них всматривался в лица своих жертв, с которых они сдирали драгоценности?.. «Притворщица, бесстыдница!.. Она за это



[3] *Давид-Нейль А. В стране благородных разбойников. Париж, 1938.*



поплатится! Ей придется идти назад совсем одной и бежать, чтобы догнать своих ушедших далеко спутников».

Они кричали хором, перебивая друг друга, все, что только ни приходило им на ум.

Девушка замерла, словно не слышала оскорблений и угроз, и ждала, не сводя глаз с предводителя разбойников. Она была очень серьезная, высокая и красивая.

Главарь подъехал к ней на лошади.

— Почему ты не ушла вместе со всеми? Как получилось, что они не увели тебя? — спросил он.

— Я спряталась,— ответила паломница.

— Спряталась!.. Зачем?.. Ты что, шпионишь за нами?.. Ты сумасшедшая?.. Тебе уже было сказано: если ты не сможешь догнать своих, тем хуже для тебя. Уходи!

Девушка даже не шелохнулась.

— Ты что, оглохла?.. Проваливай! — повторил главарь.

— Это тебя я видела в мечтах,— прошептала странница, точно во сне.

— Что?! — воскликнул молодой разбойник, а его сообщники, услышавшие неожиданное признание, покатились со смеху.

Предводитель оставался серьезным. Нахмурив брови, он резко спросил:

— Чего ты хочешь?

— Возьми меня с собой,— тихо попросила девушка.

Человек, к которому она взывала, окинул ее пристальным взглядом и, не проронив ни слова, поскакал крупной рысью, чтобы занять место во главе отряда.

— Посадите ее на лошадь, пусть кто-нибудь везет ее позади себя,— бросил он на ходу через плечо.

Отряд разбойников пришел в движение. Веселясь от того, что возвращаются с богатой добычей, а их предводитель вдобавок получил от судьбы странный подарок, головорезы с хохотом перебрасывались острыми шутками. Застыв на лошади с невозмутимым лицом, незнакомка словно оглохла.

Разбойники скакали без остановки до глубокой ночи. Наконец, когда они выбрались из извилистого ущелья, предводитель приказал сделать привал в заросшей травой долине, где струился ручей.

Вскоре были выставлены часовые и разбит лагерь. Для этого достаточно было сложить в кучу награбленные тюки, привязать захваченных у паломников животных и развести костер. Выпив по нескольку чашек чая с маслом и съев по две-три ячменные лепешки, разбойники заснули под открытым небом, закутавшись в свои меховые одежды и подложив под голову седла.

Впереди предстояли дни веселых пирушек по случаю удачного похода.

Любви молодого разбойника была чужда поэзия; в этом отношении он ничем не отличался от своих собратьев и даже превосходил прочих разбойников грубостью.

Не спеша завершив скромную трапезу, он поднялся и бросил девушке:

— Ты хотела остаться... Ну что ж, пошли!

И, не дожидаясь, когда она последует за ним, он направился туда, где намеревался провести остаток ночи. Безмолвная девушка послушно шла за ним по пятам.

Сидя на покрывале, заменявшем им ложе, предводитель перебирал в памяти новые для себя удивительные ощущения. Чувственность этого дерзкого разбойника, похожего на могучего, здорового зверя, находила выход без всяких затруднений. Он шел к женщинам, подобно жеребцам своего стада, гонявшимся за кобылами. Дочери и жены пастухов охотно уступали ему то ли из страха, то ли от того, что красивый самец пробуждал в них желание, но короткие связи не оставляли в его душе никакого следа.

Чем же эта девушка отличалась от других?.. Оцепенение, в котором пребывал его разум, не позволяло Гарабу рассуждать на данную тему. Он вновь чувствовал трепет, стеснение в груди, страстное желание, которые терзали его плоть и заставляли его задыхаться. Смятение, рождавшее в душе хаос острых сладострастных ощущений, угнетало его. Ему казалось, что в недрах его существа поселилось сказочное чудовище, которое завладело его телом, взяло в тиски его раскаленные конечности, зажало в своей пасти его голову... Быть может, он сходил с ума?..

Он привстал и посмотрел на свою новую избранницу, лежавшую рядом. Желтый свет ущербной луны придавал ее лицу своеобразное выражение.

В Тибете существует поверье о девушках-демонах, которые ради забавы выбирают себе любовников среди людей, а затем мучают и пожирают их. Будучи в здравом уме, он смеялся над этими россказнями. И все же...

— Как тебя зовут? — резко спросил он.

— Дечема[4],— отвечала паломница.

— О! Какое прекрасное имя! — воскликнул главарь. — Ты и вправду заставляешь радоваться! Ты принесла мне радость! Многим ли ты доставляла ее до меня?

— Ты же знаешь, что я была девственницей,— спокойно отвечала его возлюбленная.

Молодой человек не возражал. Он был в этом уверен. Его вопрос был продиктован желанием скрыть свое волнение за напускным безразличием и бравадой.

— Меня зовут Гараб[5],— продолжал он. — Наши имена сочетаются... так же хорошо, как наши тела. Ты согласна, Дечема?..

Он наклонился к девушке и с силой сжал ее в объятиях.

Продолжение следует

---

[4] *Дечема — благая возлюбленная, приносящая счастье, радость.*
[5] *Гараб — необычайная радость. Один из эпитетов индийского бога любви.*

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

НЕ ОТ МИРА СЕГО

1314 годом датнруют чудотворную нкону Толгской Божьей Матерн, которая явилась на ветвях дерева старцу Пафнутию, что плыл нв лодке по реке Толге н остановился в кедровой роще... Такова краткая предыстория «обозначения» места для стронтельства будущего монвстыря.

К празднованию тысячелетня хрнстианства на Русн Толгскую обитель вернули Ярославской епархнн. До этого там была колония для несовершеннолетних.

В монастыре нет пребывающих в праздности. Одни заняты в коровнике, другие — на огородах. Здесь есть инокиня, которая работает на тракторе, в распоряжении другой — «Волга». В мастерской инокини пишут и реставрнруют нконы, а по совместнтельству следят за работой в котельной. О праздной жизни н думать не приходится. Рано утром надо вставать н до завтрака идтн в храм на молитву. Затем работа до вечера н снова молитва, а иной раз надо вставать н на ночные литургии.

Так что же, труд — это главное, чем живет монастырь? Выходит, «труд есть бог», как утверждает немецкая пословица?

В пятнтомном труде «Наставления к монастырской жизни» епископа Игнатня Брянчанинова (мощи которого покоятся в Толгской обители) говорится о том, что нзлншняя привязанность к какому-то занятию является вредной. Что увлечение занимает ум н душу, не дает сосредоточнться на главном, ради чего н совершается уход от мира.

Самый надежиый, по его словам, путь спасения для инока — это тот, который способен охранить его от влияния соблазнов нзвне н внутри. Заключается он в удаленнн от знакомства н свободного общения вне н внутрн монастыря; в ненсходном по возможности пребывании в монастыре н кельях; по душе же — в нзученнн н нсполнении евангельских заповедей, воли Божией. Смирение нстребляет нз души н тела все греховные страсти н привлекает к ней Благодать Божию...



Спасский храм



Свеча надежды



Крестный ход в монастыре

Послушание — лишь первая ступень, встав на которую человек учится отказываться от своих прихотей, от своей воли для того, чтобы через работу научиться служить Всевышнему.

Но смысл «трудов н вдохновений» в том, чтобы научиться «Инсусовой молнтве», или «умной молитве», которую пронзноснш не устами, а всем сердцем, всем существом своим.

«Умная молнтва» н есть то высокое

состояние ума, души и тела, когда «Я» отступает. «Только умная молитва,— пишет Брянчанинов,— без гнева и осуждения, в чистейшей любви к ближнему, без развлечения посторонними помыслами и мечтаниями способна привлечь Благодать Божию».

Что же приводит человека в монастырь? Это можно понять на примере благочинной матушки Любови, инокини тридцати лет, оказавшейся здесь вскоре после окончания строительного института.

— Никак не думала я, что попаду в Толгский монастырь. Но мой духовник сказал, что я буду здесь. Так и оказалось.

Из рассказа благочинной матушки Любови я поняла: чтобы попасть в монастырь, надо получить благословение духовника. А духовник — это человек, которому доверяешь и поверяешь о себе все. И благодаря опыту, пониманию людей он видит и угадывает то, чего ты и сам еще не успел ни разглядеть, ни разгадать в себе.





Архиепископ Платон совершает чин освящения крестом Спасского храма

Настоятельница Толгского Введенского монастыря игуменья Варвара

Молитва о скорейшем возрождении обители



Так что ни леность, ни праздность, ни крушение чувств не может служить поводом для ухода в монастырь. Тогда что же?

— Мне с детства нравилась монашеская жизнь,— продолжает свой рассказ матушка Любовь.— Отец у нас был неверующим, а мама — верующая. Отец хотя и не поощрял занятий, но и не возражал против того, чтобы мы ходили в церковь.

Во время каникул я ездила то в один, то в другой монастырь, жила там неделю, а то и месяц. И все мне там нравилось: и уклад, и одежда. И я часто думала: вот бы в тридцать лет очутиться в монастыре! И вот мне тридцать, и моя детская мечта сбылась.



Так имеет ли жизнь в монастыре какое-то отношение к нам? Или это замкнутый мир людей — людей «не от мира сего»?

Опыт монастырской жизни, вытяжка из этого духовного опыта, как лекарственная настойка — способна залечивать раны. За этим опытом ездили в Оптину пустынь Гоголь, Достоевский, Соловьев и другие писатели, художники, философы. За этим опытом шли простые люди со всех концов страны. Они получали какой-то толчок, душевный подъем, который на время приподнимал их над суетными делами, а потом они снова погружались в них, пока не испытывали потребности в «высоком», в «Благодати святыя духа».

Л. СИНИЦЫНА



Поющие ангелы.

ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

Екатерина ШИШКОВА



Музицирующие ангелы. Створка «Гентского алтаря» Я. ван Эйка. 1432 г. Гент, собор святого Бавона

На общей утренней молнтве а храме Санкт-Петербургскнх духоаных академнн н семннарнн онн стоят по левую руку. С покрытымн головамн, а длнниых юбках, туфлях на умеренном каблуке.

— Господи, помилуй, Господн, помнлуй, Господн, помилуй..,— едино выдыхают, крестятся, кладут поклоны.

Пробуждается, заглядыаая в окна, серенький, невзрачный денек. Но здесь еще темно, теплятся лишь лампадкн у нкон, да заодно с нимн молодые, не совсем проснувшнеся голоса...

Регентское отделенне академнн н семинарнн, на котором учатся главным образом девушкн, не рекламнруется шнроко. Учебные места здесь не пустуют, экзамены конкурсные. В прошлые годы большннство поступающих было с Западной Укранны, теперь прнезжают отовсюду. Некоторые преимущества есть у тех, кто получил рекомендацию местной, Санкт-Петербургской епархнн. Сегодня на регентском отделеннн учатся 80 студентов, есть среди них и нностранцы — нз Польшн, Даннн, Францин, Германнн.

Матушка Анна, одна нз наставннц женского отделения, говорнт со мной спокойно и приветливо:

— Девочки у нас все хорошне — скромные, послушные, простые.

Плавный ход нашей беседы прерывает перемена. Захлопалн дверн аудиторнй, гулкнй корндор с высокнмн потолкамн заполннлся молодым народом. В оснoаном подряснннкн, редко мелькнет юбка.

От созерцання меня отрывает неожиданная реплнка матушкн:

— Вот ведь, успелн уже познакомиться! — Недоуменно смотрю на ее едва заметно дрогнувшне губы. Мы аместе следнм глазамн за весело спешащей куда-то стайкой регентш н семннарнстов — онн настолько увлечены общеннем, что порхнулн мнмо нконы Св. Александра Невского, не перекрестнв лбов. Это проступок: у особых нкон на каждом этаже необходимо креститься всякнй раз, проходя мимо.

Своя здесь строгость н спрааедлнвость: еслн чуть опоздаешь на общую молнтву, ннспектор илн его помощннк доложат, что тебя не было, н придется пнсать объясннтельную; воспользуешься лнфтом, предназначенным для преподавателей, тоже надо будет объяснять, почему нарушнл правнло. Многие мелочи, которые светскому человеку покажутся незначнтельнымн, счнтаются проступком н скрупулезно заносятся в личные дела студентов...

На регентском отделеннн довольно жесткий, насыщенный распорядок дня. Кроме утренней н вечерней молнтв, общие занятия, после обеда — индивидуальные уроки, подготовка к завтрашннм делам. В субботу н воскресенье — трехчасовые богослужения, занятия с малышами в воскресных школах, впрочем, это последнее — добровольно. И помнмо всего прочего — так называемая череда, своеобразное дежурство, когда представнтелн всех курсов участвуют в многочасовых ежедневных службах. Нн свет нн заря начннается «череда», н та, чья очередь ндти, встает по будильннку тихо, стараясь не потревожнть подруг.

Чтобы достойно «воспеть Ему слаау», требуется немалый ежедиевный труд, но к нему прнаыкают, н для нстинно верующнх он становнтся радостен. Даже обыкновенное «здравствуйте!» вам гoаорят с утра пораньше с такнм тнхо сияющнм н ласковым выраженнем лнца, что сердце сжнмается от контраста неостывших еще апечатленнй, почерпнутых в нашем городском транспорте, н тоже с утра пораньше.

Кстати, в город часто выходят для того, чтобы побывать на концертах классической музыкн.

— Можно?— В кабннете дежурного инспектора робко открывается дверь.— Я сегодня нду слушать Шостаковнча, билеты брал за месяц вперед. Ничего, еслн опоздаю на вечернюю молнтву?

— Однн ндешь?

— Почтн однн...— мнется семинарнст,— с регентшей...

— Ну вот, а говоришь — однн, так н запншем, — ннспектор улыбается, дело то самое обычное.

Но, пожалуй, это единственное отвлечение от занятий. Студенческой жизнн в нашем обычном понимании — «от сессни до сессни жнвут студенты весело» — здесь нет. Есть серьезная, каждодневная, почтн без передышек работа. На регентском нзучают библейскую нсторню, катехнзнс, нравственное богословне, церковный устав, славянскне языкн. А кроме того, теорню музыкн, сольфеджно, гармонню н многое другое, необходимое будущему регенту. Заннмаются ннднвидуально вокалом н дирнжнрованнем, чтеннем хороаых партнтур н аранжировкой.

На все отделенне однн телевнзор для студентов, а вот роялн почти в каждой аудиторнн.

В дореволюцнонные времена «на регента» училн девять лет. Окончанне сннодального училнща прнравннвалось к консерваторскому образованню. Певчего готовилн четыре года. Моглн бы н сегодня давать более шнрокое образованне, под стать консерваторнн, н увеличить чнсло учащихся, еслн бы не проблемы, одолевающне со всех сторон: нехватка помещений для занятий н жилья, трудиости с продовольствием, отсутствие необходнмых нзданнй в нотной бнблнотеке н многое другое.

В богослужебном песнопеннн здесь преобладает отечественная классика: А. Шишкин н Д. Бортнянский, С. Дегтярев н А. Кастальский, А. Львов н В. Зиновьев.

Как приятно смотреть на поющих воспнтанниц по вос-

кресным дням на богослужении! Длинные, до пола платья, большие белые воротники, прозрачные шарфы... Чистые, высокие, что называется, ангельские голоса. Невольно вспоминается блоковское:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших
в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий
в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел
и слушал,
Как белое платье пело в луче...

Церковное пение пришло на Русь из Византии. Но изменилось оно неузнаваемо. Из экспрессивного и драматического постепенно сделалось плавным, спокойным. И стало одним из самых любимых в Отечестве искусств. Россия славилась церковными песнопениями. Многие не слишком верующие и не очень жалующие священство непременно ходили в соборы послушать знаменитые хоры. Великолепными, говорят, были до революции литургии в Александро-Невской лавре... Жаль, что сегодня, когда замечательные хоры возрождаются повсюду, немногие из нас спешат снова в храмы, навстречу божественным звукам.

— Матушки! Что это вы сегодня такие беленькие, чистенькие? Куда это собрались? — шутливо раскрывает медвежьи объятия огромного роста студент, будто желая взять в охапку летящих ему навстречу девушек, совсем юных, похоже, первокурсниц.

Воспитанницы косметики почти не употребляют, разве что крем — после умывания петербургской водой это просто необходимо. Коротких волос не встретишь, так же как и просто распущенных. Почти у всех косы, прекрасные косы, которые давно стали для нас редкостью. Поневоле заглядишься! Хоть и шутил студент, да в каждой шутке есть доля правды. Многие регентши действительно скоро станут матушками, т. е. женами священнослужителей.

Разные пути-дороги приводят на регентское отделение. Но у каждой девушки наступал момент, когда она делала свой выбор. Сознательно и добровольно. В церковных песнопениях они когда-то увидели лучшее для себя и теперь живут этим. Возводят «свой дом душевный ровно и стройно со всех сторон». Дом, согретый внутренним светом...

«Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? — писал все это хорошо чувствовавший и знавший русский философ И. А. Ильин. — Это земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишенная главного, пустой быт, бездыханный труп, повапленный гроб; суета, прах, пошлость...»



ГДЕ ИСКАТЬ АДАМА!

Возле Евы, скажет читатель, полагаясь на житейский опыт. И если правы американские ученые, утверждая, что первая женщина на Земле появилась на Африканском континенте, то где-то рядом должен быть и Адам. Это мнение дилетанта совпадает с выводом профессора Люкота из лаборатории физической антропологии Колеж де Франс. Правда, к такому заключению он пришел после многолетних исследований, опираясь на данные, полученные с помощью математической модели, разработанной в Парижском университете.

В свое время некоторые мужчины были огорчены цветом кожи первой женщины планеты. Возможно, их успокоит известие проф. Люкота: наиболее близкими потомками Адама являются пигмеи африканского племени аив, средний рост которых менее 1,5 метра.

АЛЛАХ ПОСЛАЛ ЯБЛОКО РЕЮНЬОНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Молодая мусульманка Рашида Ачиа с острова Реюньон, что в Индийском океане, купила восемь яблок, чтобы запечь их в тесте. Принявшись резать плоды, она быстро нашинковала первые шесть. Однако, разрезав седьмое, с изумлением заметила, как на срезе каждой из половинок проступили темно-синие линии, в которых Рашида отчетливо прочла имя Аллаха, написанное арабской вязью.

Теперь Рашида — одна из самых известных личностей острова, а замечательное яблоко с благоговением хранится в... холодильнике мечети небольшого городка Сен-Пьер, где произошло чудо. Кстати, по данным газеты «Котидьен де ла Реюньон», написанное по-арабски слово «Аллах» уже являлось правоверным этого острова на разрезанном курином яйце, на дыне и на пчелиных сотах. На яблоке это случилось впервые. Местные муллы говорят, что так происходит всегда, когда люди забывают Аллаха.

ИНОЕ ВРЕМЯ — ИНЫЕ БРАКИ

Перуанка Ракель Торрес Гутьеррес в свои 43 года выходила замуж более 200 раз, руководствуясь уже не традицией и не чувством, а грубым расчетом. Оформляя фиктивный брак с иностранцем, она помогала ему получить гражданство Перу или вид на жительство, освобождающий от уплаты налогов.

В ГВИНЕЕ НЕ ТОЛЬКО ПИГМЕИ

В деревушке Гури-Диали, что в 120 километрах от окружного центра Кундара, живет 37-летний Мамаду Диалло, рост которого 260 сантиметров. К сведению незамужних: М. Диалло до сих пор холост.

БРАК И В КОСМОСЕ — БРАК

Руководство НАСА дало согласие на совместный полет на орбиту супружеской пары астронавтов Джен Дэвис и Марка Ли. Если все пойдет по плану, через полтора года они смогут стать первыми в истории супругами в космосе.

В принципе политика НАСА запрещает подобную «семейственность», однако, как объявила 5 марта на космодроме на мысе Канаверал (штат Флорида) представитель НАСА Барбара Шворц, для Ли и Дэвис было сделано исключение. Дело в том, что они поженились всего несколько недель назад — спустя более года после того, как были включены в состав экипажа, готовящегося к намеченному на сентябрь 1992 года полету нового космического корабля многоразового использования «Эндевор». 38-летний подполковник ВВС США Ли, однажды уже побывавший в космосе, готовится к новому полету в качестве специалиста по полезной нагрузке. Его 37-летняя жена должна будет выполнять обязанности бортинженера.

ЧЕРЕЗ 200 ТЫСЯЧ ЛЕТ

Именно столько времени прошло после появления первого человека, как считают многие ученые. Британские социологи выявили «новый тип» представителей сильного пола. Он обнаружил себя закупая в магазинах в неимоверных количествах готовые блюда. Как выяснилось, причиной тому отнюдь не разыгравшийся аппетит, а симптом новой эпидемии — «бракобоязни». Армия мужчин-одиночек в Великобритании растет день ото дня, причем 6 миллионов из них в возрасте от 15 до 44 лет. Не исключено, что, именно опасаясь того, что эта ужасная эпидемия может переброситься на Москву и другие города России, работники торговли изъяли из продажи всю готовую снедь, доступную по цене обычным мужчинам.



Я ПРОЖИЛА СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ



Фотография из семейного архива. Москва, 1958

Поэт-философ Даниил Леонидович Андреев (2 ноября 1906 года — 30 марта 1959 года) и его жена, художница Алла Александровна, в полной мере разделили трагическую судьбу интеллигенции в период культа личности. В 1947 году оба были арестованы и после полуторагодичного следствия на Лубянке были приговорены: он — к 25 годам тюремного заключения, она — к 25 годам лагерей.

Д. Андреев отбывал срок во Владимирской тюрьме. В 1954 году перенес инфаркт. Хрущевская комиссия сократила срок заключения до 10 лет, и в 1957 году он был освобожден. В течение отпущенных ему судьбой неполных двух лет жизни на воле он завершил главный труд своей жизни — грандиозную «Розу Мира», произведение, посвященное метаистории, как она открылась мыслителю в его духовном опыте и поэтическом видении.

«Роза Мира» вошла в духовную жизнь нашего общества значительно раньше, чем была опубликована. Уже в 70-х годах среди интеллигенции ходили многочисленные, не всегда точные ее списки.

Теперь эта книга, как и другие произведения Д. Андреева, опубликована его вдовой, свято хранившей рукописи все эти годы.

Мысли и образы Даниила Андреева поражают своей масштабностью и мятежной дерзновенностью. Вокруг его творчества сразу разгорелись страсти. Какие силы питали его воображение? Что было источником его вдохновений? Божественные или бесовские силы стоят за его духовным опытом? Благодатью или одержимостью вызвано его визионерство, давшее такие великолепные плоды?

Ответ и аргументация ответов, конечно, зависят от собственной позиции вопрошающего. Мы еще вернемся к этой книге — она заслуживает особого внимания, прояснить а разные точки зрения на нее помогут еще нам общую картину современных духовных поисков.

Сегодня же мы предлагаем вам интервью нашего корреспондента Л. Синицыной с Аллой Александровной АНДРЕЕВОЙ.

Имя Даниила Андреева — замечательного поэта, автора глубоких лирико-философских произведений — на мой взгляд, останется в истории прежде всего как имя создателя «Розы Мира», книги, которую я поставила бы в один ряд с «Божественной комедией» Данте. Пространства, которые эта книга открывает читателю, потрясают обычный земной взгляд своей непостижимостью. Для того чтобы увидеть их, необходим, очевидно, особый дар, особое зрение. Наверное, это врожденные способности. Проявлялись ли они у Даниила Леонидовича в детстве?

— Избранность, по-моему, проявляется всегда рано — в направленности вкусов, интересов, склонностей — и продолжается в непрерывном... выборе. Недавно нашли детскую тетрадку Дани Андреева. Он вел ее лет в 10—11, записал какую-то космическую эпопею: целая династия правителей, фантастическая мифология некой планеты. Была там, разумеется, и Богиня Красоты. И был особенный, им придуманный Бог планеты — Бог Веселья. Конечно, Даниил был шалуном, как большинство мальчиков в его возрасте. И до конца своих дней он оставался веселым и остроумным, очень любил чужие шутки. Любил смеяться. И общее звучание его личности — радостное. Оно сохранялось, несмотря ни на что. У него был приятель, с которым они забавлялись таким образом: сядут друг напротив друга и корчат «рожи», у кого лучше получится. Я этого терпеть не могла и всегда сердилась — не люблю, когда красивое превращается в безобразное. А они хохотали, как дети. Одну из самых веселых книг — «Новейший Плутарх» — Даниил написал с товарищами В. В. Париным и Л. Л. Раковым в тюрьме!

— И все-таки на всех фотографиях, на всех портретах на лице Даниила Леонидовича лежит какая-то неуловимая печать трагизма.

— Думаю, что это связано с тем знанием, которое ему было дано. Даниил Леонидович заплатил за него самой чистой платой — он умер в 52 года, в расцвете творческих сил, полный всевозможных замыслов...

— Мне вспомнился один из героев Достоевского, одаренный особенным видением жизни,— князь Мышкин, который, как и Даниил Андреев, зарабатывал на жизнь каллиграфией...

— В самом деле, Даниил выполнял заказы для музеев, оформлял выставки. Чтобы добиться нужного желтовато-коричневого оттенка, окунал лист бумаги в чай, высушивал и особым уставом выписывал тексты. Мне никогда не приходило в голову, что в его занятии действительно было что-то общее с князем Мышкиным. Но, как и герой Достоевского, Даниил с первого взгляда производил впечатление человека необычного. Я сразу выделила его из всех друзей моего первого мужа, он занял какое-то совершенно особенное место. Его одиночество вызывало желание устроить его жизнь, чтобы кто-то был рядом, заботился о нем. Но о ком бы я ни думала, всякий раз я чувствовала, что это не то. Я считала, что это должна быть какая-то необыкновенная женщина, которой не было в нашем окружении. И, конечно, мне и в голову не приходило, что я могу стать его женой, хотя у нас сразу — при первой же встрече — возникла глубокая привязанность. Но только в сорок четвертом, когда Даниил вернулся с фронта, мы поселились вместе. Наверное, кто-нибудь сейчас может сказать, что мы потеряли семь лет своего счастья... Нет. Мы ничего не потеряли. Ни я, ни Даниил не считали потерянными даже годы, проведенные в тюрьмах и лагерях.

Для Даниила вообще главным в его восприятии мира было ощущение временности. Когда ему зачитали приговор — 25 лет заключения, он засмеялся. Его рассмешило, что люди, которые зачитывали приговор, верили, что сталинский режим просуществует еще четверть века.

— Он был во Владимирской, а вы — в лагере. Что поддерживало вас в лагерной жизни?

— Общение. Общение с замечательными людьми, которые волею судеб оказались вместе. И, конечно, продолжение творчества. Я после окончания школы поступила на химические курсы, но через год чуть с ума не сошла — настолько это было не мое. Я стала заниматься живописью. А в лагере тоже нужны были художники. Мы не только писали лозунги, но и работали на вольных: делали игрушки для елок, открытки, каких-то куколок... Мы ведь были вроде крепостных. Заключенные, например, обшивали «жен» — жен начальников лагерей, офицеров, охранников, обслуживающего персонала. Помню, как одна из этих женщин искренне сокрушалась, когда лагеря закрывали: «А я пригласила сестру, чтобы она могла тут пристроиться...»

Некоторые считали нашу работу пособничеством и укоряли тех, кто соглашался там работать. Но это была отдушина. Я рисовала декорации, костюмы, выступала на сцене. И когда я в роли Ивана сражалась с драконом, это было для меня каким-то подобием сражения с тоталитарной системой, даже и с бутафорским мечом в руках. Это была возможность проявиться творческому началу, а значит, и внутренней свободе, тем более что политическим не разрешалось ставить советских пьес. Считалось, что мы недостойны этого. Нам дозволялась только классика, и мы были счастливы. «Платон Кречет», как вы понимаете, нас мало привлекал. Пушкин, Шекспир, Островский — классика, которую мы ставили, тоже была своеобразным протестом. Собственно, таковым является все искусство.

— В вашей жизни духовные ценности всегда занимали главное место?

— Да. Круг наших друзей и в Москве жил духовной жизнью в самые страшные времена. У всех был скромный быт, никто не думал об одежде, о деликатесах. Когда мы шли в гости, Даниил нес новые стихи, и другие тоже приходили со стихами. Часто слушали музыку. Большой зал консерватории в те годы был духовным центром интеллигенции. Каждую зиму мы ходили на циклы концертов — Бетховена, Вагнера. Билеты были очень дешевые, мы занимали свои скромные места и погружались в особый прекрасный мир.

На фронте Даниил вспоминал зал консерватории как самое большое счастье. Когда он вернулся из заключения, мы решили сводить его в консерваторию, хотя ходить ему было трудно. Перенесенный инфаркт сказывался. Я купила билеты в ложу, а брат договорился, что Даниил поднимется на лифте. Но он наотрез отказался: «Вы хотите лишить меня самого большого удовольствия». Медленно, с остановками он поднялся по белой лестнице, и это было для него символом возвращения.

— Смысл и значение этого, наверно, можно по-настоящему понять, если знаешь, как он ценил последние дни. Ведь он спешил завершить работу над «Розой Мира», начатую в тюрьме?

— Он сознавал себя вестником, который призван передать увиденное. Этому он подчинил все остальное. Работал на пределе сил. Я делала ему уколы, и он снова принимался за свой труд. К счастью, к этому времени у нас наконец появилась своя комната. До этого мы перебивались как придется: то у родственников, то у друзей, то снимали жилье. Я старалась создать ощущение уюта, поставила кое-какую немудреную мебель, развесила картины...

— А вам приходилось бывать в доме, где Даниил Леонидович провел детство?

— Дом Добровых в Малом Левшинском переулке, где он рос в семье своей тети, был дом со спокойным бытом: все просто, удобно. В его комнате было много портретов писателей, поэтов, философов. Помню портреты Шелли и Тагора. Жалею, что не запомнила всех. Ведь тогдашние его увлечения говорят о многом. Так вот в той квартире, куда его привезли, собственно, уже умирать, я стремилась создать атмосферу дома его детства. И ему понравилось. Но главным для него была возможность полностью предаться главному делу.

— А для вас не менее главным стало сохранить во что бы то ни стало его работы?

— Да. Потому-то я все-таки решилась передать черновики его книг в один из английских университетов, в городе Лидсе. Я передала их Ричарду Дэвису, специалисту по русской литературе. Конечно, это потеря, но я боялась, что они могут погибнуть. «Там они сохранятся наверняка»,— думала я. Надеюсь, они и в самом деле в хорошей сохранности.

— А когда вы почувствовали, что произведения Даниила Леонидовича вне опасности и их можно публиковать?

— До самого последнего момента я не верила в это. 2 ноября 1986 года исполнилось 80 лет со дня рождения Даниила, и я, как всегда, одна пошла на Новодевичье кладбище положить цветы. Его могила находится на том участке, который более всего напоминает деревенское кладбище — кусты сирени, цветы. И вдруг что такое? Ничего не могу понять: все перековеркано, перерыто, креста нет, стоит какая-то гранитная штука... Потом выяснилось, что могилу Даниила приняли за могилу другого Андреева — скульптора — и стали над ней возводить памятник. Со временем удалось вернуть могиле прежний вид. Но я вернулась домой страшно возмущенная. В этот вечер собралась молодежь, давний друг, востоковед Гусев заговорил о том, что настало время отнести стихи Даниила Леонидовича в «Новый мир». Я наотрез отказалась: была уверена, что ничего не получится. Но молодой человек взялся за дело сам, и к моему удивлению стихи напечатали. С этого момента все изменилось и пошло как-то само собой, почти без усилий с моей стороны. Но до исполне-

ния моей мечты — издания полного собрания сочинений в шести томах, с письмами в последнем томе — еще очень далеко.

— Вы много выступаете, читаете стихи Даниила Леонидовича...

— И это тоже получилось как-то само собой. В 1987 году я была в Париже. Нас пригласили на вечер Г. Сапгира. Публика собралась в основном московская. Я слушала стихи и подумала, почему бы не устроить вечер Даниила Леонидовича? Мы сделали объявление. Собрались люди. Слушали с большим вниманием, благодарили. Тогда я поняла, что такие встречи нужны. Теперь меня приглашают в разные города: я выезжала в Орел, Смоленск, Екатеринбург. Я еду по первому зову, лишь бы мне оплатили дорогу и гостиницу, больше мне ничего не нужно. Рассказываю о жизни и творчестве моего мужа, потому что настало время не только сохранять, но и объяснять смысл его работы.

— Слава бывает разной. Какую бы вы предпочли для Даниила Андреева?

— Я боюсь «оккультной» популярности. Мне кажется идеальной та встреча с читателями, которую организовали В. Паснн и С. Кузькин в городе Трубчевске, в Брянской области. В тех местах любил бывать Даниил. Там были люди, у которых он жил, с которыми был близок,— семья Левенков. Организаторы встречи выпустили в невероятно короткий срок небольшую книжечку «И грезится блаженная Неруса...», где кроме стихов Андреева напечатаны воспоминания о встречах с ним его трубчевских знакомых. Словом, все было сделано так серьезно и бережно, как умеют «хранить и помнить» только в провинциальных городках!

Почти с ужасом я узнала о том, что открывается некий духовный центр «Навна» и предполагается создать еще и духовный центр «Роза Мира». Я боюсь, как бы с Даниилом Леонидовичем не произошло того, что случилось с Рерихами.

— Вы считаете, что откровения Андреева не должны стать школой жизни, новым учением?

— Ни в коем случае! Его книги, его «Роза Мира» — это опыт поэтический, ви́дение поэта. В них — масштаб его души, масштаб его личности, неповторимой и своеобразной. Ничего такого, что можно было бы назвать школой, новым учением, религиозным направлением, в его книгах нет и быть не может. Что касается религиозных убеждений, то они у Даниила Леонидовича были совершенно определенными. Даниил Леонидович читал антропософскую литературу, но приверженцем антропософии не стал. Я тоже не испытываю склонности к этому учению.

Сектантство многих интеллигентов происходит из высокомерия, из убеждения, что они выше Церкви. Там, дескать, слепая вера, для бабушек, а у нас — знание. Они ощущают себя выше, но это ощущение сушит душу. Я глубоко убеждена, что Церковь всегда права, может быть, даже и тогда, когда она не права. Христос говорил для всех и пришел спасти всех. И те, кто думает, что у них особые отношения с Богом, ошибаются. Наши святые тем и отличались, что считали себя грешниками. Чем ближе человек к Богу, тем больше он осознает свою греховность. Смирение — очень важное понятие в православии. Но смирение у нас понимают как-то искаженно. Но если представить себя пустым сосудом: не лезть со своей самостью, со своим уставом, стать открытым Богу, совершенно чистым существом,— это и будет смирение. Даниил хорошо знал церковную службу. Он мне, например, объяснил смысл и суть первой пасхальной литургии. В час ночи — в разных концах церкви — священники на разных языках читают Евангелие. Это символизирует, как апостолы пошли проповедовать Слово Божие по всей земле.

— А кто приобщал самого Даниила Леонидовича?

— Бутова Надежда Сергеевна взяла это на себя, быть может, по просьбе тети Даниила Леонидовича. Она хорошо знала службу, была очень религиозна. Попытка превратить его книгу поэтических откровений в проповедь нового религиозного учения противоречит его собственным убеждениям, тому, как он понимал веру и место в жизни человека Церкви.

— А не было ли и у вас в результате общения с мужем опыта видения или откровения?

— Нет, этого дара я совершенно лишена. Хотя в тюрьме и лагере проявлялись способности как бы предвидеть некоторые события. Например, я всегда видела один и тот же сон перед получением посылки из дома. Мне снилось, что я дома, мать накрывает на стол, но мой прибор ставят отдельно, на рояль. Увидев этот сон, я, не ожидая сообщения, шла за посылкой, и она уже была там. В наше время посылки разрешалось получать чаще, чем, скажем, политзаключенным семидесятых. Те буквально голодали. А мы — нет. Однажды мне приснился тот же сон, но мать на сей раз поставила мой прибор на стол вместе с другими, и я поняла, что скоро выйду на волю. Так оно и случилось. И еще один «вещий» сон снился мне: будто нас, заключенных, строят пятерками, как на «поверках», и ведут по Красной площади. Ни начала, ни конца колонне не видно. Это было время, когда в Кремле рассматривались наши дела и обсуждался вопрос о закрытии лагерей. Наверное, такие «вещие» сны виделись мне потому, что все чувства в лагере обострены: посторонних впечатлений очень мало, жизнь однообразна. Вероятно, многие в такой ситуации начинают проявлять способности к предвидению. Но дар Даниила Леонидовича — совершенно другого характера и масштаба. Это редкий дар постижения иных миров. Я даже шутливо называла его «министром потусторонних дел». Но это не значит, что в обычной жизни он никогда не ошибался. Его повседневные представления не были обязательно правильными, им, как и всеми людьми, владели стереотипы. Его дар стоял как бы отдельно, на обычную жизнь он никак не влиял.

— Для развития способностей Даниила Леонидовича, как я понимаю, особую роль сыграли прогулки в полном одиночестве, его общение с природой. И среди ваших работ преимущественно пейзажи...

— Да, природа — великий учитель. Я вспоминаю один забавный эпизод. Когда мы были на отдыхе на Северном Кавказе, я брала этюдник и уходила рисовать. Меня всегда сопровождала хозяйская собака, с которой мы подружились. Огромный, спокойный пес. И вот как-то случайно я оторвалась от работы и посмотрела в ту сторону, где он сидел, и перехватила его взгляд. Он смотрел на окружающее так же, как и я смотрела до этого. Мы видели одно и то же, и на какой-то короткий миг я почувствовала себя собакой.

Даниил, глядя, как я пишу этюды, смеясь, уверял меня, что этой мой способ общения с природой. А у него был свой.

— А как вы оцениваете свою живопись?

— Мне дано быть средним художником. Но не вижу в этом ничего зазорного. Гении рождаются редко, но им нужна почва. И почву создают именно средние художники — это очень важное, нужное и почетное дело.

— Что бы вы хотели сказать читателям журнала, а коль скоро это мартовский номер — читательницам?

— Жизнь есть выбор. Постоянный, ежедневный выбор. Однажды предпочтешь не свое — и жизнь пойдет неправильно. Иметь все невозможно. В моей жизни были и неустроенность, и тюрьма, и лагерь. Но у меня нет ощущения, что вся моя жизнь — это несчастья, беда и боль. Напротив. Я считаю, что прожила очень счастливую жизнь. Нам было легко переносить трудности, потому что главным для нас было творчество. Нам было легко, потому что мы с мужем были очень близкими людьми, любили друг друга. Мы не стремились к богатству, выбрав другой удел. Мы прожили счастливую жизнь. Такую, как мы хотели. Наши представления о счастье совпадали с тем, как складывалась жизнь. Это главное для всякого человека.



Легенды о любви

ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА

Одиннадцать сыновей Якуба (библейского Иакова) возненавидели своего младшего брата Юсуфа (Иосифа Прекрасного) — юношу изумительной красоты и редкого ума. Их предательство обернулось для Юсуфа страшной бедой: он был продан в рабство. Юсуф попал в Египет в дом азизи — наместника, соправителя фараона. Жена этого старика, красавица Зулейха, давно была влюблена в Юсуфа. Прекрасный юноша явился к ней во сне и назвал себя египетским азизом. Поэтому она и вышла замуж за старого азиза, полагая, что он и есть Юсуф. Узнав в невольнике-еврее героя своих грез, Зулейха не постыдилась открыться ему. Он казался ей чарующим садом. Юсуф отверг любовь своей госпожи, считая ее греховной. Рой сплетен и злословия взвился над головой бедной Зулейхи. Язвительные замечания знатных египтянок больно жалили ее сердце, и Зулейха решилась на невинную месть. Она созвала на пир первых красавиц. Дав каждой по апельсину и ножу, Зулейха ввела Юсуфа... Египтянки вздрогнули и, словно опьянев от его красоты, стали резать не апельсины, а собственные пальцы... Никто теперь не смог упрекнуть Зулейху в странности ее выбора. «Заточи его в темницу!— наперебой нашептывали ей завистницы. — Клетка превратит дикую птицу в ручную».

Однажды фараон увидел сон о семи жирных и семи тощих коровах, который никто не мог истолковать. Юсуф славился тем, что объяснил сны так, словно доставал жемчуг из морских глубин. Он поведал царскому посланнику, что Египет ожидает семь плодородных и семь голодных лет. Фараон пожелал сам увидеть чудесного мудреца.

Юсуф дал фараону совет, как приготовиться к засухе, и тот поручил ему и казну, и войско. Слава старого азиза закатилась, и он вскоре умер. Фараон назначил азизом Юсуфа. Много слез пролили Зулейха в ожидании Юсуфа и ослепла, но зрячим стало ее сердце. Иной любовью любит она теперь: мудрой и возвышенной. Эта бесконечная любовь побеждает законы природы: к Зулейхе возвращается зрение и молодость. Теперь Юсуф приходит к ней сам, и она становится его женой.

Любовь Зулейхи и в самом деле оказалась бессмертной. Воспетая в XI веке Амини, в XIV веке — Джами и Хафизом, она перенеслась в новое время и захватила воображение Гете, влюбленного в Марианну фон Виллемер, которую тот назвал своей Зулейхой. 20 лет длилась их переписка, они украсили свой любовно-поэтический чертог гирляндами стихотворных посланий в восточном стиле.

ГЕРО И ЛЕАНДР

На берегу бурного Геллеспонта в городе Сесте жила Геро, юная и прекрасная жрица богини Афродиты. Свое нежное сердце она отдала Леандру, юноше, жившему на другом берегу пролива, в Абидосе. Чтобы увидеть свою возлюбленную, Леандр каждую ночь входил в холодные воды Геллеспонта и плыл на мерцающий во тьме свет огня, зажженного Геро на башне. В предрассветный час он пускался в обратный путь.

Леандр
Геро, слушай! слышишь, Геро!
Рядом в лад стучат сердца.
Геро
Милый, нет! у башни серой
Ярость волн бьет без конца...
Леандр
Геро! грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...
Геро
Милый! стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.

Однажды в бурю порыв ветра загасил спасительный огонь и отважный Леандр погиб в волнах. Найдя на следующее утро дорогое тело, выброшенным штормом на берег, Геро омыла его слезами. Тщетно молила она богов вернуть любовь...

Взойдя на башню, Геро бросилась в море.

Любовь Леандра и Геро воспета Овидием, Вергилием. Образы возлюбленных запечатлены на картинах Рубенса, Я. Йорданса, А ван Дейка, Рембрандта.

КУПОЛА ЕДИНОГО ХРАМА

А. ПЕТРОВ

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЖИВОПИСИ



По-разному идут художники к своим будущим полотнам. Анатолий Ширялин с детства начал заниматься живописью, получил художественное образование, а затем надолго забросил краски, отдав предпочтение сначала музыке, потом философии (он окончил философский факультет МГУ). Но во времена «оттепели», когда появилась возможность свободного творчества, он снова берется за кисть. Только теперь находить пути реализации своего видения живописных образов ему помогают философия и музыка. После одной из выставок анонимный критик назвал направление творческих поисков Анатолия Ширялина «религиозно-философским символизмом». Сам художник, однако, больше склоняется к определению: «философский эзотеризм».

Философские принципы не позволили Ширялину пройти мимо русской иконописной школы, ее он считает одной из вершин изобразительного осмысления мира. Поэтому так естественно влияние иконописной живописи на его творчество, что вполне естественно и закономерно. Не разделяя ни духовных установок культовой живописи, ни исполнительной традиции, ни даже сюжетности, он стремится к такой же неумолимой конструктивности, наполненной вольностью и жизненностью цветовых градаций и нюансов. Для него это способ воплотить в своих работах античные философские учения о пределе и беспредельном.

На одной из выставок художник так представил свое живописное творчество:

«В данных живописных полотнах используются элементы средневековой живописи: стремление к геометрически четкому построению композиции и в то же время явно музыкальная пластика линии; даже в настроениях есть отзвуки принципов средневековой иконографии. Однако колористическое сходство отсутствует полностью. Несмотря на некоторую отрешенность образов, здесь преобладают иные настроения: лиризм, интимность, т. е. индивидуальные переживания. И это естественно: за плечами автора нет направляющей религиозной системы, что растворила бы личностное в целом, нет многовековой традиции определенного ремесла, преемственности образных и композиционных принципов. Здесь все творится как бы заново, усилием одной личности, сомневающейся, порой неуверенной в адекватности выражения и самоценности творчества, ибо творчество ныне нередко без адреса, и случайного зрителя. Поэтому сегодняшний художник, по выражению Державина,— Бог и червь одновременно. Художник средневековья точно знал, кому адресовано его искусство. Это придавало уверенности. Но он оставался скромным служителем системы, без которой его творчество становилось абсурдным...»

Современный художник, по убеждению А. Ширялина, обречен на свободу творчества, главная его задача — избегать соблазна впасть в произвол. Тут он должен призвать себе в помощь духовный опыт тысячелетий, сокрытый в философской символике, что вмещает и купола единого Храма, и Вечную Душу, и Вечную Женственность, и само Время...

Таково credo художника, чьи картины мы представляем на второй странице обложки. Насколько ему удалось воплотить его в своих работах, судить вам.

В. КЕРИМОВ

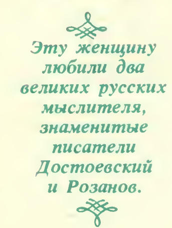
Аполлинария СУСЛОВА



Ф. М. Достоевский. 1861 г.



Портрет В. В. Розанова. Л. Бакст



Она была всегда для меня загадкой. Мало что прояснила и недавно вышедшая у нас книга М. Слонима*, треть которой посвящена Аполлинарии Сусловой. Автор обстоятельно рассказывает ее биографию, пытается объяснить сложные и неожиданные повороты ее жизни. Но вопросы, на мой взгляд, остаются. По крайней мере два: чем пленила она Достоевского и Розанова? почему так крепко попортила жизнь обоим?

Обратимся к некоторым конкретным фактам.

Биография этой женщины по-своему уникальна. Отец ее, Прокофий Суслов, начал жизнь крепостным графов Шереметьевых, кончил зажиточным купцом и фабрикантом. Детям своим (не без помощи графа) он дал отличное образование. Аполлинария, родившаяся в 1840 году, воспитывалась в частном пансионе в Москве, затем стала вольнослушательницей Петербургского университета.

В столице она и познакомилась с Федором Михайловичем. Случилось это в 1861 году. Его публичные чтения пользовались тогда большим успехом у молодежи. После одного из выступлений, пишет Слоним, к писателю подошла «стройная молодая девушка с большими серо-голубыми глазами, с правильными чертами умного лица, с гордо закинутой головой, обрамленной великолепными рыжеватыми косами. В ее низком, несколько медлительном голосе и во всей повадке ее крепкого, плотно сбитого тела было странное соединение силы и женственности». Было ей

Эту женщину любили два великих русских мыслителя, знаменитые писатели Достоевский и Розанов.

тогда 22 года, Достоевскому — 40. Казалось бы, все ясно: молодая неопытная девушка влюбилась в знаменитого писателя, он пленился ее красотой. Так и не так. Достоевский был глубоко религиозным, духовно чутким человеком, а она — типичная нигилистка-шестидесятница, отвергающая начисто не только веру в Бога, но и всякие «сантименты». Было в ней, правда, и другое — «корневое», народно-бунтарское. Такие пугали, но и влекли Достоевского. Словом, Суслова, как писал позднее Василий Розанов, «ушибла» Достоевского. Начался роман, какой-то дерганый, нервический. Сначала переписка, тайные встречи в Петербурге, затем Аполлинария выезжает за границу, Достоевский — вслед. И тут...

В Париже, где они встретились, Суслова заявляет ошеломленному Достоевскому, что он опоздал, она влюбилась в молодого испанца, однако тот ее бросил. Начинается чистая «достоевщина». Поля (так звал ее Федор Михайлович) обсуждает с бывшим возлюбленным, как отомстить неверному испанцу. Затем совместное путешествие по Европе, полное мучительных объяснений. Роман то прерывается, то возобновляется. По такому сюжету жизнь их продолжается до 1866 года, когда наступил окончательный разрыв.

Почему не сложились их отношения? В. Розанову Суслова объясняла: «Потому что он не хотел развестись со своей женой, чахоточной...» Аргумент в общем-то кощунственный. Марья Дмитриевна, первая жена писателя, в период романа Сусловой и Достоевского мучительно умирала. После ее кончины Достоевский неоднократно предлагал Сусловой брак — она отказала. Но запомним сюжет с разводом, он аукнется позднее в жизни самой Сусловой. Другая версия такова: Аполлинария, бывало, проговаривалась, что не могла жить с Федором Михайловичем, так как он заставлял ее «страдать», когда можно было обойтись без страдания. Страдать же не хотелось...

Достоевский писал в этой связи: «Аполлинария — больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважении других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям». С точки зрения религиозного Достоевского она «больная эгоистка». В русле модного в то время у нигилистов разумного эгоизма — вполне нормальная, здравая женщина.

* *Слоним Марк. Три любви Достоевского. М., Советский писатель, 1991.*

Прошло полтора десятка лет с тех пор, как Суслова рассталась с Достоевским, и вот опять в Петербурге, в 1879 году, новая роковая встреча — с 24-летним, никому тогда не известным студентом Василием Розановым. В следующем году они обвенчались. Сусловой в ту пору было 40 лет.

С Розановым все ясно: он в то время преклонялся перед Достоевским и сошелся с Аполлинарией, «чтобы лучше понять Достоевского», да и красива она была по-прежнему. Ну а что Суслова? Много испытавшая, хорошо сохранившаяся женщина, пользующаяся успехом у мужчин, и бедный, безвестный, некрасивый студентик... Слоним выдвигает два объяснения: скука и (ну как же пройти мимо этого?) притягательность рассуждений В. Розанова о плоти и поле. О скуке ее судить не могу (сведений о тогдашней жизни Сусловой сохранилось мало). Что же касается розановского «полового мистицизма», то он проявился позднее, а в то время Василий Васильевич был занят серьезной и сухой философской работой с характерным названием «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания».

Из брака ничего путного не вышло. Аполлинария устраивала дикие сцены ревности с публичным мордобоем и в то же время заводила интрижки с молодыми друзьями мужа. Да и Розанов целомудрием не отличался. В 1886 году Аполлинария бросила мужа. И каковы же были чары этой женщины — Розанов слезно просил ее вернуться! Она в ответ без церемоний: не собака, а потому «нечего выть». К мужу не вернулась, но и развода ему не дала. Со своей второй женой Розанов венчался тайно, пятнадцать лет их брак официально считался «прелюбодеянием», а детей собственных он вынужден был усыновлять. Вспомним, что Суслова винила Достоевского в том, что он не развелся с умирающей женой ради их брака. Деталь характерная. Но это к слову.

Дважды сверкнула Аполлинария в русской культуре отраженным светом: в лучах славы Достоевского и Розанова. Таковы факты. Но вопросы остаются. Аполлинария прожила долгую жизнь. Но это была удивительно несостоявшаяся жизнь. Неудачный роман. Странный, словно ненастоящий, брак. И сколько кроме этого странного, несостоявшегося! Литературные опыты ее были неудачны, писала она вяло и бесцветно, а влюбленный Достоевский исправно публиковал все, что она писала. Пробовала получить высшее образование — недоучилась: скучно. С революционерами не сошлась: беспокойно. Детей не было, взяла воспитанницу, та утопилась. Родной отец жаловался на нее: «Враг рода человеческого поселился в моем доме». И неужели все дело в несносном характере? Ведь женщина была незаурядная, сильная.

Читая книгу, находишься под впечатлением,что за «кадром» остается что-то важное, что могло бы объяснить многое в судьбе А. Сусловой. И не ее одной. Она была из поколения эмансипированных женщин 60-х годов, «нигилистка». В этом кругу главной доблестью была борьба с предрассудками, куда прежде всего попадали религия, нравственные принципы, сострадание («страдать заставлял» — вспомним упрек Сусловой Достоевскому). Те шестидесятники ставили своей задачей разрушить государство, церковь, семью, культуру. И в первую очередь разрушали самое важное в себе.

Письма и записи Сусловой заставляют думать, что в ее душе ампутирована существенная способность — любить и сострадать, готовность самой пострадать за другого. Холодный рассудок да «естественные» потребности — вот все, что остается в душах, избравших нигилизм.

Шестидесятники презрительно третировали «лишних людей» типа Онегина или Печорина, но и сами сплошь и рядом оказывались лишними людьми, только в сниженном, опошленном варианте. Презирая «сантименты», рекламируя деловитость, позитивное знание, нигилисты разрушали в себе элементарные, но драгоценные человеческие качества. Любовь к абстрактному человечеству сочеталась у них с ужасающей черствостью к ближнему — к конкретному человеку. Об этом писали Тургенев, Писемский, Лесков.

Суслова честно объясняет мотивы своих поступков. В самых, казалось бы, интимных вопросах, в области чувств, эмоций, у нее господствует голая бухгалтерия. С Достоевским: я ему все отдала, что имела, а он с «чахоточной» не развелся. Задолжал. С любовником-испанцем: он меня бросил коварно — верну ему деньги, что на меня потратил. Баланс. С Розановым: ты мне изменял, а я тебе развода не дам. Долг платежом красен. Со студентом, знакомым Розанова: ты меня отверг, я на тебя политический донос в полицию (по сведениям Слонима, был и такой эпизод в биографии деловой женщины).

Природа наградила Аполлинарию не только красотой, но и тяжелым характером. Да и перескочила она от патриархальных устоев отцовского дома к новейшим принципам нигилистов чрезвычайно быстро. Такое скоропалительное переключение действует, как правило, разрушительно. Одна проницательная современница писала о Сусловой: «Она забыла, что желание учиться еще не ученость, что сила воли, сбросившая предрассудки вдруг, ничего не даст... открывшая целый хаос в себе, [она] слишком занята этим хаосом, она наблюдает за ним, за собой; за другими наблюдать она не может, не умеет».

Умерла Суслова в полном одиночестве в собственном доме, содержавшемся в безукоризненной чистоте и опрятности. В старости отличалась худощавостью, прямым станом, исключительной наружностью,— пишет Слоним. Одинокая и всеми забытая. А двое из отвергнутых ею мужчин составили славу России. Заканчивали они свою жизнь в почти неправдоподобно благополучных семьях, жили со своими женами и детьми душа в душу.

И все-таки не стоит бросать камни в Аполлинарию. Может быть, надо склонить и перед нею голову. Достоевский называл ее «вечной подругой». В «Игроке», «Идиоте», «Братьях Карамазовых» в некоторых женских образах просвечивают черты Сусловой. Не будь ее, вряд ли Розанов написал бы свои знаменитые работы по семейному вопросу в России и проблемам пола. И когда мы испытываем потрясения при чтении Достоевского или Розанова, будем помнить, что их самих в свое время «ушибла» эта необыкновенная женщина. Розанов, много настрадавшийся от Аполлинарии, как-то заметил: «В характере этом была какая-то гениальность (а именно, темперамента)...» Может, здесь разгадка этой судьбы?..

Если общий смысл жизни не дается, так что по пути к его пониманию встречается бездна сомнений, нужно брать то, в чем уверен.

А. СУСЛОВА.
Письмо Я. П. Полонскому
11.IV. — 1863

Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась более его верна чистому поклонению идее, служению идее... Вижу, впрочем, и некоторые недостатки современной женщины и главный из них — чрезвычайную зависимость ее от некоторых собственно мужских идей, способность принимать их на слово и верить в них без контроля.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.
Дневник писателя.

Что самое лучшее в прошедшем и давно прошедшем! Свой хороший или мало-мальски порядочный поступок. И еще — добрая встреча: т. е. узнавание доброго, подходящего, милого человека. Вот это в старости ложится светлой, светлой полосой, и с таким утешением смотришь на эти полосы, увы, немногие.

Но шумные удовольствия (у меня немного), так называемые «наслаждения»! Они были приятны только в момент получения и не имеют никакого значения для «потом».

Только в старости узнаешь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте — не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении — единственный «светлый гость» в «комнату» (в душу).

В. РОЗАНОВ.
Опавшие листья



Русская религиозно-философская мысль, в значительной степени ориентированная на историософскую проблематику, не могла избежать проблемы хилиазма и апокалипсиса. Достижимо ли Царство Божие в рамках истории человечества или оно начнется за ее пределами, после второго пришествия Христа? Какое место занимает в истории царство Антихриста? Эти вопросы не мог обойти и такой мыслитель, как Г. П. Федотов (1886—1951), особенно чуткий к осмыслению истории в религиозном ключе. Мы публикуем его работу «Об антихристовом добре» (1926), полемически направленную против известного труда В. С. Соловьева «Три разговора» (часть этого труда — «Повесть об Антихристе» мы публиковали в № 1 и 2).

ОБ АНТИХРИСТОВОМ

I

Настоящие критические замечания имеют в виду концепцию «Легенды об антихристе», предлагаемую в «Трех разговорах» В. Соловьева, точнее, одну из сторон этой концепции, весьма существенную для Соловьева последнего периода и для эсхатологии нашего времени.

Теперь Соловьева мало читают. Многие относятся к нему свысока, как к превзойденному, или с подозрением, как к еретичествующему. Из всего его литературного наследства, если не говорить о поэзии, один «Три разговора» не утратили власть над умами и, вероятно, не скоро утратят ее. В этом последнем, предсмертном произведении философа живет волнующая острота проблематики, необычайная зоркость видения, словно преступающая меру видения художественного. Автор, для которого был «ощутителен и не так уже далекий образ бледной смерти» (Предисловие, датированное Светлым Воскресением 1900 года), перерастает границы литературной формы и в своей «Легенде» говорит с вдохновением почти пророческим.

Именно как пророчество она и была принята; как пророчество она живет в среде русской христианской интеллигенции, просачиваясь в широкие церковные круги. Люди, враждебные Соловьеву, твердо стоят на этом его завещании, в котором мыслитель отрекается от того, чему служил всю свою жизнь: от идеала христианской культуры.

Произошло поразительное искажение перспективы. Уже плохо отличают своеобразно-соловьевское в образе антихриста от традиционно-церковного. Антихрист «Трех разговоров» для многих стал образом каноническим. Кажется, что он просто транспонирован из Апокалипсиса в современный исторический план. И в свете этой иллюзии приобретает ложнотрадиционный и канонический характер идея антихристова добра.

Может быть, мы ломимся в открытые двери, доказывая цитатами то, что всем памятно: что дело антихриста у Соловьева совершается в форме служения добру. Эти цитаты — лишь ради точности. А что сам Соловьев именно усматривал значительность своей идеи, явствует из предисловия к «Трем разговорам», напечатанного в газете «Россия» под заглавием «О поддельном добре».

Антихрист Соловьева прежде всего «спиритуалист» и человек строгих добродетелей.. «Не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти» соблазнить его. «Помимо исключительной гениальности, красоты и благородства величайшие проявления воздержания, бескорыстия и деятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбие великого спиритуалиста, аскета и филантропа». Лишенный подлинной любви к добру («любил он только одного себя». Курсив Вл. Соловьева), он питает свою самость сознанием своих сверхчеловеческих добродетелей и дарований — ведь это, как сказано, человек безупречной нравственности и необычайной гениальности». Словом, это «горделивый праведник». Его этика прежде всего каритативна; социальна. «Не только филантроп, но и филозой», он был вегетарианцем, он запретил вивисекцию и учредил строгий надзор за бойнями; общества покровительства животных всячески поощрялись им». Делом его жизни является установление всеобщего мира на земле и «равенства всеобщей сытости». Его книга, которая пролагает ему путь власти над миром, завоевывает мир словом, а не мечом, обезоруживает даже врагов своим высоким идеализмом. «Здесь соединяется благородная почтительность к древним преданиям и символам с широким и смелым радикализмом общественно-политических требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием всего мистического, безусловный индивидуализм с горячей преданностью общему благу, самый возвышенный идеализм руководящих начал с полною определенностью и жизненностью практических решений». В ней отсутствует имя Христа, но все «содержание книги проникнуто истинно христианским духом деятельной любви и всеобщего благоволения». Таков антихрист: в слове, в деле и даже наедине со своей совестью — воплощенная добродетель, даже христиански окрашенная, хотя и в корне погубленная отсутствием любви и непомерною гордыней. Этот изначальный порок делает его лжемессией, причастным сатанинской благодати, и в заключительном столкновении с исповедниками Христа превращает человеколюбца-мудреца в отвратительного тирана.

Первый вопрос, который мы себе ставим: принадлежит ли образ добро-

ДОБРЕ

Георгий **ФЕДОТОВ**

детельного антихриста к составу церковного эсхатологического предания?

Для всякого читателя «Разговоров» ясно, как внимательно автор относился к этому преданию, как много даже внешних черт он почерпнул отсюда: рождение антихриста от неизвестного отца и «сомнительного поведения» матери, таинственная связь с сатаной, роль мага Аполлония, соответствующего зверю, выходящему из земли (Апок. 13,11), его чудеса («огонь с неба»), Иерусалим как место последней борьбы, восстание иудеев против антихриста, смерть двух свидетелей, бегство верных в пустыню и т. д. Все эти черты глубоко традиционные. Однако ясно, что кое в чем Соловьев сознательно отступил от предания. Так, в «свидетелях» он видит не восставших Моисея и Илию (или Еноха, Иеремию), а Петра и Иоанна, воплощающих Западную и Восточную церкви. Развивая эту идею, он должен был прибавить к ним Павла (доктор Паули), уже не имеющего никаких оснований в традиции, как и все видение последнего соединения церквей. Бросается в глаза и бледность кровавого фона, на котором раскрывается последняя трагедия. Нашествие монголов изображается в схематических чертах. Мы ничего не слышим об опустошении Европы, к тому же христианское человечество скоро свергает это иго и в последнем столетии своего бытия наслаждается прочным миром. Тоже вскользь (в послесловии) говорится о последнем гонении, во время которого гибнут многие тысячи и десятки тысяч верных христиан и евреев. Дело антихриста совершается в мире, в тишине зрелой и завершенной цивилизации — такова, очевидно, идея Соловьева, тесно связанная с идеей добродетельного антихриста. Монголы притянуты за волосы — отчасти как отголосок преследовавшей воображение Соловьева «желтой опасности», отчасти ради соблюдения апокалиптических приличий.

Все это заставляет нас подойти и к портрету антихриста в легенде с сугубой осторожностью. Нас интересует здесь лишь одна черта этого образа: его добродетельность. Принадлежит ли она к общецерковному преданию? Мы вынуждены ограничиться краткой справкой, хотя эта тема по важности своей заслуживала бы самостоятельной работы. Лучший исследователь предания об антихристе Буссе странным образом обошел этическую сторону легенды. А между тем именно в этом пункте предание оказывается наименее устойчивым по сравнению с внешне биографическими подробностями.

Как известно, в Новом Завете к антихристу относятся следующие места: Иоанна 2,18; 2 Фессал. 1,2; Откр. 13. Лишь автор послания Иоанна дает это имя, впрочем не только в единственном числе (антихристы наряду с антихристом). Апокалипсис Иоанна отнюдь не лежит в основе святоотеческой традиции, как можно было бы думать исходя из современных представлений. Не все отцы церкви принимают Апокалипсис как каноническую книгу (например, св. Кирилл Иерусалимский), и большинство подходит к антихристу не от новозаветных текстов, а от пророчества Даниила (гл. 7). Впрочем, Буссе, по-видимому, прав, считая, что миф об антихристе развивается в христианской церкви в значительной степени независимо от Священного писания, на основе какой-то эзотерической, вероятно, иудейско-мессианистической традиции, не закрепленной ни в одном из дошедших до нас памятников.

По отношению к этическому пониманию антихриста можно проследить два течения — мы ограничиваемся древней и преимущественно греческой патристикой. Первое восходит к св. Ипполиту, второе — к св. Иринею.

У св. Ипполита читаем: «Во всем соблазнитель сей хочет казаться подобным Сыну Божию... Снаружи явится, как ангел, волком будет внутри».

Этот параллелизм ложного подражания Христу проходит через всю биографию антихриста у Ипполита, однако не получая этического содержания. Формула «агнца» остается нераскрытой, если отвлечься от псевдоипполитова, позднего произведения «О свершении века».

Определение св. Кирилла Иерусалимского: «Сначала, как муж разумный и образованный, он напустит на себя лицемерную умеренность и человеколюбие. Потом же (будучи признан Мессией. — Г. Ф.) покроет себя всеми преступлениями бесчеловечия и беззакония, так что превзойдет всех бывших до него злодеев и нечестивцев, имея ум крутой, кровожадный, безжалостный и изменчивый».

Св. Ефрем Сирин явно развивает мысль Ипполита и дает наиболее полный образ лицемерного праведника: «Он примет знак истинного пастыря, чтобы обмануть стадо... Представится смиренным и кротким врагом неправды, сокрушителем идолов, великим ценителем благочестия, милостивым покровителем бедных, необычайно прекрасным, кротчайшим, ясным со всеми. И во всем этом под видом благочестия будет обманывать мир, пока не добьется царства». После воцарения своего он сбрасывает маску: «Теперь он уже не благочестив, как прежде, не покровитель бедных, а во всем суров, жесток, непостоянен, грозен, неумолим, мрачен, ужасен и отвратителен, бесчестен, горд, преступен и безрассуден».

Эту линию традиции завершает Св. Иоанн Дамаскин, быть может, расходясь со св. Ефремом лишь в моменте перелома: «В начале своего царствования, или, вернее, тирании, он выступит в лицемерном одеянии святости. Когда же упрочится, будет преследовать церковь Божию и явит все злодейство свое».

Такое понимание антихриста как лицемера и имитатора Христа, конечно, не чуждо и Западной церкви, где оно принято и Григорием Великим, именующим всех лицемеров членами антихриста.

Однако есть и другая весьма древняя традиция, которая видит в антихристе воплощение чистого, беспримесного зла. Учитель Ипполита св. Ириней Лионский ничего не знает о добродетелях антихриста. «Придет он не как царь праведного закона, в покорности Богу, а как нечестивый, неправедный и беззаконный, как отступник, злодей и человекоубийца, как разбойник, повторяющий собою отступничество диавола». Если у одних отцов антихрист подражает Христу, то у других он подражает отцу своему сатане. С большою силой идея абсолютного антихристова зла развита у Феодорита Киррского: «Никому из других людей, кого диавол научил сделаться работниками греха, он не сообщил всех идей зла. Ему же, сам всецело ему сопричастный, он открыл все мыслимые ухищрения своей злой природы... всю энергию греха». Да и св. Киприан едва ли думал о лицемерной добродетели антихриста, когда говорил о его угрозах, совращениях и лупанариях. Для позднейшей латинской легенды весьма характерно, что доминиканец Мальвенда, посвятивший антихристу обширный фолиант в начале XVII века, мог отвести лишь одну страницу «лицемерию» (Lob. VI. C. 1) своего героя с единственной ссылкой из западных на папу Григория, между тем как главы о роскоши, пирах и сладострастии его разрослись в целые трактаты.

Не будем умножать цитат. Мы не пишем исследования об антихристе и его легенде. Для нашей отрицательной задачи и приведенных ссылок достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

1. В церкви не существует единой, общеобязательной и во всем согласной традиции об антихристе.

2. Одно из двух течений в церковном предании склонно рассматривать антихриста как чистое зло.

3. Другое, преобладающее течение видит в добродетелях антихриста простое лицемерие, средство для захвата власти над миром, которое отпадает тотчас же после того, как достигнута цель. Последующая тирания и злодеяния антихриста рисуются здесь столь же яркими чертами, как и у писателей первой группы.

Ни у кого из приведенных отцов мы не находим и намека на искренность добродетели, на самообман последнего обманщика.

II

Подчеркивая отсутствие в древней традиции корней соловьевского антихриста, мы вовсе не желаем этим опорочить его. Модернизм этого образа еще не означает его лживости. Мы хотим только иметь по отношению к нему развязанные руки. Теперь мы можем быть уверены, что, оценивая его, имеем дело с домыслом или прозрением нашего современника, а не с тысячелетним голосом церкви.

Как можно оценивать пророчество до его исполнения? Эта попытка покажется не столь бессмысленной, если отдать себе отчет в том, что пророчествующий современник исходит из ощущения своего — нашего — времени и может оказаться объективно правым или неправым в своей исторической интуиции. Четверть века, лежащая между нами,— одна из самых бурных и значительных эпох нового человечества — дает уже некоторый материал для проверки. Можно оценивать пророчество и с другой точки зрения — прагматической: с точки зрения жизненных, религиозно-моральных выводов, из него вытекающих. Посмотрим же на создание Соловьева глазами историка и глазами прагматика.

Каковы бы ни были литературные образцы Соловьева, ясно одно: в своей концепции он закрепил опыт XIX столетия и продолжил в века линии его судеб. Субъективно, судя по теме всех «Трех разговоров» и предисловию к ним автора, Соловьев, создавая образ антихриста, преследовал цель разоблачения нецерковного добра в учении и жизни Льва Толстого. Но несомненно художник здесь обманул критика. Ни одной чертой гениальный сверхчеловек, примиритель всех противоречий, завершитель культурного дела веков не напоминает одностороннего и антикультурного моралиста из Ясной Поляны. Зато несомненно чувствуется в формах его исторического дела образ Наполеона, а в идейном содержании этого дела — синтез научного социалистического и теософского движений XIX века.

Понимание социализма как позитивистского рая всеобщей сытости, завершающего европейскую цивилизацию, было дано Соловьеву Достоевским. Теософию Соловьев прибавил от себя сообразно с увлечениями и вкусами молодости. Идея императора-ученого, безболезненно разрешающего все проклятые вопросы человечества, конечно, сильно отзывается О. Контом, напоминая о другом старом увлечении автора.

При всей своей прозорливости Соловьев — дитя XIX века, и, борясь с ним всю жизнь, он не может выйти из его тени. Он загипнотизирован комфортабельной прочностью его цивилизации, верою в окончательность установленного им мира: Pax Europaea. В какой-то иррациональной русской части своей души Соловьев терзался видениями монгольских орд, словно предчувствовал гибель империи:

И желтым детям на забаву
Дадут клочки твоих знамен.

Это о России у него сказано.

Но когда он судит о будущем европейской цивилизации, он не чувствует кризиса. Монгольская болезнь без труда преодолевается сильным организмом. Все вопросы, раздирающие старую Европу, социальный в том числе, разрешаются с необыкновенной легкостью методом антихриста, т. е. просвещенного государственного разума. Последний гром грянет среди безоблачного неба спокойной, достигшей своего зенита, великой цивилизации. В этом Соловьев отступает, как мы видели, от всей христианской апокалиптической традиции ради приспособления к своей перспективе — перспективе XIX века.

Можно сказать, что Соловьеву было совершенно чуждо ощущение взрывчатости веществ, из которых слагается наша культура: гибель Титаника, Мессина, мировая война, связь которых пронзила Блока, остались вне поля зрения Соловьева. Нельзя читать без улыбки идиллические описания войн XX века в его «Легенде». Оно списано с русско-турецкой войны 1877 года, которая осталась самым сильным историческим впечатлением всей его жизни (ср. Рассказ генерала). Поразительно полное отсутствие технической фантазии в его романе будущего, и он не предвидит даже авиации, отставая от Жюль-Верна и Уэльса. Впрочем, быть может, он умышленно закрывает глаза на внешнюю сторону жизни, это его право. Но вот чего он не имел права не видеть:

Европейская цивилизация, убаюкивая себя призраком бесконечного равномерно-поступательного движения, вступила (уже при Соловьеве) в полосу мучительного кризиса, из которого ей суждено или выйти совершенно обновленной, неузнаваемой, или погибнуть.

Соловьев проглядел рост империализма, готовившего мировую войну, особенно империализм духа, отрицающего ценность любви к человеку. Бисмарк и Маркс, Ницше и Вагнер, Плеханов и Ленин были просто не замечены им. Он жил в гуманном обществе Конта и Милля, Спенсера и Гладстона.

Соловьев проглядел «декадентство» и символизм, хотя и был одним из основателей последнего, проглядел смерть натурализма и рождение совершенно нового, эстетического восприятия мира.

Соловьев умер, не увидев кризиса, поразившего не только материалистическую, но и идеалистическую философию, открывающего возможность новой религиозной метафизики, конкретно-реалистической, а следовательно, христианской. Соловьев проглядел возрождение католической церкви, отчасти связанное с рождением новой художественной души (Верлен, Бодлер, Уайльд и Гюисманс) и предвещавшее в родственном кризисе русского духа возрождение православия.

Все это мы говорим не в укор ему, а в укор тем из наших современников, которых ничему не научил опыт целого поколения.

Чему учит этот опыт?

Во-первых, тому, что дело вселенского, а не катакомбного только, строительства церкви не безнадежно. Европейская культура в своих духовных вершинах опять готова, как спелый плод, упасть к ногам Христа. Мир, по-видимому, вступает в новую эру христианской культуры. Снова церковь призвана выйти из подземелий (или семинарий) на улицы городов, в аудитории университетов и во дворцы парламентов. Готовы ли мы к тому?

Во-вторых. Противник, «антихрист», который еще силен, перестал носить маску гуманизма, т. е. человеческого добра. Враждебная христианству цивилизация в самых разнообразных проявлениях своих становится антигуманистической, бесчеловечной. Бесчеловечна техника, давно отказавшаяся служить комфорту ради идеи самодовлеющей производительности, пожирающей производителя. Бесчеловечно искусство, изгнавшее человека из своего созерцания и упоенное творчеством чистых абстрактных форм. Бесчеловечно государство, вскрывшее свой звериный лик в мировой войне и теперь топчущее святыни личной свободы и права в половине европейских стран. Бесчеловечны (т.е. антигуманистичны) одинаково и коммунизм, и фашизм, рассматривающие личность как атом, завороженные грандиозностью масс и социальных конструкций.

Многие видят теперь в коммунизме предельное выражение антихристова натиска на христианство. Пусть так. Но что открыла нам Россия? Неужели коммунизм может быть причислен к типу гуманистических мировоззрений, а творимое им дело — к соб-

лазну добром? Для марксизма, особенно русского, характерна с самого начала положительная ненависть к этическому обоснованию своих целей. Для него нет ничего презреннее «слюнявого идеализма». Не состраданием и даже не справедливостью соблазняет он («разве есть внеклассовая справедливость?»), а только удовлетворением интересов; не благом, а благами и еще в подсознательном, но действенном центре своем — сладостью мести, пафосом классовой ненависти.

Необыкновенно поучительно вообще развитие — вернее, возрождение — социалистической идеи за последнее столетие. Сперва она является в виде христианской секты, жившей пафосом человечности: Вейтлин, Сен-Симон, Жорж-Занд. Такой знал ее петрашевец Достоевский, посвятивший всю жизнь на ее разложение. Потом марксизм и социалдемократия. Не гуманизм, но все-таки гуманность, утилитаризм, но связанный эпосом буржуазного XIX века. Наконец, коммунизм, порывающий и с этикой, и с гуманизмом. Впрочем, ту же линию мы можем проследить и в идеологиях реакции, кончающей культом грубой силы и диктатуры.

Итак, чистая, безбожная человечность не является последним соблазном в пределах нашей культуры. Это среднее, исчезающее ныне звено нисходящего ряда: Богочеловек — человек — зверь (машина). Теплота человеческого добра («не холоден, не горяч») — лишь процесс охлаждения пламенной любви Христовой к лицу человеческому — «единому из братьев моих». Она может быть временной маской темной силы — все годится в личины для не имеющего Лица,— но маска уже срывается. Она стеснительна. Соблазн человекоубийства для темных душ действеннее соблазнов человеколюбия.

Откуда возникает иллюзия тонкого обмана в том, что, по существу, является лишь фазой наивного огрубения духа? В XIX веке христианская церковь, оскудевшая святостью и еще более мудростью, оказалась лицом к лицу с могучей, рационально-сложной и человечески доброй культурой. Перед ней прошел соблазнительный ряд «святых, не верующих в Бога». Для кого соблазнительных? Для немощных христиан, а как мало было сильных среди них! В панике, в сознании своего исторического бессилия и изоляции поредевшее христианское общество отказалось признать в светских праведниках заблудших овец Христовых, отказалось увидеть на лице их знамение «света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир». В этом свете почудилось отражение люциферического сияния антихриста. Ужаснувшись хулы на Сына Человеческого, впали в еще более тяжелую хулу на Духа Святого, Который дышит, где хочет, а говорит устами не только язычников, но и их ослиц.

III

Но это приводит нас к иной, не исторической уже оценке того обольщения, которое мы называем миражем антихристова добра.

Роковым последствием подобной установки, когда она приобретает власть над духом, особенно в такую эсхатологически напряженную эпоху, как наша, является подозрительность к добру. В средние века инквизитор разыскивал еретика-манихея по аскетической бледности лица, по отвращению к мясу, вину и крови, по воздержанию от брака и клятвы. Для доброго католика оставалось нагуливать розовые щеки, божиться на каждом шагу, пьянствовать и драться в тавернах. В наши дни русское религиозное возрождение протекало в борьбе с традициями интеллигентского староверия. Но русская интеллигенция отличалась в лучшие времена своей моральной строгостью. Она была целомудренна, великодушна, презирала маммону, имела сердце, чувствительное к человеческим страданиям, и волю, готовую на самопожертвование. Она создала ряд подвижников, выгодно отличавшихся от упадочного быта христианского, даже духовного общества. Соловьев столкнулся с ней в борьбе против толстовства. Другие имели перед глазами мучеников революции и, возненавидев всей душой их безбожную праведность, сознательно или бессознательно противопоставили ей православный имморализм. Безбожники целомудренны — нам дозволены бездны содомские, безбожники любят нищих и обездоленных — мы требуем для них розг и свинца, безбожники проповедуют братство народов — мы защищаем вечную войну, безбожники отрекаются от имения — мы хотим святого буржуазного быта, безбожники преклоняются перед наукой — мы поносим разум, безбожники проповедуют любовь — мы же «святое насилие», «святую месть», «святую ненависть». Антихрист так похож на Христа, что люди, боясь обмануться, вернее, отталкиваемые ненавистью, начинают ненавидеть самый образ Христов. Внешним показателем этого тайного отвращения является низкая оценка, если не полное неприятие Евангелия в неохристианских кругах.

Леонтьев и Розанов были самыми яркими носителями этого православного имморализма. Соловьев остался чист от него, но ведь вся его жизнь была посвящена служению христианскому идеалу, несовместимому с «Легендой об антихристе». Соловьев написал «Оправдание Добра». После «Трех разговоров» никто не хочет читать эту книгу. Ее находят пресной. Еще бы, зло куда интереснее добра, и ни один аскетический трактат не выдержит сравнения с Камасутрой. С присущей ему остротой и откровенностью В. В. Розанов обмолвился раз, что у всех современных христиан имеется какой-нибудь органический порок, что и отличает их от чистых и гордых безбожников. Не в том беда, что люди приходят ко Христу путем греха (путем мытаря и разбойника), а в том, что утверждают грех во Христе.

Шарахаясь от антихристов, они попадают в объятия дьявола. Антихрист-то, может быть, мнимый, а дьявол уж явно подлинный: копыт не спрячешь! Мы имеем классическое определение: «Сей человекоубийца бе искони и во истине не стоит». Всюду, где явлен пафос человекоубийства и пафос лжи (не говорю: убийство и ложь, потому что они и от немощи человеческой), там мы знаем, чей это дух, каким бы именем он ни прикрывался, даже именем Христовым.

Есть проблема гораздо более мучительная для христианского сознания, чем проблема «святого, не верующего в Бога»: это проблема «святого сатаны». Слова, обращенные полушутя, вернее, подсказанные духом стиля кардиналу Петру Дамиани о его верном друге папе Григории VII, намекают на какую-то страшную мистическую правду. Может ли сатана принимать образ «святого», ревнителя церкви? Является ли имя Христово или крест Его достаточным ограждением?

О многих подвижниках мы читаем, что сатана искушал их в одеянии «ангела». Святому Мартину он предстал в образе Христовом, требуя поклонения, но не смог обмануть прозорливого. Слишком сильно запечатлелась в сердце Мартина память о ранах крестных, о терновом венце, и не поклонился он облеченному в диадему и порфиру. Само собою напрашивается мысль о том, что созерцание диадемы, т. е. земного могущества церкви, притупляет созерцание терний и угашает дар различения духов.

Мы, православные, не можем отрешиться от ощущения соблазна сатанизмом в некоторые моменты истории католичества. Что же сказать без ложной гордости о нас самих? Много грехов было в русской церкви, но от сатанизма она была чиста — до сих пор. Наши грехи — грехи немощи. Ложь — от невежества, человекоубийство — от трусости. От пафоса крови нас миловал Бог. Но в самые последние дни сатанизм путями, о которых сказано выше, стал заползать и в русскую церковь. Имморализм интеллигентской реакции, соприкасаясь с соблазнами непросветленного аскетизма, давал острый букет ненависти к плоти и духу человеческому. Мистицизм без любви вырождается в магию, аскетизм — в жестокосер-

дие, само христианство — в языческую религию мистерий. Как тело Христово может быть сделано орудием волхований и кощунственных черных месс, так и имя Христово может быть знаком для религии сатаны. Внецерковному добру антихриста противополагается оцерковленное зло его отца. И во сколько раз страшнее этот соблазн!

Перечтите приведенные выше свидетельства отцов — Ефрема Сирина, Дамаскина. Для них антихрист приходит в одеянии не только добра, но и святости, благочестия. Они предвидели опасность и указали на нее. Враг не за оградой, а в стенах!

Кого в наши дни может соблазнить идеал позитивной добродетели? Лишь наивных и слабых умом. То миросозерцание, которое стояло перед Соловьевым как несокрушимая стена, уже обветшало, трещины зияют в нем повсюду, оно представляется нам уже примитивно-грубым. К нему влекутся малые сии по детскости ума, в разладе с сердцем. Но достоин ли этот обман тонкого и умного искусителя? Поставьте против него мудрую и глубокую теологию, эстетическое обаяние культа, мистику таинств, соблазны тонкой гордыни, ложного смирения, тонкой эротики ложного аскетизма — церковь без любви, христианство без Христа,— и вы почувствуете, что здесь предельный обман, предельная мерзость на месте святом. Таким только и можно представить себе антихриста.

По счастью, эта темная тень легла лишь по краям нашего религиозного возрождения, как пена, поднятая духовной бурей. В крови мучеников омыты многие грехи. Сатанинские соблазны бессильны в час исповедничества. Но они еще живут для тех особливо укрытых под безопасным кровом, в ком гонение будит ненависть, а кровь призывает кровь.

В ослеплении муки трудно сохранить ясность зрения. Трудно верно оценить враждебные силы «мира сего» и наше место в этом мире. Для многих крушение русского царства оказалось равнозначным не только гибели России, но и гибели мира. Апокалиптические настроения легко овладевают умами, и в этих настроениях предсмертное произведение В. Соловьева приобретает не подобающее ему пророческое значение.

В мирную, но удушливую, предгрозовую эпоху, когда оно писалось, оно еще не раскрыло всех заложенных в нем темных возможностей. Оно уже освещало разрыв между христианством и культурой, окончательный уход церкви из мира, малодушный отказ от борьбы. Но чистота его морально-религиозного вдохновения несомненна. Только в процессе жестокой политической борьбы, раздиравшей Россию в XX столетии, отрицательные формулы Соловьева стали принимать положительно-сатанинское содержание. И то и другое было местным (русским) временным искажением отношения Церкви к миру: как к земле, принимающей семя — Слово, как к сонму оглашаемых, как к потерянным овцам Христовым. Ныне мир, наполовину позабывший Христа, но в своей жизни и пророчестве хранящий неизгладимую печать Его, опять, как и две тысячи лет тому назад, мучается духовной жаждой. Настало время повторить слова примирения:

«Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам».

О «ТРЕХ РАЗГОВОРАХ» В. СОЛОВЬЕВА

С. Л. ФРАНК

Мы живем в эпоху, когда объединение христианского мира, сознание его внутреннего единства перед лицом смертельной опасности от надвигающегося на мир царства антихриста становится вопросом жизни и смерти. Поэтому более чем когда-либо следовало бы нам осознать спасительную правду принципиальной установки Соловьева. Со времени знаменитой речи Достоевского русский человек претендует быть «всечеловеком». Слишком часто это остается неоправданной пустой претензией. Но Соловьев был подлинным всечеловеком, потому что был подлинным христианином.

Последнее, на что я хотел бы указать в духовном наследии Соловьева, есть поистине изумительное предвидение катастрофической эпохи, в которой мы теперь живем, и — что еще важнее — религиозные выводы, к которым он пришел на основе этого предвидения. Обыкновенно бросаются в глаза и вспоминаются теперь некоторые частные содержания этого предвидения: «желтая опасность», крушение православной русской монархии, возникновение диктатуры с притязанием на мировое господство и т. д. Все это свидетельствует, конечно, о необычайной политической и исторической проницательности Соловьева. Но существенны все же не эти частные предсказания. Единственно существенно и носит характер подлинного пророчества общее предчувствие — среди, казалось бы, незыблемого благополучия мира и беспрепятственного мирного прогресса — надвигающейся на мир чудовищной демонической силы зла... Соловьев был в течение большой части своей жизни типическим человеком XIX века: он не только веровал в неуклонный прогресс человечества — он дал этой вере религиозную санкцию, отождествив прогресс с неодолимым космическим действием вошедшей в мир при Боговоплощении Христовой силы, с верховным метафизическим процессом обожения мира. От этой вдохновлявшей все его существо веры он под конец жизни был пробужден каким-то наитием, подлинно аналогичным наитию ветхозаветных пророков. «Наступающий конец мира,— пишет он в 1897 году,— как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух, прежде чем увидит море». И уже накануне смерти, в 1899 году, он начинает «Повесть об Антихристе» фразой, которая в то время должна была казаться нелепой фантазией и которая теперь производит поистине потрясающее впечатление: «Двадцатый век был веком великих войн, потрясений и гражданских междоусобиц». Невольно вспоминаются слова апостола: «Когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба, и не избегнуть» (1 Фесс., 5,3).

Еще более значительна та новая религиозная установка, к которой через это предвидение приходит Соловьев. В нем рушится и традиционная теократическая идея объединения и христианизации мира под верховным руководством Церкви, и отождествление победоносной силы Христовой правды с внешним гуманитарным прогрессом. Отказавшись от этих идей, так долго соблазнявших его мысль, Соловьев отчетливо утверждается отныне в героической, эсхатологически определенной установке первохристианской веры. Христовой правде не суждена внешняя победа над миром, внешний успех в мире; Церковь Христова, подобно ее божественному Основателю, побеждает мир, только будучи гонима силами мира и претерпевая скорби. По самому своему существу именно как духовная сила, противостоящая «князю мира сего», церковь Христова на земле воплощена в гонимом меньшинстве истинно верующих, в свободной совести которых звучит незаглушимый и неодолимый голос правды Христовой:

В незримой глубине сознанья мирового
Источник истины живет незаглушен.

ВПЕРЕДИ СВЕТЛАЯ ЭПОХА, НО ПУТЬ К НЕЙ ТРУДЕН

В последнее время общественная мысль все чаще обращается к проблеме пророчеств и, разумеется, внимание многих привлекает Апокалипсис Иоанна Богослова. Не так давно «Аргументы и факты» опубликовали корреспонденцию К. Кедрова, в которой справедливо подчеркиваются позитивные аспекты Откровения и выражается надежда, что наше спасение придет от высшей цивилизации через Марс около 2000 года.

Но если верить Библии, спасение придет от Христа через Его церковь. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис) пророчествует о великом и радостном событии — воцарении Иисуса Христа в этом мире. Все трагическое и мрачное связано с отчаянными попытками темных и могущественных сил предотвратить свое поражение.

Есть ли в Библии какие-нибудь указания, когда это произойдет?

Точку отсчета указывает книга пророка Даниила: «С того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины» (Дан. 9, 25), т. е. 49 лет

ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА И ПРОРОЧЕСТВО ДАНИИЛА

и 434 года. Второе число означает длительность царства Христа на земле, которое у Иоанна условно именуется «тысячелетним» (Откр. 20, 6). В конце его — последний мятеж сил зла и затем суд Христа над миром. Насколько мы можем судить, основное содержание Откровения Иоанна — о первых 49 годах, и затем еще о 7 годах самой напряженной борьбы (Дан. 9,27).

Что же означает это «повеление»? Создание государства Израиль в 1948 году, завоевание Иерусалима в 1966-м или постановление израильского парламента в 1980-м, законодательно закрепившее это завоевание? Характерная для Божественных пророчеств неопределенность, ограждающая человеческую свободу от принудительного истолкования, не имеющего вариантов. Может быть и так, что апокалиптические часы еще не запущены и точкой отсчета послужит другое событие, мистически наиболее важное — восстановление храма Соломона. Многое указывает на то, что около 2000 года что-то важное произойдет, но это будет не концом, но лишь началом апокалиптической эпохи.

Мировая история при таком толковании обретает смысл и цель — она устремлена к царству Христа на земле. Христианская Монархия была его прообразом, хотя и несовершенным; самые значительные духовные и социальные движения последнего тысячелетия были прямо или косвенно связаны с чаяниями этого царства. Но как же поразному оно понималось! Если взять духовные первоистоки основных политических сил нашего времени: демократии, коммунизма и фашизма,— то окажется, что все они тоже питаются энергиями этого чаяния, которые возрастают по мере приближения времени и сроков.

Стремление к Царству Божьему на земле образует духовный стержень и русской истории, начиная с князя Владимира. Самый тяжелый кризис и надлом был пережит в XV веке, когда православное Царство (Византия) погибло, а пришествие Христа, ожидавшееся в 1492 году (7000 лет от сотворения Адама по библейской хронологии), не состоялось. Есть убедительные основания утверждать, что Сергий Радонежский и плеяда его последователей в своих подвигах по строительству святой Руси вдохновлялись надеждой на близкое воцарение Христа. Возрождение светлого апокалиптизма и творческого духа сергиевской эпохи — великая, может быть, единственная надежда на будущее. Но трагедия истории в том, что, в силу ряда причин, для нормального развития православной культуры несколько веков были потеряны. Удастся ли за короткий срок наверстать упущенное?

Существует ошибочное мнение о том, что II Вселенский собор осудил учение о земном царстве Христа. В действительности было осуждено лишь учение Аполлинария Лаодикийского, который утверждал, что Сын меньше Отца, потому что царство Сына временное, а царство Отца вечное. Если же во главе «тысячелетнего» царства стоит Михаил, служитель Иисуса Христа, то это возражение снимается.

Духовное содержание предстоящей светлой эпохи — исцеление от последствий греха (т. е. отпадения от Бога), подготовка к всеобщему воскресению мертвых и преображению космоса, начиная с земли. Бог ничего не делает без участия человека, а для великих дел человечеству необходимо достаточное время.

Чем ближе эта эпоха, тем выше накал борьбы темных сил против Бога. Самыми глобальными попытками перехватить инициативу и построить на земле другое царство были коммунистическая революция в России и фашистская — в Германии («Тысячелетний рейх»!). Силы зла не могут победить, потому что враждуют друг с другом. Лишь однажды они на короткое время объединятся — против юного царя Михаила, привлекающего сердца Христовой любовью. Ведущей силой будет фашизм, но, что самое ужасное, в этот преступный союз могут быть частично вовлечены и силы демократии (об этом свидетельствует пособничество западных демократий Сталину и Гитлеру). Подготовка такого союза и есть «тайна беззакония», о которой говорит апостол Павел (2 Фес. 2,7). На три с половиной года власть над объединенным человечеством путем заговора захватит «человек греха, сын погибели» (2 Фес. 2,3), в церковной литературе называемый Антихристом.

Но сама Мать-земля восстанет против него, поднимется против него и большая часть человечества, осознавшая, что он лжец и самозванец, и наконец, Господь Иисус Христос окончательно сокрушит его воинство. Те, которые сохранят верность Иисусу Христу и не поклонятся Антихристу, в Откровении Иоанна названы «Новым Израилем» — это новый народ, собранный из всех народов земли не по крови, но по духу. «Обезглавленные» мученики воскреснут и будут ближайшими помощниками Михаила в устроении земли после пережитых бедствий. Это «первое воскресение», прообраз воскресения всеобщего.

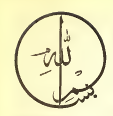
Иисус Христос, неизменный как Бог, но вечно возрастающий как человек, ждет, что мы последуем за Ним в этом творческом возрастании. Консерватизм необходим как фундамент, но если он начинает препятствовать росту и обновлению, то он служит противникам Христа, которые перехватывают инициативу человеческого развития.

Освобождение России открывает путь к воцарению Христа. Но вера наша еще слаба или слепа, а силы зла продолжают действовать. Путь к свету будет трудным.

Лев РЕГЕЛЬСОН

И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.
Родился в мире свет, и свет
отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань
добра и зла,
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь мира осужден и все его дела.

Эсхатологическая вера последних лет Соловьева, поскольку она выражена в отчетливом утверждении хронологически-исторической близости конца мира и событий, предсказанных Апокалипсисом, быть может, есть тоже некоторое рационалистическое упрощение сложности и неисповедимости судеб мира; в этой форме она прямо противоречит слову Христа о неведомости срока конца мира. Но великая и насущно нужная правда совершенно одинокого в XIX веке напоминания Соловьева об эсхатологической основе христианской веры заключается в отчетливом различении между земной и небесной перспективой, между человеческими упованиями о земном счастье и даже о земном торжестве правды и неисповедимым путем Провидения, ведущим к конечной победе Христовой правды через скорбь, потрясения и крушение мира в его привычном нам облике. В атмосфере нашей трагической эпохи, требующей непоколебимой веры в верховную силу Христовой правды — веры, не питаемой никакими иллюзиями и потому не смущаемой их крушением,— нельзя преувеличить всего духовно оздоровляющего значения этого последнего религиозного достижения Соловьева.







Автор перевода
В. ПОРОХОВА

Продолжаем публиковать с у р у 2 «КОРОВА»

111. И говорят они: «В Господний рай войдет
Лишь иудей иль христианин».
Но таковы лишь их мечты.
Скажи: «Коль вы в своих словах правдивы,
Представьте доказательства свои».
112. Но нет!
Кто к Богу обратил свой лик и делает добро,
Найдет у Господа награду —
Ведь на него не ляжет страх,
Не отягчит печаль его.
113. И иудеи говорят: «У христиан основы нет».
И говорят христиане: «Основы иудеи не имеют»,
Хотя читают ту же Книгу.
Подобно этим же словам звучат и речи тех,
Которые [пока] не разумеют[1].
Но в Судный День поистине Господь
Все споры между ними разрешит.
114. Кто нечестивее того,
Кто запрещает славить имя Бога
В местах для почитания Его,—
К тому ж, усердствуя, разрушить эти храмы?
Им в страхе надлежит переступать порог их.
Для них — бесчестие в ближайшей жизни,
А в будущей — жестокая расплата.
115. Во власти Бога и Восток, и Запад.
Куда б ни повернулись вы, лик Господа везде —
Ведь Всеобъемлющ и Всезнающ наш Владыка!
116. И говорят они: «Аллах взял сына на Себя!
О да! Субханагу! Хвала Ему!
Лишь Он владеет всем, что на земле и в небе,
И все — Его послушно воле!»
117. Лишь Он — творец земли и неба,
Когда задумано творенье Им,
Он молвит: «Будь!» — явится оно.
118. Незнающие говорят:
«Что же Господь не обратил к нам слова
И отчего не явит нам знамения с небес?»
Подобные слова глаголили и те, кто был до них,—
Сердца их схожи.
Мы же знамения толкуем тем,
Кто с твердостью привержен вере.
119. Мы добрым вестником об истине тебя послали,
Чтоб ты, увещевая, мог предостеречь —
И ты ответ нести не будешь
За обитателей огня.
120. Тобой не станут никогда довольны
Ни иудеи, ни христиане,
Пока ты не последуешь их вере.
Скажи: «Путь праведный поистине лишь тот,
Что всем нам Господом указан».
Но если ты пойдешь дорогой их страстей,
Уже постигнув истинное знанье,
Тебе у Бога не найти
Ни покровительства и ни защиты.
121. Те, для которых Мы послали Книгу[2],
Читают ее чтением достойным —
Они есть те, кто верует в нее.
Но те, кто истину, что в ней, отвергнул,
Урон тяжелый понесет.
122. Сыны Израиля! Вы вспомните ту милость,
Которой вас Я одарил,
И то, что Я возвысил вас над прочим людом.
123. И бойтесь Дня, в который ни одна душа
Грехи другой души не понесет.
Заступничества за нее Господь не примет,
И возмещения [в оплату за грехи] Он не возьмет,
И ни одной [из грешных душ]
Оказана не будет помощь.
124. Вы вспомните, как Ибрахим
Словесами Господней воли был испытан;
И завершил Он то, что было в них,
И Бог сказал:
«Я сделаю тебя имамом для народов».
Он вопросил:
«И на моих потомков тоже?» —
Ответил Бог:
«Завет Мой злочестивых не объемлет».
125. И вспомните: назначили Мы этот Дом[3]
Для собирания людей воедино,
И безопасным местом [для людей] —
Возьмите место Ибрахима для себя молельней.
Поставили в завете Мы Ибрахиму
И его сыну Исмаилу
Очистить этот Дом [от скверны]
Для совершающих обход,
Для предающихся [благочестивым думам],
Для преклонившихся [в молитве перед Богом],
Простертых ниц пред именем Его!
126. И вспомните, как Ибрахим сказал:
«Мой Бог! Ты безопасным сделай этот город[4]!
И надели его людей плодами — лишь тех из них,
Кто в Господа и в Судный День уверил».
И Бог сказал: «А тем, кто не уверил,
Я насладиться дам лишь на недолгий срок —
Потом Я их повергну в огненную муку
И скверным будет это назначенье!»

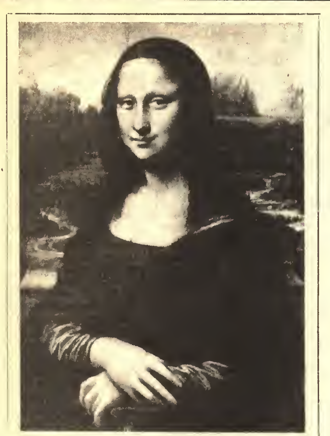
Начало публикации в № 11, 1991, и в № 1 и 2, 1992.

127. И вспомните, как Ибрахим и Исмаил
Воздвигли Дому этому основу
(И к Господу в молитве обратились):
«Наш Господин! Прими [сие] от нас.
Ведь Ты поистине все слышишь и всезнающ!
128. Господь наш! Сделай нас покорными Тебе
И подчини потомков наших Своей Воле.
И укажи обряды и места для поклонений,
К нам милостиво Лик Свой обрати!
Ведь обращающ Ты и милосерд!
129. Наш Бог!
Яви Ты им посланника из них самих,
Кто им прочтет Твои аяты,
Писанию и мудрости обучит,
Очистит души их от скверны.
Поистине всесилен Ты и мудрости исполнен!
130. Кто верой Ибрахима может пренебречь
Помимо тех, чьи души одолела похоть?
Его Мы в ближней жизни предпочли,
А в будущей — средь праведных [удел ему назначен].
131. И вспомните: когда Господь ему сказал:
«Предайся Мне!»,
И он сказал: «Я предаюсь Владыке Мира!»
132. И Ибрахим своим сынам сие в ответ поставил,
А также и Йакуб[5]:
«Сыны мои! Для вас Бог выбрал веру,
И не умрите вы никак иначе,
Как предавшись Владыке своему».
133. И вы свидетелями были,
Когда Йакубу смерть предстала?
Тогда сынам сказал он:
«Что будете вы чтить, когда умру я?»
Они ответили: «Мы Богу твоему
И Господу отцов твоих:
Ибрахима, Исмаила и Исхака,
Будем поклоняться —
Единому Владыке!
И предадимся лишь Ему».
134. То был народ [в небытие] ушедший,
Кой возымеет то, что приобрел.
А вы получите, что должно вам;
И с вас не спросят [за грехи],
Которые они чинили.
135. И говорят они: «Вы будьте иудеи или христиане,
Тогда пойдете праведной стезей».
Скажи им: «Нет!
[Последуем] мы вере Ибрахима — верного [Ханифа],
Кто к богу никогда других божеств не измышлял».
136. Скажите вы:
«Мы верим в Господа и откровение Его,
Что было нам ниспослано и Ибрахиму,
И Исмаилу, и Исхаку, и Йакубу,
И всем двенадцати израильским коленам;
И то, что Мусе Бог послал,
И то, что даровал Он Исе
И что другим Пророкам снизошло —
Меж ними мы не делаем различий,
И лишь Единому Ему мы предаемся».
137. Но если в то, во что вы веруете, уверуют они,
Они поистине пойдут прямым путем.
А коль они отворотятся,
Они войдут в раскол [единой веры].
Но Бог убережет тебя от них —
Ведь Он все слышит и всезнающ.
138. Вот таково крещение Господне.
А может кто-нибудь, помимо Бога — лучше окрестить?
И лишь Ему мы предаемся!
139. Скажи:
«Ужель вы станете о Боге с ними препираться,
Коль наш Господь и ваш — един?
Нам — за свои дела ответ держать,
А вам — нести ответ за ваши.
И в поклонении Ему — мы искренни [и верны]».
140. Или вы скажете, что Ибрахим и Исмаил,
Исхак, Йакуб или колена
Христиане или иудеи были?
Скажи: «Кто знает больше: вы иль Бог?»
Кто нечестивее таких,
Что скрыли у себя свидетельство Господне?
Ведь в небрежении Господь не остается
К поступкам вашим и делам.
141. То был народ [в небытие] ушедший,
Кой возымеет то, что приобрел;
А вы получите, что должно вам.
И с вас не спросят за грехи, которые они чинили.
142. И скажут неразумные среди людей:
«Что отвратило их от Киблы[6],
Которой были они верны поначалу?»
Скажи: «Во власти Господа восток и запад,
И Он ведет по правильной стезе
Того, кого сочтет Себе угодным».
143. И тем поставили Мы вас посредствующим людом,
Чтоб вы деяниям людей свидетелями были
И чтоб Посланник ваших дел свидетелем предстал.
И Киблу ту, которой ты держался прежде,
Мы сделали лишь для того,
Чтоб отличить, кто следует сему пророку,
От тех, кто круто отвернулся.
Сие, поистине, есть тягота большая,
Но не для тех, кого Господь повел прямой стезей,
И вашу веру никогда не сделает Он тщетой —
Ведь к людям Благ Господь и Милосерд!
144. Мы видели, как обращал свое лицо ты к небу,
Теперь же Мы повелеваем,
Чтоб обращался ты к той Кибле,
Что будет люба сердцу твоему.
Так поверни свое лицо
Ты в сторону запретной [для греха] мечети.
И где б вы ни были — отныне
Вы лица обращайте к ней;
И люди Книги знают хорошо —
Сие есть истина от Бога,
И в небрежении Господь не остается
К поступкам вашим и делам.
145. И если людям Книги ты представишь
Все ясные знаменья Бога,
Они не обратятся к твоей Кибле —
И ты к их Кибле лик не повернешь,
И меж собой — они не следуют одной и той же Кибле.
Но если ты пойдешь дорогой их страстей,
Уже постигнув истинное знанье,
Тебе средь нечестивых быть.
146. И знают его люди Книги,
Как своих собственных сынов;
Но есть средь них и те,
Кто эту истину скрывает,
Хотя и ведает об этом.
147. Ведь эта истина — от Бога твоего [исходит],
А потому — не будь средь тех, кто предался сомненьям.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

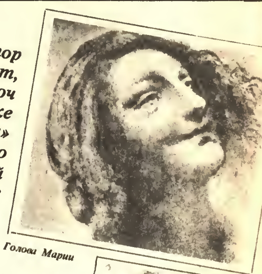
1. Язычники, не постигшие истинной веры.
2. Иудеи и христиане, т. е. имеющие Священное Писание — Книгу. Отсюда встречающееся в Коране выражение «люди Книги», «люди Писания».
3. Дом — храм Кааба в Мекке, святыня мусульман. Заложен Ибрахимом (библейский Авраам) и его сыном Исмаилом по велению Бога.
4. Мекка. На священной территории его недопустимы ни военные действия, ни ссоры, ни препирательства, разного рода махинации, азартные игры и т. д.
5. Йакуб — библейский Иаков, сын Исхака (библейский Исаак), внук Ибрахима (Авраама).
6. Кибла — направление молитвы. Первоначально, когда Кааба была еще языческим святилищем, молящиеся мусульмане обращали лицо к Иерусалиму, потом, когда Мекка признала Мухаммеда как пророка и посланника Бога, направлением молящихся стала Кааба — Дом Авраама.



«ТЫ РАССКАЖЕ

ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ ШЕДЕВРА

Ее автор полагает, что ключ к разгадке «Моны Лизы» — лицо изображенной на картине женщины.



Голова Марии

Женский портрет

«Джоконда»... Этот шедевр на протяжеиии сотен лет привлекает к себе всеобщее внимание. Тайна, которой он окружен, словно озон,— им невозможно надышаться, или музыка — ею невозможно наслушаться. Изменчивая а своем постоянстве, постояиная в своей измеичивости, она как бы выпала из времеин и пребывает иезависимо от него. Вечным, непреходящим веет с ее фаитастических вершии. Но как ии привлекательиа холодная мистика изображеиных на ней гор, пещер и заливов, не в ней загадка.

Что же влечет к «Джоконде» сердца? Почему будоражит оиа умы? Почему поколеиие за поколеиием идут к этой картние как бы иа поклоиеиие? Ведь ие одна только легенда зовет их.

Еще современники Леоиардо пытались разгадать тайиу Джоконды. Миогие видели портрет еще в мастерской художника, ио кто изображеи иа полотие, узнать так и ие смогли. Вазари своим известиым описанием только добавил путаиицы. По его словам, Леонардо изобразил жеиу флореитийского купца Дель Джокоидо Моиу Лизу в образе Весиы. Одиако и беглого взгляда иа картииу достаточно, чтобы сделать вывод: биограф имел в виду какое-то другое произведение Леонардо, может быть, «Коломбииу», что сейчас иаходится в Эрмитаже. Кстати, в описании произведений Леонардо во времена его службы при дворе короля Франциска I именно эта картина значится как «Портрет флорентийской дамы»...

Однако любой портрет — это изображение конкретного человека. И конечно, он был бы иепременно узнан своими современниками. Если это была Джоконда из Флоренции, зачем бы им теряться в догадках? Да и сам художник аряд ли стал бы храиить заказной портрет чьейто жеиы или вдовы и, постоянно совершенствуя его, возить с собой, как святыню. Даже если бы это была шутка с переодеванием, аатопортрет в жеиском обличье, как считает америкаиская журналистка Елеиа Шварц.

Спору иет, Леоиардо любил мистификации и всевозможные шарады. Но зиачительиость содержания, мощный заряд духовности картины как-то ие вяжутся с мыслью о трюкачестве. Вообще искусство Леонардо — мистическое, глубокое — строго выверено и взвешено. С толку сбивает то, что иногда выходит за грань его творческой воли. Так, многим кажется чудовищно игривым и плотоядным его Иоанн Креститель. Но в том-то и состоит очарование леонардовского гения, что открываемые им бездны и высоты подчас не выверишь никакой алгеброй. Гений Леонардо парил над ремеслом.

Трудно рассмотреть, что отражает поверхность воды, пока ие улеглось волнение. Пятьсот лет — срок немалый, чтобы зеркало успокоилось и прояснилось. Многие интуитивно давно поняли, к кому обращают они свои взоры и сердца.

«Ты расскажешь о лице»,— когда-то написал Леоиардо. И лицо на картиие «Джоконда» нами узнано.

Немногочислеииый цикл Мадонн Леонардо выстраивается в его наследии весьма последовательно, в соответствии с его меняющимся мировоззрением и растущим мастерством. Они, за исключением «Мадонны в скалах» и «Поклоиения волхвов», ближе всего к жанру портрета и предстают как бы в развитии, тяготея к внешней простоте и к возрастающей духовной глубине. Постепенио образ Девы Марии обретает у Леонардо все более унниверсальный характер, ие теряя при этом жеиственности и теплоты. В его Мадоннах много светского, ио всем им свойственна почти иконописная доступность. Именно это, а ие пресловутая загадочность, влечет паломников к Джоконде. Хотя что может быть загадочнее доступности икон? Уже внешнее сходство Джоконды с остальными Мадоннами Леоиардо позволяет логичио вписать ее в их круг.

Безбровые, с ускользающей улыбкой, окруженные иеобычиым пейзажем, они обиаруживают иекое едииство деталей. Даже в одежде Джоконды сохраиены элементы плаща — иепременного атрибута одеяния Марии. Три жемчужииы, которые исчезли в окоичательном варианте, тоже легко соотиосятся с христианской символикой. Некогда зелеиый цвет платья этой немолодой женщины — ие что иное, как символ

«…ШЬ О ЛИЦЕ»

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ



Мона Лиза (Фрагмент)

вечной юности Девы Марии, с которой произошло чудо по воле Бога. И конечно, пейзаж, всегда характерный пейзаж, отражающий космичность происходящего,— все эти воздушные галереи, небесные окна, скалистые горы. Только светлое очарование ранних Мадонн уступает в «Джоконде» чувству одиночества и утрат. Это портрет Девы Марии на последнем отрезке ее жизненного пути. Он завершает сюиту Мадонн. Нет больше разделения на божественное и человеческое. Поэтому и пейзаж становится совсем фантастическим, почти неземным. И нисколько не странно, что улыбку Марии невозможно описать словами, как и рассказать о том, что уже «не от мира».

Нет ничего невероятного в том, что в этом портрете искали и находили чьи-то конкретные черты — самого Леонардо, его матери, его современниц. Противоречивость облика Джоконды очевидна. Похоже, все это — следствие художественного метода Леонардо, его принципа отбора. «Смотри, чтобы собрать многие части прекрасных лиц...»,— рекомендует он своим ученикам.

И если у Джоконды глаза Леонардо, мы можем предположить, что это глаза его матери. (Фрейд, кстати, писал, что у Джоконды глаза материнские.) Но это скорее относится к «собиранию лиц», а значит, искать реальные прототипы не имеет смысла. Гораздо важнее, что существует некоторая связь, сходство между Христом «Тайной вечери» и Джокондой. У всех Мадонн Леонардо много общего с обликом Христа. Особенно заметно это сходство в «Поклонении волхвов» — у Марии тот же наклон головы и рисунок глаз. Что-то из вышеперечисленного есть и в Джоконде. Прослеживается такая зависимость: соблюдая объективный закон природы при создании образа Христа, Леонардо, естественно, соотносил его с тем образом Девы Марии, который определился у него к тому времени. Когда же Леонардо писал портрет Джоконды, он, конечно же, с учетом прежнего опыта, ориентировался на образ Христа.

Кто знает, может, Леонардо ничего и не выдумывал. Просто прочитал однажды у Данте:

Теперь взгляни на ту,
чей лик с Христовым
Всего сходней...

(Рай. Песнь 32, ст. 85—86)

Не в этих ли строчках зерно замысла, давшего столь необычные всходы? Не так ли было и в случае с «Тайной вечерей», когда импульсом к созданию знаменитой композиции послужила одна строка из Евангелия от Иоанна? Кто знает, так ли однозначно было бы толкование фрески, не впиши Леонардо этой строки в свою тетрадь...

Так разговор о прояснившемся зеркале уводит нас к истокам.

Леонардо понимал, что его создание выходит за рамки канона. Но не в его обычае было объясняться с современниками. Вокруг картины очень скоро возник ореол тайны. Великий художник со свойственной ему улыбкой не препятствовал этому.

В. МАКАРОВ



НЕСИ СВОЙ КРЕСТ И ВЕРУЙ

В Москве родился еще один театр. Слова, вынесенные в заголовок, стали девизом его первого сезона. Это Русский духовный театр «Глас». Что сулит нам его появление среди многих других, родившихся в последнее время? Интерес к театральному действу у москвичей падает. Видимо, современный театр не всегда способен подняться над обыденностью: в жизни митинг — и на сцене митинг, на работе собрание — и на сцене то же. Грешат этим и новые, и уже заслуженные театры. После спектакля чувствуешь одну лишь душевную усталость. Конечно, душа, как известно, обязана трудиться, и настоящий труд ей не в тягость. Но здесь усталость от тупика, от безвкусицы, проще — бездуховности. И в какой уж раз даешь зарок — больше в театр не пойду!

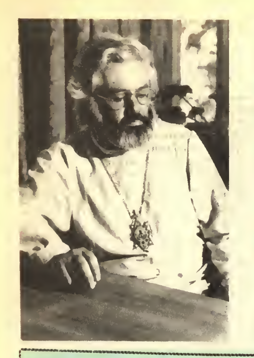
Мне кажется, что на спектакли-концерты (так определил жанр главный режиссер театра Никита Астахов) «Гласа», придя сюда однажды, придут еще. Звучащее здесь слово будит душу, зовет ее к свету, утверждает человеческое. А слово это — евангельские притчи, гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями», духовные песнопения в прекрасном исполнении ансамбля театра (под управлением регента Алевтины Филатовой). Все — о личном, сокровенном, о том, что мы все переживаем, передумываем.

Духовный попечитель театра — председатель Братства Храма Христа Спасителя протоиерей Георгий Докукин. Однако он не считает себя учителем людей, которые объединились в театре. «Каждый идет к Богу своей дорогой, мы просто идем вместе»,— говорит отец Георгий. Предупреждая возможные вопросы, он объясняет, что нет ничего противоцерковного в том, что Слово Божие звучит со сцены. Церковь не всегда отвергала театр, стоит вспомнить основателя театра, преподобного Дмитрия Ростовского.

И все-таки: что значит — духовный театр? Это разъяснила Татьяна Георгиевна Белевич — актриса и директор театра.

— Духовный — не значит церковный, религиозный. Наш театр прежде всего обращен к русской классике, а она глубоко духовна. В ее основе — поиски истины, добра, сочувствие к человеку, высокие нравственные требования к нему. А разве не об этом библейские заповеди? Потому и обращение со сцены со словами из Евангелия — это не самоцель, это попытка напомнить некогда всем известное, ныне забытое. К сожалению, для многих наших современников язык Евангелия непонятный, неведомый. А ведь вся классическая литература буквально пронизана им! И наш театр хочет открыть зрителю духовную глубину и силу этой литературы. Чтобы он мог с ее помощью окрепнуть духом в наше сложное, бурлящее время.

И. САВЧЕНКО



Я жаждал познать истину

Мы уже знакомили наших читателей с Богородичным центром (1991, № 8). Публикация вызвала живой отклик читателей, письма идут до сих пор — нас просят подробнее рассказать о нем. Полагаем, что немалую роль в этом нарастающем интересе читателей к Центру сыграли выступления массовой прессы — «Независимой газеты», «Мегаполис-экспресс», «Московской правды», «Московского комсомольца», «Курантов», «Собеседника», газеты «Россия», журнала «Человек».

Можно выделить три фазы этого процесса. На первой Богородичный центр виделся в основном как проявление духовного, религиозного плюрализма, как новое религиозное движение, рожденное демократизацией и обновлением общества. Вторая фаза связана с августовскими событиями 1991 года, в которых Центр занимал активно антипутчистскую позицию. В этой связи многие газеты весьма охотно публиковали Послания Богородицы, которые, как считается, получали наиболее достойные старцы — духовные лидеры Богородичного движения. И наконец, третья фаза в развитии интереса к этому движению характерна попытками проанализировать, оценить Богородичный центр сквозь призму анализа его религиозной доктрины и религиозной практики, сопоставляя их с православием, католичеством, другими христианскими церквами и движениями. Здесь оценка и отношение многих органов светской прессы довольно существенно изменились. Посыпались обвинения в «ереси», в «своекорыстии и приспособленчестве к земным интересам», в том, что богородичное движение есть «нечто искусственное и безблагодатное».

Мы не ставим себе задачу защищать или, напротив, разоблачать Богородичное движение с позиций богословия. Церкви. Полагаем, это не дело светской печати. И не случайно некоторые светские издания, претендующие на критику движения с церковных позиций, то вдруг начинают сравнивать его лидера, отца Иоанна, с Жириновским, то впрямую задаются вопросом: а не собирается ли отец Иоанн претендовать на светскую власть в России? Ну а когда речь заходит о власти, о критике своего потенциального противника, тут уж в средствах, как правило, не стесняются. Не отсюда ли рождаются такие вот заключения: «Послания отца Иоанна от имени Богородицы потому такие однотипные, тусклые, что прежде всего они отражают самого отца Иоанна, его мировоззрение, его круг интересов...»

Собственно, эта, последняя фраза и побудила нас к публикации интервью с отцом ИОАННОМ, а также отрывков из его «Записок юродивого». И пусть читатель рассудит, тускл или ярок их автор и каковы круг его интересов, его мировоззрение.

Мы не спешим с оценкой доктрины и деятельности Центра. Время покажет, как они будут развиваться.

— Сегодня вы — епископ, руководитель Богородичного центра. Это если и не вершина в вашей духовной карьере, то, по крайней мере, значительная высота. А как начиналось восхождение, как начинался путь к вере?

— У меня музыкальное образование, я даже выступал на Международном конкурсе. Потом оставил музыку и занялся литературой. Окончил Институт иностранных языков, преподавал в МГУ, занимался философией, социологией, одно время очень увлекла меня французская социологическая школа. Но до конца 70-х годов меня буквально разрывало на части, во мне метался, как я понимаю, интеллигент, писатель. Я открывал всевозможные двери, отдавал себя то Шопенгауэру, то Фрейду, то восточным религиозно-философским традициям. Я не мог быть даже эклектичным, потому что в каждое учение погружался целиком. Но ни одна школа, ни одно учение не давало духовной полноты, убежденности в истинности.

— Ваши поиски касались и эзотерических учений?

— Да. Однажды я разом оставил все светское, погрузился в эзотерику, даже ездил специально в каббалистическую школу для посвящения, изучил древнееврейский язык. Кстати, это дало позже основание некоторым ортодоксам Православной Церкви обвинить меня в причастности к масонству.

Однако я не стал индусом, изучив «Бхагаватгиту», не стал теософом, прочитав «Тайную доктрину» Е. Блаватской. И масоном я не стал. Я не примыкал ни к каким группам. Я был неплохим лектором, писал какие-то книжки. И в семье складывалось все как будто благополучно. Но душа моя разрывалась, я был водим, я жаждал познать истину. И ради нее готов был умереть.

— А ваши родные, как они относились к вашим поискам?

— Вы спрашиваете о родственниках? Самое драматичное — это отношения с отцом. Он был честным и чистым человеком, геологом, заметной фигурой среди руководителей строительством БАМа. Думаю, он был хорошим и честным специалистом. Его принципиальность в оценках нередко вредила ему, более того, он страдал от происходившего, но он имел веру — он был коммунистом. И мы не могли ничего сделать друг для друга. Идею коммунизма я не принимал. Я брал «Капитал» К. Маркса и ничего там не видел,

кроме того, что автор явно заглядывает в чужие карманы, чтобы пересчитать чужой капитал.

Мы любили друг друга — мой отец и я,— и это было так больно! Он умер вне крещения. Я молюсь о нем теперь. Он был светлым и умным человеком. Когда я увидел его лицо во время похорон, это было лицо буддийского монаха. У еврея по национальности, коммуниста по вероисповеданию было лицо буддийского монаха. Какое преображение! Я постоянно молился о нем. И я верю — свершилось загробное крещение. Это очень важно! Мы должны молиться о загробном крещении родных и близких, ведь живые и усопшие едины.

— А христианский путь — русская религиозная философия? Библия, наконец?

— Я хорошо знал труды Лосского, Бердяева и многих других религиозных философов, богословов. Библию я знал, но воспринимал только умом. Но ничто не давало мне ощущения Истины. Вновь и вновь в душе возникал вакуум.

И вдруг однажды в электричке (я ехал встречать очередного махатму из Индии) меня пронзила мысль: раз я до сих пор не знаю истины, значит, все, что я читал,— это ложь, все, что я писал,— это ложь, потому что я не знаю истину. Ужасное состояние.

— И как вам удалось выйти из него?

— Случилась встреча. 15 лет назад. Я уверен, это Божья Мать привела меня к отцу Борису. Это произошло в Можайске, в храме Ильинской слободы.

Я пришел как нищий, я трепетал от собственного ничтожества, я не знал, как сказать, что сказать священнику,— мозги отнялись совсем. Плачу и бормочу: «Слава Матери Божьей!» А батюшка вдруг говорит: «Я вас сейчас окрещу».

И тогда началось новое: я стал простым. Я не мог написать ни строчки, книги не читались. Все куда-то ушло, мог только бормотать: «Всем скорбящим в утешение...» И иконы! Они ожили, заговорили. И вновь начались метания, я не мог стать просто прихожанином: ведь во мне сидели йога, дзен, и чего только не сидело во мне.

Вот тогда я объездил всю Россию в поисках старцев-наставников. И каялся, каялся...

И наконец, встречи. Две старицы. Одна из них — Мария Орловская. Она меня наставляла. Есть такое тайное христианство: ветвь от Русиковых, через греческий Афон, через старца Феодора, основателя Оптиной пустыни, к схиигумену Амфилохию, бывшему, кстати, духовником Светланы Аллилуевой, и к этим старицам.

Это удивительно! Маленькая старушка рассказывает о Распятии Господа. К тому времени мне приходилось слышать многих — и митрополитов, и энтузиастов. Но здесь две минуты я послушал — и потекли слезы. Это было чудо! И как бы в духе я слышу: «Се дочь Моя. Иди к ней».

Позже я написал ее житие. Обитала она в крошечной клетушке, в скудости, но такую благодать излучала, что я захлебывался. Как она клала поклоны! Глядя на нее, я понял таинство: чем ниже склоняешь голову, тем выше восхищается дух. Это таинодействие Сокровенной Святой Руси. С тех пор я знаю истинное христианство. И еще понял: творчество — это покаяние. Иное творчество — просто ложь мятущейся интеллигенции.

Наша община — сакральное братство под покровом Небесной Матери. Раннехристианские агапы — братские общины объединяли тех, кому равно чужды и семейная ограниченность, и коллективные объединения. Агапа — Церковь возникает из глубокого покаяния, из послушания и уничижения ради общения в духе с Богом. Это великая радость.

— Каково ваше отношение к Русской Православной Церкви?

— Для большинства интеллигентов вера — это мрачная пещера, где надо себя убить. Я думаю, что интеллигенция совершила традиционную ошибку, отождествив церковный институт и живую веру.

Традиционная церковь исполняет освятительную функцию, а истинная, живая церковь должна исполнять миссию преображения. Задача истинной церкви — подготовить душу и мир верующих для преображения. Об этом взывает к нам Божья Матерь. Так хотелось бы, чтобы Россия правилась живой христианской верой!

— Как я понял, вы нашли свой путь с помощью живого общения со старицами, а они были последовательницами ИПЦ — Истинно Православной Церкви. Что представляет собой ИПЦ?

— Истинно Православная Церковь делится на две ветви. Монархическая не признавала советскую власть. Это очень близко к тому, что сейчас митрополит Виталий проповедует в Америке. На мой взгляд, это бездуховный путь. Вторая ветвь — православие, представленное старчеством. Эта, вторая ветвь имеет древние традиции. Меня рукоположили три митрополита ИПЦ. Двое из них уже скончались: схимитрополит Геннадий, который много лет провел в заключении (а благодарную память о нем я написал его житие); второй — схимитрополит Феодосий. Нынешний глава ИПЦ находится в глубоком затворе. Он мало верит в то, что сейчас могут произойти какие-то глубокие перемены, хотя и благословил церковь на выход из катакомб. О митрополите Григории говорить пока еще не время.

Когда я работал в ортодоксальном храме и был близок к епископу РПЦ Амвросию Ивановскому, он предлагал мне рукоположение, но я не мог. Мне чудилась в этом какая-то сделка с совестью. Мое рукоположение в Богородичном Центре прошло в трогательном домашнем храме. После рукоположения я уже не посещал православных храмов, катакомбная церковь это запрещает. Конечно, наибольшую силу проповедь имеет в старческом затворе от наших покаянных слез, жертвой невидимой, через возжигание любви к Божией Матери, к братьям по вере.

— Как планирует ваш центр свои отношения с другими конфессиями, с западными церквами?

— Божия Матерь смотрит на нас всех как воспитательница на детей из одной группы. Церковь — это не количество прихожан. Церковь — это Сердце Пречистой Девы Марии. Мы хотели бы, чтобы в Патриархии это поняли. Мы — братья. Я пошел бы первый на переговоры и воссоединение в духе, но не надеюсь, что нас правильно поймут. Сердце Божией Матери открыто всем, всему миру.

Недавно я беседовал с посланником папы Иоанна-Павла II, с о. Эдмондом. Западная Церковь ждет от России импульса к соединению католиков и православных. О. Эдмонд спросил меня: «Не ты ли это?» Я ответил: «Это я. Вот я урод, окаянный, но это я, и через меня, через наших отцов и братьев, соборно, изливается благодать, движение возрождения России». Папа Римский любит Россию, и ему были откровения относительно России. От нее зависит очень многое. Индивидуальное спасение одной страны невозможно — спасение должно быть всеобщее.

— В чем состоит деятельность вашего Центра? Кого он объединяет?

— Основная деятельность — издательская. Мы издаем Богородичные откровения. Сейчас, например, готовим к изданию «Белое Евангелие». Недавно состоялся Богородичный собор. Тысячи людей окормляются через книги. К нам приезжают, нам пишут. И мы трудимся. В Москве у нас есть небольшой зал, где мы еженедельно служим литургии. Приходят человек 50, иногда 100. Постоянных сотрудников у нас около 50 человек. За количеством мы не гонимся.

В действительности Богородичный Центр — это выход ко всему миру, ко всей Вселенной. Очень многие люди чувствуют наше служение: мы получаем письма, от которых веет такой искренностью, что душа замирает.

— Как Центр осуществляет связь с зарубежными верующими?

— Существует международное марианское движение, возглавляемое пророком Божией Матери доном Стефано Гобби. 15 лет он ездит по всему миру, от Бразилии до Австралии, и организует центры священства. Сейчас они объединяют 100 000 священников.

— Сколько последователей имеет Богородичный Центр в стране?

— Трудно сказать. Служение только начинается. Но несколько тысяч писем мы получили на одну только публикацию статьи «Плач Богородицы» молодого журналиста Дмитрия Быкова. И сколько могли, выслали книг Откровений.

— Благодарю вас за подробные ответы.

— Я тоже хочу поблагодарить ваш журнал и пожелать, чтобы он нес не только информацию, но и свет, мир, любовь, утешение и радость. Да пребудет с вами благодать Божия!

●

Записки

В. ЯКОВЛЕВ



роплывают мимо корабли... Я стою на одиноком острове — брошенный маяк, бездействующая церковь. Нет ни огня, ни свечей. Едва тлеет лампадка веры. Где-то смутно осознаю, Ты есть... И подходит теплота, без Тебя я не могу дышать...

О как я тщетен! Силы отнялись. Кому и что я могу дать? Ничтожный, низкий, жалкий... Сон круглосуточный. Враг бьет дубиной, крушит и сокрушает тайную гордыню. Мысль о том, что я л у ч ш е, чище и выше, не выветривается, несмотря ни на какие кресты и скорби...

Надо проповедовать, ища от ближних помощи... Не столько исповедовать, сколько исповедоваться. И быть простым... Что тяжело. Люди — как ходящие кресты. Распластал руки, вот и готовый крест. Столб позвоночный — огненный в небеса. Мурашки и озноб по телу — предвестие огня. И в каждом из нас некий жупел апокалипсиса.

Душа моя омертвела и притихла, забилась в угол и скулит. Знает, что приговорена. Что ей дóлжно сгореть под действием покаянного огня.

По ночам гнетет чаша греховная. Встаю, отодвигаю шторы и всматриваюсь в небеса. Снег, мрак, свист ветра, пустота. Нет мне покоя...

Откуда-то доносятся сумеречные голоса. То ли кого-то режут, то ли кричит пьяный в полоумном блаженстве. Отголоски земных помыслов еще имеют власть надо мной, хотя мир кажется мне вдалеке от места моего заточения, на одиноком острове — где-то в миллионе миль, в провале несчетного числа верст, в небытии.

Я куда-то не туда направил их. Они не нашли Ее. Доступ к Божией Матери лежит через тайный вход. Но надо отыскать этот колодец в пустыне. Надо сорок дней подряд лить слезы о грехах и не терять надежды, когда, кажется, уже самый последний шанс потерян. И в этом вера. Верить, что есть шансы выжить и спастись, все равно что веровать сытенькому и богатому. Но ангел Божий обрушивает стрелы и ставит в ситуацию Иова библейского. Один за другим отнимаются ближние, утопии, иллюзии, снимается пелена с глаз и помещаешься у крыльца богатого дома, бедняком из притчи Господней, призванным лизать кости наравне с собаками. Лазарь нищий, войди в мой дом! Иду, Господи!

Но прежде я должен очиститься. — Очисти меня.

Я научился веровать среди блаженств, у праздничного Твоего стола. Научился петь Тебе «осанну» в окружении братьев и сестер, с которыми обрел утешение и светлое общение в Духе. А ныне пришел час возлюбить Тебя в пустыне. В час скорби Крест Твой да приблизится. Я возлюблю Тебя, Христе! В страдании и смерти возлюблю Тебя, Возлюбленный!

По ночам меня гнетет страшная, неизлечимая, изнурительная, всесожигающая болезнь. И я знаю, что скоро умру.

Впрочем, я из числа тех мнительных подонков, которые годами валяются в постели, полагая себя смертниками и жертвами, требуя сочувствия от окружающих. При этом они переживают ближних своих на десятки лет и даже не ухаживают за их могилами.

(Я многоярусен и едва справляюсь с разнодействующими этажами: лифт моего «я» ходит от паперти к паперти, внезапно доносится запах погребной сырости и, кажется, сейчас провалишься навсегда. Приходится вновь подниматься и выходить, налаживать, улаживать, врать, притворяться, смотреться в зеркало, отчаиваться, плакать.)

Итак, о внешнем моем существе. Оно все покорежено. В нем не осталось ни одной живой клетки. Я наконец-то познал свое убожество. А внутренний мой остается «папиным» и «маминым», как это ни пошло и ни гнусно; внутренний мой в состоянии функционировать лишь как единственный, любимый, лучший. И выходит, я избранник (единственный), потому что каюсь. Соединение внешнего и внутреннего произвело уродство: из покаяния я сделал фетиш. Я лучше, потому что полагаю себя х у ж е; я лучше, потому что кладу поклоны, хожу в храм и имею веру. Л у ч ш е, наконец, потому что поп, архиерей, у меня дары духа. Я исцеляю, пророчествую, благовествую. Я иду вверх по лестнице... Остановись и оглянись. Никого. Самый несчастный и одинокий на свете.

Из внутреннего моего человека просвечивает лунный пейзаж. Дыры, ветры и воронки. Бог лишь знает, какой я убогий...

Этого очковтирателя-профессора надо побить. У него гордая морда. Профессор Блюмен. Безумный. Ходит по улице в пижаме и с зонтиком — персонаж из оксфордского учебника английского языка для доморощенных дебилов-иностранцев.

Я остаюсь Твоим верным. Пусть сто и тысячу раз передо мной захлопнутся ворота — я буду ждать Тебя, Твой верный.

...Пейзаж, напоминающий вырубленную аллею столетних царских пихт. Обрубленные пни. Хожу, считаю их. Присаживаюсь, вспоминаю, плачу. Мне было хорошо. А теперь...

Сижу в гнезде, под скорлупой. Вместе с такими же, как я, скорлупками и яйцами. Нас греет добрая мать. Нам так тепло. И мы накормлены. Но надо вылезать наружу. Это безумная боль — заново рождаться.

Самая гнусная мысль из всех, которые я знал,— о перевоплощении. Поверь, это чистый аферизм.

Семь вечера. Квартира в старой Риге. Тусклый свет на лестничных площадках. Собрались семеро. Пьют чай, и милая беседа обо всем. И теплота в сердцах.

Они чужды, но и они спасутся.

Но почему они чужды мне? Почему я не могу вместить их? Это я чужд Тебе... Насколько я стал один с Тобой, настолько их боль вошла в меня и перерезала пополам, как автоген.

Всякий раз, испытывая холодную неприязнь к кому-то и чему-то, думаю, что это я так чужд Тебе. Как мне найти Тебя? Ты не оставила ни лампочки, ни свечей, ни спичечного коробка. В той сырой мгле не горит ничего. Иду по зловещей канаве — наощупь, наугад. Где-то здесь выход. Ты откроешь двери — и забьет ослепительный свет...

Скажите, не сюда ли приходила Матерь Божия? Говорят, Она здесь была. Исцелила 90-летнюю старушку, насмерть запуганную своим болезненным одиночеством и брошенностью...

Не знаю. Видно, так.

Но люди мрут, как мухи, и жертв ожидается много. Мы еще очень живучи в силу действенности яда, вырабатывающего иммунитет. И если меня укусила кобра и я выжил, то укус какой-нибудь гадюки из калининского топкого космического леса скажется не больше, чем комариный.

Иногда меня кусает хоботком своим ностальгическая тоска. И я начинаю сходить с ума от боли по своим ближним, которые ныне невесть где. Где они сейчас? Помнят ли меня? Любят ли? Молятся ли обо мне? В аду ли

они, в раю? Сна им блаженного. Сна...

Мой жезл — последнее, что есть у нищего. Мой жалкий царский скарб. Отнимите у меня это магическое средство к исцелению, несущее тайну власти над людьми. Я хочу затеряться в толпе. Я хочу остаться один в выселенном накануне бедствия пятиэтажном хрущевском доме. Закройте двери и не заботьтесь обо мне. Все будет хорошо. Я не боюсь. Оставьте.

Не надо мне сметаны на обед. Не надо пары ваших лживых, теплых, ласкающих глаз, не надо вашей материнской заботы. Она приносит мне еще большую боль, чем одиночество. Дайте мне спокойно жить. Спокойно умереть.

Если бы я мог превратиться в бревно из отопительного склада! И чтобы мною затопили лютую огненную печь. Я бы вас согрел. Вам стало бы лучше и теплее.

Сосед выбрасывает книги в уличную дворовую урну. Каждое утро тайком, как вор, выходя на улицу, будто собираюсь сделать променад или зарядку, я залезаю в урну и ликующе нащупываю очередной том Шестова, дарящий мне дни страстного, напряженного чтения, которые сокращают часы моего безумия, небытия и острой боли. Книги — наркотики для меня, обреченного, которому каждые полчаса вводят в вену философическое успокаивающее.

Как он метался, этот Шестов! Как, бедный, мучился за своим огромным письменным столом, покрытым зеленой материей! На столе стояла чернильница и толстые папки

юродивого

с рукописями. А на стене висел портрет Канта.

Да, от страны, которая пережила ГУЛаг, трудно чего-либо ждать.

Уже полтретьего, а обед все не несут. Несчастные.

Скачите, мои мысли, скачите подальше от меня. Чем дальше вас отнесет, тем счастливее окажется их обладатель.

Какой дивный театр представляет мое пламенное, старческое, слабоумное воображение! Боже, сколько переживаний! Сколько любовных сцен, сколько объятий, сколько слез и горя! Какая насыщенная жизнь протекает где-то между моей больной прелой головой и время от времени отказывающимся биться сердцем!

Тише! Я, кажется, куда-то провалился...

Все. Отсюда уже не выйти. Надо мной четыре этажа. Меня засыпало... Макушка черепа упирается в какой-то мерзкий гардероб. Крышка.

Я верю, что Ты меня не оставишь. Я ничего и никого не боюсь. Приди и наполни жалкие мои пустоты.

Я ношусь по переулкам своего мысленного города, по его одесским, ночным витринам. Всех да помилует Она.

Женщина средних лет — Аркадия.

Одна. Зажгла три свечки. Поставила на столик у окна. Вытерла пыль с Библии. Открыла Псалтырь. Начала читать — и заболели глаза. Затуманилось в уме. Ничего не видит, плачет. Слезы текут и текут. Книгу оставила, прислонилась головой к столу, отерла глаза платочком и присела на краешек дивана. О чем она плачет?

Бог не слышит нас. Доходит одно из тысячи прошений. Лотерея. Вдруг попадешь в десятку — о эта мишень на алтаре Святого Духа! Или у молитвы есть свои стрелы, траектории? Бред.

Но мне стало легче. Тучи в голове рассеялись и открылось небо. Запахло ландышем. Весна. Это ты молился обо мне, и Она услышала Твою молитву.

Согрей меня, Матерь Божия, пожалей урода Своего! Согрей!

Если бы я мог побыть с Тобой еще хоть час! Но оттуда нет возврата. Видно, пришли за мной и нагло стучат. Все равно не открою — я ничего не боюсь, я уже познал все. Пожалуйста, ломайте двери, крутите мне руки, бейте меня палками, плюйте мне в лицо, мажьте рот дерьмом. Я ко всему привык и стал отчасти даже не чувствителен. Мне все равно.

Последний сталинский вопрос в моей отключающейся голове — КТО НА МЕНЯ ДОНЕС? Кого я тронул? Кого обидел? Почему евреев ненавидят? Да, надо будет еще один вопрос додумать после, после, конечно если будет время.

Я знаете ли, некогда встретил одного умного человека. Философа. И спросил его, есть ли время т а м, за гробом. Да, сказал он, там будет время подумать и не покаяться. Главное — взять с собой карманные часы, желательно в серебряном корпусе. Мысль работает, пока длится время. Время длится, пока работает мысль. По случаю первого и второго, ради их блаженного потустороннего синтеза я не расстаюсь с часами, даже когда нас унизительно раздевают для помывки. Я зажимаю часы в правой руке, левой делаю вид, что стираю грязь со своего чужого и ко всему равнодушного тела (равнодушного даже к своему хозяину).

Эти часы. Они как-то связаны с крестом. Я заложу их в ломбард, и душа моя будет выкуплена.

О брат, какие нам предстоят дальние дороги! Я не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь еще... Всякий раз, расставаясь с тобой, я думаю — навсегда.

В наш сумасшедший дом везут лишь тех, кто полагает себя лучше других. Прекрасно. Утром нас ждет сауна с бассейном.

Сегодня привезли директора, главбуха, агента из госстраха и еще какое-то номенклатурное веснушчатое лицо. Мои будущие партнеры по блицкригу. По броску вовне. В мир. К свободе.

Наш сумасшедший дом — это вся земля в миниатюре. Сюда приводят только гордецов, им надлежит покаяться. Им предстоят уничижения и скорби.

На вас не по размеру смирительная рубаха. Надо открыть в центре города Дмитрова кооператив по продаже новомодных смирительных рубах. Где-нибудь по соседству с действующим храмом.

Вчера привезли бывшего англичанина. Толстый, в очках. Дипломат. Ангел с пробитым сердцем. Плачет. Невиновен. Жертва обстоятельств. Его нашли в каком-то шотландском замке с привидениями пьяным, среди подозрительных темных лиц. Такое можно увидеть только в сумеречном сне: камин и зала на сто мест.

Сколько в невидимых ее воздухах нависает призрачных мыслей о тоске и самоубийстве! Обостренный слух — кто-то стучится. Наконец-то. Боже, кто развеет мою тоску?

Когда мой доктор-садист Ж. К. бьет меня кулаком под дых и спрашивает: «Ну, как ваши внутренние дела?»,— я не мню себя министром МВД. Нет, я просто плачу. От бессилия и блаженства.

Самые презираемые в нашей психушке — это те, кого посещают. Вдвойне презираемы опекаемые, кому носят пищу. И трижды презираемы, имеющие надежду на выздоровление, на выход из больницы. Несчастные. Пока ч-к остается смертным, он будет безумным. Сумасшедшие дома будут существовать до самой последней секунды жизни на земле.

О моя вторая родина — психушка! Я провел здесь столько блаженных дней в созерцании восхода солнца. Место для самых умных на свете людей. Я скорее соглашусь превратиться в лягушку в болоте с отравленной

водой, чем стать таким, как вы, «достойно» здравомыслящим. Приблизься ко мне и войди в мой мир, и ты поймешь, что он стоит десятерых таких, как Пастернак.

Святой аутсайдер системы, я вспоминаю свою прогулку в Узком, где-то около Теплого Стана. Место чудное, и за нами никто не шпионит. Нас никто не выслеживает. Никто не выспрашивает данных о месте работы и статусе, никто не хочет нас четвертовать. Я ходил туда трижды со стеклянным другом своего детства Цайтблюмом Сатиным, Листочком Времени, густо исписанным моими кровавыми записками о помощи, о справедливости, о правде и любви.

Третий день меня домогается аспирант с кафедры буйнопомешанных. Его интересует психология таких, как я. Как будто мир моих мыслей и переживаний наполнит его бездарный, сухой мозг.

Кто сумасшедший? Тот, кто осуждает ближних. Я, Сидоров, Петров. Все мы.

Мы все живем под колпаком.
Над нами храм.
Я с вами не знаком.
И плесень, мыши по углам.

В Филяндино заканчивается Всенощная. Бабка Зина считает доход. Позвякивают серебряные монетки. Бабулька думает: надо купить на завтра колбасу для общего собрания, для чего списать десять рублей (в обход проверки) — колбасу купить на всю общину...

Надрывно кричит батюшка, изображая нечто непонятное, то ли смерть царя Бориса Годунова (он облачен в одежды византийского двора), то ли кликушествующий бред затравленного алкаша. В церкви помимо стоящей у ящика старосты еще три бабки.

Иконы дышат и живут. Молитва принимается. Как хорошо здесь! Никогда бы не кончалось пение херувимское.

Вот с того света загудел пономарь. Страшный, лысый, лет пятидесяти. Голос как со дна болота. С какой же беспросветной глубиной сопряжен его пищевод, и в какие подземные пещеры относится его проницательная и больная мысль? В промежутках между службами он матерится, пьет и ищет подраться или с тоски намылить морду бабке, не одолжившей ему рубль. Жизнь кончена. Три отсидки в прошлом. Ненависть к священнику и к семье.

Между тем в Почаевской Лавре батюшки вкушают. Жива Россия. И даже м. Параскева не точит на нас свой молитвенный псалтырный ядовитый зуб, имеющий чудодейственную способность поднимать пыль с адского дна и в топоте демонских копыт обращать свою паству в кровавое месиво...

Тысячемордая стозубая бабка Александра. Гроза священников — съедает их по штуке за сезон.

Какая у вас заботливая рука! Вы можете достать человека из-под руин. Вы можете провести по плачущим щекам и вызвать просветленную улыбку на скорбящем лице. Вы столько можете...

Третий день мне звонят по телефону и отвечают мне: его нет. А я дома, и меня не находят. Третьи сутки так.

Я поставил барьер — трехметровую каменную стену. Пусть попробуют дознаться и добраться до меня, будь вас хоть миллион — вшей и блох, и ворошиловских стрелков, и буденновских конников. Я вас не боюсь. Попробуйте пробить своими пушками трехметровую стену, воздвигнутую между мною и вами, МОЕЮ ПАРАНОЙЕЙ.

Где я? Кажется, Сокольники. Здесь жила моя сверхтолстая двоюродная бабка Соня, славная тем, что выкормила двух свиней, от чего сама стала похожа на свиноматку. Так сказал не я, так выразилась ее единственная дочь Сарра.

Тетка пришла к Сарре отравиться, когда умер ее муж и седая сонная толстуха осталась одна. Пришла принять таблетки (одной ей показалось скучно). Подстрекала, подзуживала к склоке — мол, не уважают и не любят ее, и никому не нужна. Решилась, приняла таблетки (дочь находилась в соседней комнате). Разумеется, чтобы ее тотчас спасли.

Разлагающиеся останки радиоактивного прошлого... Как они растворяются в моем зараженном мозгу!

Помню другой эпизод. Мы снимали дачу у Москвы-реки. Живописный вид. На возвышении туалет — у самого берега реки. Перед туалетом смотровая скамейка. Стена уборной служит спинкой для любующихся сталинскими далями Москвы-реки, дно которой устлано костями безымянных зэков. Мне не хочется спать. Я не хочу ни жить, ни убивать. Я катаюсь на металлической лодке возле дома. В моих ногах домашняя подушка. Я бросаю ее на берег, чтобы не мешала, и таинственным образом попадаю в лицо тети Сони. Та оскорбляется и упрямо твердит: «Он хотел меня убить!» (Я же говорю вам, шизофрения, подозрительность, мнительность у нас в роду.)

А еще мне вспоминается Игорь Бродецкий, полукровок, полуеврей — садист, обучавший меня английскому языку по учебнику Бонка. Как он издевался над моей слабой памятью и заставлял вызубривать наизусть бессмысленные, гнусные тексты про семью Седовых и про какую-то мисс Найтингейл! Потом зачумленный я ходил по Москве, задавленный мыслью о своей неполноценности. Смотрел на прохожих и думал: каждый из них, должно быть, смог бы выучить текст наизусть. Они нормальные, а я беспамятный дурак, я слабоумный. С тех пор в меня вошла компенсирующая мысль: быть во что бы то ни стало выше и умнее всех. Эта мысль и свела меня с ума.

Вы искали господина Н. Я дезориентировал вас.

Ничего более бессмысленного, чем моя жизнь, я не знаю. Но если сравнить с кем-то, то скажите, у кого не так? Вы, насыщенные смыслом, вы еще просто не доросли до осознания тщеты. Сердце ваше не расширилось скорбями и не исторгло горячую слезу, способную превратить в туманный пар воды Ледовитого океана.

Кимры. Рынок. Две сумасбродные морды. Не то бандюги, не то переодетые батюшки из взорванного при Хрущеве храма. При Хрущеве храмы не взрывали. Батюшки никогда не шляются по рынкам. Но тогда кто они?

Стучимся в стороннюю дверь храма. Открыла бабка, от нее пахнуло яйцом и водкой. Выматерилась, прокляла и хлопнула дверью перед глазами.

Россия перекрыта. Некуда ехать и бежать. Незачем жить. Вера умерла. Бог только в НАШИХ храмах.

Помоги, Господи, не умереть с тоски в час отступления Твоего!

У меня кончаются силы... (я не знаю, куда бежать). Кто здесь? Откройте. Никого. Пустота и дверь на засов.

Ну что ты просишь у меня прощения? Это ты прости меня. Я не умею любить. Я отвратителен, эгоистичен, вспыльчив. Периодически я дико ненавижу всех.

Завтра к нам пожалует с визитом Екатерина II с князем Потемкиным. Соответственно из психушки сделают декор, на нас оденут крахмальные рубашечки, выстроят рядком по стойке смирно: сияйте, идиоты, на глазах избранного народа! Идиоты, шагом марш! Сияй же, идиот, пока тебя тоскою не прибьет! Ребята, веселей, веселей смотрите! Сегодня на завтрак два змеиных яйца под майонезом. Кокнешь скорлупку — а из нее выползет угривый ублюдочек и поспешит в сторону главного врача цапнуть эту мысленную тушу куда-нибудь в мизинец, чтобы не так мучил пациентов серными уколами.

Как я был силен когда-то! Я был сильнее Маяковского. Силой взгляда я мог пробивать города и перерезать пополам машины. Я поднимал на себе вселенные. Ночью одиноким лунным рыцарем носился над иерусалимскими мечетями в поисках Гроба Господня... — и как я, обреченный московит, мог побывать в святом Иерусалим-граде? Как еще мог увидеть я Господа? А я хотел отправиться по Его следам, не историческим, живым. Святая вера увлекла меня в дальнее путешествие, совершавшееся мысленно на внутреннем аэроплане.

Окончание следует



УБЕЖИЩЕ ОПАЛЬНЫХ ЦАРИЦ

А. ХАМЦОВ

Около сорока лет московский архитектор Алексей Иванович ХАМЦОВ посвятил созданию графических панорам русских монастырей. Гораздо более точные, чем схематические изображения монастырей в древних русских иконах и на «перштективах» — панорамных гравюрах XVIII века, они с документальной скрупулезностью воспроизводят современный облик знаменитых историко-архитектурных памятников. Серию публикаций работ А. И. Хамцова мы открываем панорамой суздальского Покровского монастыря.

В низменной пойме правого берега реки Каменки, на северной окраине Суздаля, напротив мужского Спасо-Евфимиева монастыря расположен второй значительный архитектурный комплекс древнего Суздаля — Покровский женский монастырь. Его белоснежные каменные стены и башни XVII и XVIII веков опоясали трапециевидную в плане территорию площадью немногим более пяти гектаров. Монастырь основан в 1364 году, но с того времени от него ничего не сохранилось. Существующие постройки относятся к XVI—XX векам.

С XVI века монастырь известен как место ссылки опальных княгинь и цариц и других знатных женщин, где они в уединении оканчивали свои дни. Так, здесь пожизненно была заточена бездетная жена великого московского князя Василия III — Соломония Сабурова. В стенах монастыря готовился заговор Евдокии Лопухиной — первой жены Петра I, готовившей возведение на престол своего сына, царевича Алексея. Здесь же коротали свои дни и другие представительницы знатных боярских родов.

В 1510—1514 годах в монастыре был построен из камня Покровский собор — главный храм монастыря и усыпальница для погребения скончавшихся в монастыре знатных инокинь. Белоснежный храм представляет собой прекрасное произведение владимиро-суздальского зодчества того времени. В пятидесяти метрах севернее собора располагается двухэтажная каменная трапезная с Зачатьевской церковью. Она сооружена в 1551 году. В юго-западный угол здания встроена шестигранная колокольня. Первый и второй этажи трапезной состоят из двух одностолпных палат, построенных по типу Грановитой палаты Московского Кремля.

Главный въезд в монастырь венчает оригинальная по архитектурной композиции (в виде башни) надвратная трехглавая Благовещенская церковь XVI века, обнесенная с трех сторон крытой арочной галереей. Первый ярус здания прорезают огромные парадные арочные ворота и калитка, обрамленные по бокам декоративными ширинками и поясным поребриком.

Хозяйственный въезд в монастырь находится на отступе восточной стены, где ворота устроены в небольшой палатке, перекрытой куполом. Там же у башни расположена и каменная караульня. С южной стороны монастыря, напротив надвратной церкви Благовещения, расположился комплекс древних храмов, относящихся к XVII—XVIII векам: Петропавловская бесстолпная (холодная) и Никольская (теплая) церкви.

В советское время монастырь был превращен в музей. В нем проведены большие реставрационные работы. Взамен старых деревянных келий выстроены новые избы, имитирующие древнюю застройку.

ИКОНОГРАФИЯ БОГОМАТЕРИ

В этой новой рубрике мы хотим познакомить читателей с некоторыми основами иконографии — науки о «писании образа» в православном искусстве.

Икона — это «умозрение в красках», по словам князя Е. Н. Трубецкого. Ибо в основе ее содержания — всегда либо известный евангельский текст, либо слова молитвы.

Волею истории значительная часть икон оказалась в музеях, но истинная цель создания икон от этого не изменилась. Икона неотделима от богослужения, смысл ее — жизнь в храме, а не в музее (при всем признаваемом нами значении музеев и государственных институтов в деле реставрации и изучения икон). И кто бы ни изучал иконопись, будь то человек верующий или неверующий, он должен помнить о ее отличии от светской живописи. Для светского художника главное — свобода самовыражения. Не то иконописец. Он ничего в иконе своим не считает, он выстраивает образ по канону, преданию и подлиннику.

Многовековое повторение того или иного типа изображения в XIX веке стало предметом научного описания. Была открыта система типов изображения Пресвятой Божией Матери и Иисуса Христа.

Академик Н. П. Кондаков первым описал семь основных типов изображения Богоматери (см. его книгу «Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи». СПб., 1910): Оранта (Молящаяся), Влахернитисса (Знамение), Агиосоритисса (Деисусная), Николея (Победоносная), Одигитрия (Путеводительница), Елеуса (Милостивая), Ассунта (Вознесенная). Это византийские типы.

Православная вера пришла на Русь из Византии — первого в мире великого христианского государства. Естественно, что все сопутствующее православию пришло к нам оттуда же. Византийскими (греческими) были первые богослужебные книги; их сменили книги на древнеболгарском языке. Византийскими были и первые иконы, пришедшие на Русь (такие, как Владимирская Богоматерь). Для постройки храмов и «писания образов» приглашались византийские мастера (в XI веке мастера, выполнившие мозаику киевской Софии; в конце XIV века — Феофан Грек, учитель Андрея Рублева).

ОРАНТА

В иконе каждая деталь имеет свой смысл и значение, каждой принадлежит определенное место в системе образа. Это очень хорошо видно на примере иконографии Божией Матери Оранты.

Первые греческие мастера, приглашенные на Русь, не только возглавили строительство киевской Святой Софии, но и украсили ее мозаикой и фресками.

Главным мозаичным образом этого храма стала «Богоматерь Оранта». Она выдержала испытание временем, считалась охранительницей Киева и особо здесь почиталась. Киевляне назвали ее «Нерушимой стеной».

Этот образ древнего происхождения. Слово «оранта» латинское, оно означает «молящаяся». Но почему греческая икона названа латинским именем? Заглянем в историю. Вплоть до 1054 года Византия и Рим были единым государством — Римской империей. Впервые образ Оранты появился в римских катакомбах еще в конце III века, когда христианская вера подвергалась гонениям. Императоры-язычники использовали любой повод для преследования христиан. Но вот настала эпоха Константина Великого (IV век) — первого императора-христианина. Исповедание христианской веры становится открытым. Всюду строятся христианские храмы. Их стены покрывают изображениями Иисуса Христа и Богоматери. В храмах ставятся и иконы (в переводе с греческого — образы, изображения). Некоторые из них становятся общечтимыми в результате явленных ими чудес, особенно в дни народных бедствий, войн, землятрясений, вражеских нашествий.

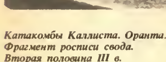
После чудесного спасения Царьграда от персов и аваров в 626 году создается вступительная часть Акафиста Божией Матери — Ее стихотворной похвалы. В этом праздничном песнопении и прославляется Богоматерь, «стена (...) девам» и «царствия нерушимая стена».

Согласно легенде, во время одного из землетрясений знаменитый Влахерийский храм был разрушен, но одна из его стен с мозаичным образом Богоматери Оранты уцелела. С тех пор понятие «нерушимая стена» было связано в народном сознании с образом Богоматери Оранты, сначала только в Константинополе, а затем в Киеве — восприемнике византийских традиций.

Обратимся к иконографии Богоматери Оранты. В ее основе — фронтальный (расположенный лицом к зрителю) одноличный образ Богоматери, молящейся с воздетыми руками, без Младенца. Этот образ — первая икона Богоматери. Пречистая в народном сознании была символом Церкви земной, молящей Господа — Церковь Небесную — о снисхождении к грешникам.

Иногда Богоматерь Оранту называют Влахернитиссой (Знамением), связывая этот образ с Богоматерью Влахерийского храма в Константинополе. Сведения из области сфрагистики и нумизматики говорят о том, что это правомерно. На монетах Константина IX Мономаха (1042—1055) и Андроника Палеолога (1282—1328) молящаяся Богоматерь названа Влахернитиссой. Этим же именем на византийских монетах и печатях называлась «Богоматерь Панагия» («Всесвятая»). Ее русским аналогом позднее стала икона «Знамение»: Богоматерь с молитвенно воздетыми руками и с Младенцем на Ее лоне. Возможно, во Влахернах имелось несколько чтимых икон Божией Матери, одной из них могла быть «Оранта», другой — «Панагия». И оба изображения в то время могли носить имя Влахернитисса. Сейчас, после открытий Н. П. Кондакова, было бы неточным одно и то же имя относить к двум различным иконографическим типам изображений.

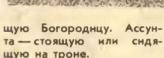



Катакомбы Каллиста. Оранта. Фрагмент росписи свода. Вторая половина III в.

Оранта всегда представляет только одно лицо — Пречистую Божию Матерь. Влахернитисса (типа «Знамения») изображает Богоматерь и Сына.

Смешение имен иконографических типов случается часто. Орантой иные ученые называют не только Влахернитиссу (Знамение), но и Агиосоритиссу (Деисусную), а также Ассунту (Вознесенную). Между тем Оранта не тождественна Агиосоритиссе, хотя обе представляют молящуюся Богоматерь. В «Оранте» Дева Мария дана репрезентативно, фронтально, с воздетыми по обе стороны до плеч руками, в «Деисусной» Она в трехчетвертном развороте по отношению к Спасу, руки обращены в одну сторону. Оранта могла быть самостоятельным изображением. Деисусная же чаще всего была образом в составе деисусного ряда иконостаса.

Не тождественна Оранта и Ассунте. В отличие от Оранты руки в Ассунте — перед грудью. Оранта обычно изображает стоя-


щую Богородицу. Ассунта — стоящую или сидящую на троне.

Иконы Оранты на русской почве не сохранились. Но этот образ стал частью композиции икон великих праздников — «Вознесения Господня», «Сошествия Св. Духа», «Покрова Пресвятой Богородицы». Так, например, Богоматерь Оранта представлена в сюжете «Вознесения» на миниатюре Сирийского кодекса Рабулы 586 года во Флоренции. К отечественным примерам относятся «Оранта» на мозаике Киевософийского собора XI века, утра-

Богоматерь Знамение. Псковская икона XVI века

ченная фреска «Вознесения» храма Спаса Нередицы 1199 года, изображение Покрова конца XIV — начала XV века в Третьяковской галерее. Впоследствии мы увидим, что использование готовых типологических форм для создания более сложных праздничных композиций было характерной чертой христианского искусства.

С. ВЕРБИЦКИЙ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30

Астрологический прогноз

АПРЕЛЬ, 1992

Сдерживайте эмоции

Любовь

Приобретение

Высокая работоспособность

Полезные переговоры

Хорошее настроение

Творчество

Время для размышлений

Поберегите здоровье!



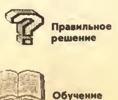
Путешествие

Правильное решение

Обучение



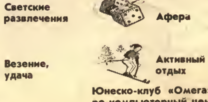
Светские развлечения



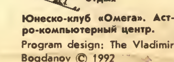
Везение, удача



Домашние дела



Афера



Активный отдых

Юнеско-клуб «Омега». Астро-компьютерный центр.

Program design: The Vladimir Bogdanov © 1992



ШКОЛА АСТРОЛОГИИ

ТРЕТИЙ УРОК

Константин КОВАЛЕВСКИЙ

В двух первых уроках мы рассмотрели общую классификацию знаков зодиака и проследили изменения природных процессов на Земле при прохождении Солнца по знакам в течение года. Теперь настало время узнать о том, как изученные нами качества проявляются в человеке, родившемся под определенным знаком. Приводимые ниже характеристики людей относятся к ярко выраженным, как бы «чистым» представителям каждого зодиакального знака. Поэтому не стоит удивляться, если знакомые вам Овны или Тельцы, на первый взгляд, не во всем соответствуют своим идеальным прототипам. Напомним, человек считается родившимся под знаком, например, Овна, если **Солнце** в момент его рождения находилось в этом знаке. Однако немного забегая вперед, скажем, что на формирование разных сторон личности человека, его внутренних и внешних проявлений оказывает влияние не только положение Солнца в гороскопе (хотя это, конечно, главный фактор), но и положение других планет, которое может существенно изменить основное «солнечное» влияние. Например, если в гороскопе в знаке Овна кроме Солнца находятся еще и Марс и Меркурий, то обладатель этого гороскопа будет походить на «идеального» Овна — соответствовать всем основным характеристикам этого знака.

Если же в знаке Овна только Солнце, а остальные планеты в других знаках, такой человек может, на первый взгляд, гораздо меньше походить на типичного Овна, хотя основное ядро его личности несомненно остается «овненским». Подробно о специфике влияния каждой планеты в гороскопе мы расскажем в ближайших уроках. А сейчас кратко опишем главные черты, присущие представителям каждого знака зодиака.

ОВЕН. Кардинальный знак Огненного тригона.

Символ связан с рогами барана, прорастающим зерном, фонтаном, бьющим из земли. В человеческом теле знак Овна проецируется на голову*. В характере проявляется как неукротимая энергия, сильный первичный импульс, агрессия и напор. Напор этот так велик, что Овен зачастую не считается с другими, ему кажется, что все должны немедленно загореться его идеей, его импульсом. Нередко так и происходит. Но этот огненный импульс, как правило, довольно быстро угасает, энергия растекается и уходит как будто между пальцами. Овны обычно хорошо схватывают идею в целом, не вдаваясь в подробности, отсюда и их некоторая небрежность, неумение прорабатывать детали. Именно рутинная работа по реализации проекта больше всего претит импульсивному Овну. В процессе материализации идеи Овен может впасть в уныние и депрессию. Однако силы его быстро восстанавливаются и он с прежним энтузиазмом бросается к новой идее. Наглядно природа Овна может проявляться в его любовных увлечениях: Овен неистово добивается благосклонности избранного им объекта поклонения, но как только его интерес удовлетворен — энтузиазм иссякает и скоро он с такой же настойчивостью может добиваться любви своего следующего избранника.

Очень ярко энергия Овна выступает в творчестве Ван Гога. Это экспрессия цвета, света и мазка. Это неистовство Космоса, когда на картине одновременно сияют солнце и луна. Это та внутренняя энергия, одухотворяющая человека, которую художник выразил в своих портретах.

Энергетика Овна одухотворена идеальным, эти люди могут быть бескорыстны, безрассудны до потери чувства самосохранения, они могут взойти на костер ради идеи. Это первооткрыватели, пионеры в истинном значении слова (деятельная, страстная воля), они несут энергию открытия нового мира. Под знаком Овна родились Рафаэль, Гойя, Рахманинов, Барток, Золя, Бодлер. Овнами были Бисмарк, Т. Джефферсон. Из известных Овнов назовем Н. С. Хрущева.

ТЕЛЕЦ. Фиксированный знак тригона Земли.

Символ напоминает голову быка с рогами. Этот символ можно трактовать и как серп луны, лежащий на солнечном диске,— ночное, материнское, земное начало доминирует над дневным, отцовским, космическим. Энергия Тельца больше направлена к Земле, чем к Космосу, здесь сильнее материальное, нежели духовное, хотя присутствуют оба начала. В человеческом теле зодиакальный знак Телец проецируется на шею (также на нижнюю челюсть и уши). В характере проявляется как инертность, однако одновременно — как трудолюбие и упорство. Труд воспринимается не как печальная неизбежность, но сопровождается любовью и ответственностью. Телец — сильная, мощная личность, энергия которой направлена на формообразование, на возделывание косной материи. Без упорного труда и заботы Тельцов не было бы плодов, урожая — результатов. Тельцы способны воплощать идеи и мечты в конкретные материальные формы, причем делают это мастерски. Тельцы заботятся обо всем растущем, будь то цветы на подоконнике или дети в яслях, обо всем, что требует постоянного ухода и любви. Чувство любви многие Тельцы буквально излучают, оно придает особое очарование женщинам, родившимся под этим знаком. Тельцов отличает чувство гармонии, пропорции, а также чувство дома, собственности, любовь к семейным устоям. Телец — это основательность, довольство и изобилие.

Энергия Тельца ярко проявилась у Оноре де Бальзака: сам крупный и толстый, любящий много и вкусно поесть, обладающий фантастической работоспособностью и трудолюбием, он описывает в своих романах обилие предметов, подробностей обстановки и места действия, максимально погружает своих героев в материальный, вещный мир.

Под знаком Тельца родились: Леонардо да Винчи, Кант, Додэ, Тагор, Делакруа, Чайковский, Прокофьев, Кромвель.

БЛИЗНЕЦЫ. Мутабельный знак Воздушного тригона.

Символ означает возможность соединения несоединимого: луны убывающей и луны растущей, старости и юности, прошлого и будущего — любых полюсов и разнородных качеств. Это знак соединения и контактов, гений коммуникации. В человеческом теле проецируется на руки (также на бронхи и легкие). В характере влияние этого знака проявляется, в частности, в том, что Близнец живет больше умом, нежели чувством. Это не означает, что Близнецы не способны чувствовать (они могут быть весьма чувствительны, особенно к слову), просто они легко трансформи-

* *Подробнее о связи знаков зодиака с частями и органами человеческого тела можно прочитать в «Науке и религии» № 8—12 за 1990 год, № 4, 6—9, 11 за 1991 год (Рафаэль. Медицинская астрология). Хотя автор настоящей статьи согласен далеко не со всеми положениями этой книги, но для получения общего впечатления о медицинской астрологии она вполне подходит. Здесь же можно сказать, что орган или часть тела, на которую «проецируется» тот или иной знак зодиака, считается наиболее уязвимым местом у человека, рожденного под этим знаком, и требует повышенного внимания и заботы.*

руют энергию чувств в ментальные конструкции, что со стороны может производить впечатление холодноватости. Как и покровитель Близнецов — Меркурий (вестник богов в греческой мифологии), люди, родившиеся под этим знаком, часто проявляют себя как хорошие посредники в делах. Им легко удается установить контакты, запомнить любую информацию и легко ею оперировать. Но они так же легко могут отказаться от своей точки зрения — просто потому, что она у них не столько своя, сколько всего лишь интересна им в данный момент. С Близнецами нетрудно жить в мире именно потому, что они не погружаются в глубины чувств, им легко можно объяснить, в чем они не правы — они не отождествляются со своими ментальными конструкциями и без труда переключаются на новое видение проблемы. Трудно найти человека более контактного, информированного, легкого на подъем, чуткого к слову и быстрого на язык, чем Близнец. Он может ухитряться делать одновременно несколько дел, везде успевать, обо всем узнавать первым и весьма остроумно об этом рассказывать.

Энергия Близнецов ярко проявлена в творчестве Пушкина: легкость, блеск, прекрасное чувство языка, соединение низкого и высокого, различных культурных традиций, остроумное пародирование, широта эрудиции и невероятная быстрота, с которой он работал.

Вот еще несколько известных людей, родившихся под этим знаком: Данте, Паскаль, Т. Манн, Конан Дойл, Уитмен, Вагнер, Оффенбах, Гоген, Дега. Из великих Близнецов нашей истории заметнее всех, конечно, Петр I.

РАК. Кардинальный знак Водного тригона.

С древности изображается в виде краба. Символ — два взаимопроникающих вихря, два начала — мужское и женское (Ян и Инь) — соединились для создания новой жизни. Это две энергетические спирали, нейтрализующие друг друга и обретшие стабильность и замкнутость внутри себя. Рак символизирует процессы, протекающие в скрытом виде, в тайне. В человеческом теле этот зодиакальный знак проецируется на грудь и желудок. В характере влияние знака дает глубокие интимные переживания, глубокую скрытую эмоциональность. Такой человек погружен во внутренние иррациональные, неопределенные чувствования, переживания, «вслушивается» во внутренние миры. Зодиакальная энергия Рака — это энергия материнства, питания плода своими соками, чувствительность, обращенная внутрь. Но тонкая чувствительная душа Рака защищена от внешних воздействий крепким панцирем, через который не так-то просто пробиться. Эта жесткая оболочка защищает мир его переживаний, грез, видений от проникновения грубой действительности. Если иногда удается неожиданно «вытащить» Рака из его панциря, то он производит впечатление человека, внезапно разбуженного, не совсем понимающего, что происходит вокруг. Раки нередко целиком сконцентрированы на своей семье, близких, доме или на том, что они воспринимают как собственный дом (это может быть коллектив сослуживцев, религиозная община, Родина, национальность и т. д.). Но Рак вовсе не обязательно выступает в роли пассивного созерцателя и самоуглубленного отшельника. Он может весьма активно и решительно действовать, особенно если дело касается интересов его семьи или того, что он с ней отождествляет. Более того, внутренняя мягкость и ранимость Рака, глубоко спрятанный страх перед жизнью заставляют многих из них внешне очень активно самоутверждаться, завоевывать и расширять свою «жизненную территорию», чтобы чувствовать себя более уверенным и защищенным. Но особенно активно и самозабвенно Раки заботятся о своих домашних, семейном очаге, о родном и близком существе, которое уже и не знает, куда ему деваться от слишком назойливой и подавляющей опеки.

Очень интересно проявлено влияние энергии Рака у Франца Кафки. Сложные и болезненные отношения в семье (проблема Рака) трансформируются в образы героев, чувствующих свою полную ненужность и одиночество в жизни. Погружение в глубины чувств, в мир фантазии, странных образов породило необычные пространства его произведений. Как любой Рак, Кафка остро переживает взаимодействие человека с мертвящей, бессердечной бюрократической действительностью: лабиринты замка, переходы в гостинице, наполненные чиновниками, пространство чердака, забитое казенными бумагами,— это реальность, ужасающая Рака, заставляющая его переживать чувство заброшенности и одиночества. И конечно же, как многие Раки, Ф. Кафка — ярко выраженный индивидуалист, скрывающий в глубине души свою неприкаянность. Само выражение «глубина души» хорошо передает энергию Рака.

Вот еще некоторые знаменитые люди, родившиеся под этим знаком: Кальвин, Мазарини, Петрарка, Руссо, Пруст, Малер, Пуччини, Рубенс, Шагал.

ЛЕВ. Фиксированный знак тригона Огня.

Символ можно трактовать как стилизованное изображение царя зверей, выгнувшего спину перед прыжком, хотя есть и много других толкований (впрочем, как и для всех зодиакальных символов). Если вспомнить нашу модель, уподобляющую знаки зодиака светофильтрам, то знак Льва — это бесцветный светофильтр, так как он наиболее чисто и полно передает энергию Солнца.

В человеческом теле проецируется на серце и позвоночник. В характере проявление влияния этого знака одним словом можно выразить как царственность. Это и не удивительно, ведь Солнце — «царь» нашей планетной системы, ее центр, покровитель всей жизни на Земле, а Львы — это любимцы и «полномочные представители» Солнца среди нас. Лев обладает врожденной уверенностью в своем главенстве и непогрешимости. Он — центр мира, властелин и объект всеобщего восхищения. Он нисколько не сомневается в своем праве на «львиную долю». Но нужно отдать должное Львам — они действительно зачастую обладают очень привлекательными качествами: благородством, смелостью, честностью и щедростью. Лев охотно делится своей «львиной долей» со своими «подданными», если они выказывают ему достаточное почтение. Он обычно не копит «на черный день», ибо уверен, что его казна всегда будет полной. Несмотря на свои царственные замашки, Львы бывают на редкость верными друзьями, постоянными в своих привязанностях и чувствах. Лев грудью встанет на защиту и растерзает всякого, кто попытается обидеть его «подданных». Льва легко обидеть, задев его самолюбие, иногда он может выглядеть несколько смешным и даже глуповатым в своей неистребимой самоуверенности и чувстве превосходства. Но этим людям легко прощают их недостатки, так как они, как настоящее Солнце, способны заряжать окружающих своей энергией, и чем больше вокруг них друзей и почитателей, тем щедрее они дарят свое неистощимое тепло.

Очень редко, но бывает, что суровым жизненным обстоятельствам удается сломить Льва, раз за разом доказывая несостоятельность его претензий на «царствование». Трудно представить себе более жалкое зрелище, чем забитый Лев. Но редко такое состояние длится долго, обычно Лев довольно быстро приходит в себя, и вот вновь, постепенно разгораясь, среди людей начинает сиять маленькое солнце.

Интересно, что среди коронованных особ немало Львов. Характерным Львом был Наполеон. Распутин — из числа Львов, сумевших занять такое положение, которое поставило их выше царей. «Львиные» проявления, доведенные до карикатурности, были свойственны Муссолини. Типичным Львом был знаменитый Рокфеллер. Из известных деятелей современности хорошо демонстрирует энергию Льва Фидель Кастро Рус. «Львиные» качества ярко проявляли в своей жизни и творчестве Дюма-отец, Бернард Шоу, Андре Моруа.

Окончание урока в № 4

Е. ЛАЗАРЕВ

МИСТИЧЕСКИЙ ВЕНОК ГОДА



ФИАЛКА

21 марта, в день весеннего равноденствия, Солнце вступает в зодиакальный знак Овна. Этому знаку в нашем венке соответствует фиалка.

Этот нежный весенний цветок в древности иногда употреблялся для магических воскурений, хотя он не играл заметной роли во всевозможных колдовских обрядах. По словам Поля Седира, в герметической медицине фиалка считалась полезной «для груди и сердца», помогала при почечно-каменной болезни, эпилепсии, некоторых других нервных, а также желудочных заболеваниях. Фиалковый сироп принимали от удушья. Впрочем, древние римляне, по всей видимости, не имели в виду лечебные цели, когда пили вино, настоенное на фиалках.

Латинское имя фиалки — viola — для нашего слуха звучит изящно и изысканно, однако у тех, для кого латинский был родным языком, оно не могло не вызывать не слишком приятных ассоциаций: violare значит «совершать насилие». По-гречески фиалка — *ίον* (в архаический период перед *«ι»* стояла утраченная позднее буква «сампи», произношение которой было близко к русскому звуку «с»).

Русское слово «фиалка», по-видимому, происходит от латинского корня, но очень своеобразно трансформированного. Оно звучит «на греческий лад», и это вряд ли может удивить, но напоминает оно не слово «фиалка» (вы уже знаете, как оно произносится по-гречески), а *φιάλη* — чаша. Возможно, это соответствие не случайно, ибо слово «фиал» прочно вошло в русскую поэтическую лексику: «фиал любви», «звездный фиал бессмертия». Не исключено, что тут есть связь и с греческим глаголом *φιαλλω* — приступать, приниматься. Вспомним пирамиду, ведущую к Небесному Иерусалиму в «Откровении» Иоанна Богослова: там Овен (знак фиалки) приходится на нижнюю ступень, на первый этап восхождения. Может быть, фиал — это чаша, которая должна быть испита в начале Мистерии Посвящения?

Предания европейских народов видят в фиалке прекрасную чистую деву с трагичной судьбой. Галлы усыпали фиалками могилу безвременно умершей невесты; так же поступали и греки, называвшие фиалку цветком печали и смерти, но одновременно и символом весеннего воскресения природы. Согласно греческому мифу, Зевс превратил в фиалку небесных лесов одну из дочерей титана Атланта, чтобы спасти ее от преследования Аполлона. Когда Плутон уносил Прозерпину в подземный мир, в руках у нее были сорванные в небесных лесах фиалки. Они упали на землю — и каждую весну сообщают радостную весть о том, что похищенная Прозерпина жива.

А у венедов-язычников в фиалку христианские миссионеры превратили дочь зловещего Чернобога. Лишь раз в сто лет цветет эта фиалка, найти ее — большое счастье... Может быть, Чернобог — венедский вариант титана Атланта, отзвук древнего единого прообраза? Наверное, нелишне напомнить и о том, что «дочь Атланта» по-гречески произносится как Атлантида...

В греческой литературе фиалка упоминается уже у Гомера, в описании пещеры нимфы Калипсо:

Вкруг зеленели густые луга,
и фиалок и злаков
Полные сочных...

(Одиссея V, 72—73)

Натуралистическая зарисовка? Но, может быть, правы были неоплатоники первых веков нашей эры, усматривавшие эзотерический смысл в творениях Гомера? Они считали образ пещеры не только символом материального мира (по Платону), но и символом тайн бытия. Тогда фиалковый луг — своеобразное преддверие таинства.

Новые оттенки в символике фиалки раскрываются в творениях одного из самых глубоких греческих поэтов — Пиндара (VI—V века до н. э.). В «Дифирамбе афинянам» (стихи 13—17), написанном для весеннего афинского праздника Великих Дионисий, Пиндар воспевает живые знаки «венчанного плющом» Диониса, одного из двенадцати олимпийских богов:

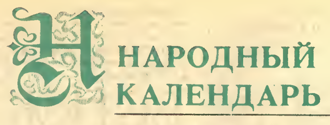
Зримые его знаки не скрыты
от провидца,
Когда Оры в багреце своем
распахнули чертог,
И весна благоухает
нектарными злаками.
Тут и рассыпаться по бессмертной
земле фиалковым купам.
Тут и вплестись розам
в пряди кудрей...

Оры (букв. «Времена») — это богини времен года, юности и красоты, спутницы Афродиты и хранительницы врат неба. Быть может, они хранят врата начальной ступени основания Небесного Града («чертога» у Пиндара), ступени, соответствующей знаку Овна? Фиалковые купы рассыпаются «по бессмертной земле» в марте—апреле, в месяце Овна — именно тогда праздновали Великие Дионисии. И в самоцветной шкале «Откровения» Иоанна Овну соответствует фиолетовый, фиалковый камень — аметист. На грани небесного и земного миров фиалковый венец осеняет чело восходящего к Небесному Граду, подобно тому как золотая фиалка венчала вдохновенный труд певца-победителя поэтических состязаний в средневековой Тулузе, еще не утратившей знания друидов Галлии...

Продолжение следует

Продолжение. Начало в № 1—2, 1992.





НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ведет Полина РОЖНОВА

АПРЕЛЬ — СНЕГОГОН, БЕРЕЗОЗОЛ

ВЕШНИЕ ПРИМЕТЫ

Весной паутины много летит — жаркое лето на пороге стоит.

Гроза лягушке квакать велит.

Жаворонок на заре не запел — жди ненастную каинтель.

Дубовый лист вперед ясенева распускается — сухое лето надвигается.

1 АПРЕЛЯ.
ДАРЬЯ — ГРЯЗНАЯ ПРОЛУБНИЦА

Называют Дарью ма́ркой (от «марать», пачкать).

Вешнее солнце воскрешает и куст примолкнувший, и корень обмерзший, и всякую тварь, что обмерла и, казалось, сгинула в снеговых заносах. Вешнее солнце и крестьянина в поле гонит. На озимые поглядеть. Осел снег. И подпущенная талая водица-снежица землю сыто питает.

А на реке, у прорубей, черные выбоины. Дарья настырна. Она, мол, слякоть и мокреть ведет с берега. Но Дарья даром не марает. Грязноту на тот подол, на ту полу кафтана лепит, что грязными, нечистыми помыслами тяжелы. Одежа такая у людей-нехристей, что они свет белый портили, и близких губили, и сами себя замарали. Они смыть хотели бы в прорубной водице пагубы свои. Надежда у них: «Мол, Дарья даром смоет, пятна грязного не оставит на слове, худо сказанном, на деле, худо утворенном». А Дарья напоказ марает. Суровой слывет. Выходит, грязнота грязноте рознь. Одну рукой стряхнуть, в прорубн вешней ополоснуть — и белым-бело, чистым-чисто одеяньице. А другая грязнота неотмываема. И сама природа стоит в этот день за правду на белом свете. За то, чтобы черное, злое стало явным.

Как порчу вымыть?

На Дарью могла знахарка порчу «вымыть».

Случалось, по весне нападала на иного человека охота скрыться от белого света, затвориться в своей избе. Страх его охватывал. Ото всякого угла чудились хохот и вой. На воле вешнее солнце воскрешало землю. А человек сох, сжимался в комок, страшился зари.

И вот на Дарью шла ни свет ни заря знахарка по воду к прорубной водице. Особо хорошо, если одна деревня к другой прилеплена. Или деревня избами красна, изб не счесть. Когда, почитай, на каждые семь дворов сход свой к реке, своя прорубь. И белье мыть, и воду брать.

Знахарке в лохань надо было отчерпнуть из двенадцати прорубей вешней воды. Приносила поначалу в свою избу и ставила на лавке на деревянный крест, который назывался творило. Крест этот не просто творил во взятой воде покой, но и хранил вешнюю целебность. А знахарка ведала, что взятая из двенадцати прорубей на Дарью маркую вода смоет порчу, немочь.

Брала с собой знахарка, когда шла к изведенному порчей, такие травы, что устрашают всякую нечистую силу. Вместе с водой несла и крест-творило.

Бывало, человек забивался в угол избы, близких не узнавал. Знахарка всякие «лишние» глаза отсылала прочь из избы. Чтобы не подглядывали, не вздыхали в ужасти родные.

Творило и «подслухам» в избе утаиться не давал. Крест деревянный, он подставкой служил, но не будь его, не хранила бы вода свою животворную силу.

Вынимала знахарка пучок чертополоха, легонько трогала больного колючей травой. А после расплескивала воду крапивовым веником. Шла по солнцу, запричитывала заговорное слово:

Чиста вода,
Сокрушаешь ты снега
и следы нечистые,
хожженьица тяжелые заступаешь,
а заступая, занимаешь чистотой.
Так сокруши ты и в
(тут имя сказать)
кровн порченые, стылые,
Заступи насыльные пагубы,
изыми тяжелые маяты.
Займи, животворная,
в душе (тут имя сказать)
радение о свете Божьем,
о роде своем.

Сокрушала знахарка крапивовым веником нечистые силы в человеке, порчей изведенном. И понемногу начинал оживать больной. К нему возвертывалась радость.

2 АПРЕЛЯ.
ФОТИМА — ВОЛЧЬЯ СЫТЬ

Волчица волчат считает.

3 АПРЕЛЯ.
ФОМА ЛИХОРАДКИ ГОНИТ

От поля, чтобы куколь-трава не уродилась, гнали худые силы, гнали их от скотины, от людей.

4 АПРЕЛЯ.
ВАСИЛИЙ-СОЛНЕЧНИК

Солнце на Василия — «Солнечник в кругах» — к урожаю хлебов. Василий-Солнечник капелью велик.

Выходили смотреть на солнце. Глядели, коли дом был худ и приходила пора заново строиться: «Где капель с крыш падает, о землю ударяется?» Под то место дома не рубили. Место это, мол, с годами подпустит воду: тут проторенный путь водице — ко глуби земной.

5 АПРЕЛЯ.
ЗЯБЛИК ПРИЛЕТАЕТ

Зазывали птиц ко крыльцу, потчевали крошками, зернышками, льняным семенем.

6 АПРЕЛЯ.
КАНУН БЛАГОВЕЩЕНЬЯ

Жгли костры за дворами, обходили избы кругами.

7 АПРЕЛЯ.
ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА ВЕСНЫ. БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Глядели: откуда ветра-теплякн?

Нельзя в этот день девкам косы плести: птица — и та гнезда не завивает.

Было поверье: «Коли птица на Благовещенье гнездо завьет, то крылья у нее ослабнут, и тогда ни летать, ни порхать ей, век свой по земле ходить». Дети запевали на Благовещенье:

Матерь Божья, Гавриил Архангел,
благословите, благословите!
Овсом да рожью,
ячменем, пшеницей
и всякого жита сторицей!

8 АПРЕЛЯ.
АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ

На Гавриила не прядут, а то оттянет руки сухота.

11 АПРЕЛЯ.
СЛУШАЛИ БЕРЕЗЫ

Говорили о белоствольной:
Стоит дерево,
цветом зелено.
В этом дереве — четыре угодья:
первое — больным на здоровье,
второе — людям колодец,
третье — от зимы свет,
четвертое — дряхлым пеленанье.

Березовым соком отпаивали больных. Березовым соком чистили кровь, выгоняли немочь из желудка.

26 АПРЕЛЯ.
ПАСХА

Испокон веков наши предки почитали яйцо как символ жизни и плодородия, Святого Воскресения.

Яйцами обмениваются, чтобы только добро и свет приставали ко душам нашим, чтобы стылое, худосочное под стать скорлупе в этот день отстало и наружу смогло бы проклюнуться истинное, что есть в человеке.

Пасхальное яйцо может свести порчу, охранить человека от сглаза.

Коли болит голова, надобно по солнцу поводить яйцом по голове. И оно вберет, втянет в себя боль, устранит муки.

Ты катисе, яичко,
да ко думе Господней!
дай ты людям защиты,
и добра дай, и спасу.

Старые люди про апрель говорили: «Отмыкает месяц-березозол ключи и воды, гонит снег. Обновляется земля...»

А в деревнях крестьянки торопились холсты выбелить.

«Стели кросна по морозам»,— учит поговорка. Холсты вымерзнут и станут мягче, белее. Так и бабий нрав по весне: мол, солнышко угреет и выморозит апрель бабьи надсады, суровину с бабьих лиц смоет. И светлыми станут угляды бабьи.

«В апреле весна необлыжная (необманная)»,— сказывают в деревне.

Снег от земли, лед от воды отстает в апреле. По гладкому снегу идут недороды. А по взбитому, колкому — урожай.

Вот и смекай, по какому снегу пробежаться босыми ногами!

Конечно, колючие снеговые наросты



взбуживают подошву наших ног. Не дает наст в землю врасти, приказывает будто: «Пошевеливайся, человече!»

И потому бабушки своих внучат под яркое солнце выгоняли в апреле босыми на улицу. Минута какая-то, а глядишь — прибыло в душе ребенка звонкости, полетел он под стать вешней птице с завалинки на крыльцо, да скорехонько в избу. Уходили прочь простуда и кашель.

Рисунки И. СМИРНОВОЙ



К. Юон. Москворецкий мост. 1911 (фрагмент)

В Замоскворечье в дни великого поста шумел-гудел Постный Рынок — заповедное место в древней российской столице. Необычайно яркая, зримая картина, нарисованная певцом старой Москвы Иваном ШМЕЛЕВЫМ, сегодня, пожалуй, слепит глаза, то ли от света, то ли от слез по утраченному национальному, почвенному. И все-таки взглянем на эту картину с надеждой...

ПОСТНЫЙ РЫНОК

Иван ШМЕЛЕВ

Какой же великий торг!

Широкие плетушки на санях — все клюква, клюква, все красное. Ссыпают в щепные короба и в ведра, тащат на головах.

— Самоперевеющая клюква! Архангельская клю-ква!..

— Клю-ква...— говорит Антон,— а по-нашему и вовсе журавиха.

И синяя морошка, и черника — на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники!

— Вон он, горох, гляди... хоро-ший горох, мытый.

Розовый, желтый, в санях, мешками. Горошники — народ веселый, свои, ростовцы. У Горкина тут знакомцы. «А, наше вашим... за пуколкой?» — «Пост, надоть повеселить робят-то... Серячок почем положишь?» — «Почем почемкую — потом и потомкаешь!» — «Что больно несговорчив, боготеешь?» Горкин прикидывает в горсти, кидает в рот.— «Ссыпай три меры». Белые мешки, с зеленым,— для ветчины, на Пасху».— — В Англии торгуем... с тебя дешевле».

А вот капуста. Широкие кади на санях, кислый и вонький дух. Золотится от солнышка, сочнеет. Валят ее в ведерки и в ушаты, гребут горстями, похрустывают — не горчит ли? Мы пробуем капустку, хоть нам и не надо. Огородник с Крымка сует мне беленькую кочерыжку, зимницу,— «как сахар!». Откусишь — щелкнет.

А вот и огурцами потянуло, крепким и свежим духом, укропным, хренным. Играют золотые огурцы в рассоле, пляшут. Вылавливают их ковшами, с палками укропа, с листом смородинным, с дубовым, с хреном. Антон дает мне тонкий, крепкий, с пупырками; хрустит мне в ухо, дышит огурцом.

— Весело у нас, по-стом-то? а? Как ярмонка. Значит, чтобы не грустили. Так, что ль?.. — жмет он меня под ножкой.

А вот вороха морковки — на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво-сахарная, как арбуз. Кадки соленого арбуза, под капусткой поблескивает зеленой плешкой.

— Ре-дька-то, гляди, Панкратыч... чисто боровки! Хлебца с такой у-мнешь!

— И две умнешь,— смеется Горкин, забирая редьки.

А вот — соленье: антоновка, морошка, крыжовник, румяная

брусничка с белью, слива в кадках... Квас всякий — хлебный, кислощейный, солодовый, бражный, давний — с имбирем...

— Сбитню кому, горячего сби-тню, угощу?..

— А сбитню хочешь? А, пропьем с тобой семитку. Ну-ка, нацеди.

Пьем сбитень, обжигает.

— По-стные блинки, с лучком! Гещ-щневые-ллуковые блинки! Дымятся луком на дощечках, в стопках.

— Великопостные самые... сах-харные пышки, пышки!

— Гре-шники-черепенники горря-чи. Горря-чи грешнички..!

Противни киселей — ломоть копейка. Трещат баранки. Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздринские — сахарные, розовые, горчичные, с анисом — с тмином, с сольцой и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный весовой с изюмцем, пеклеванный...

Везде — баранка... Высоко, в бунтах. Манит с шестов на солнце, висит подборами, гроздями. Роются голуби в баранках, выклевывают серединки, склевывают мачок. Мы видим нашего Мурашу, борода в лопату, в мучной поддевке. На шее ожерелка из баранок. Высоко, в баранках, сидит его сынишка, ногой болтает.

— Во, пост-то!.. — весело кричит Мураша,— пошла бараночка, семой возок гоню!

— Сби-тню, с бараночками... сбитню, угощу кого...

Ходят в хомутах-баранках, пощелкивают сушкой, потрескивают вязки. Пахнет тепло мочалкой.

— Ешь, Москва, не жалко!..

А вот и медовый ряд. Пахнет церковью, воском. «Малиновый, золотистый,— показывает Горкин,— этот называется печатный, этот — стеклый, спускной... а который темный — с гречишки, а то господский светный, липнячок-подсед». Липовки, корыта, кадки. Мы пробуем от всех сортов. На бороде Антона липко, с усов стекает, губы у меня залипли. Будочник гребет баранкой, диакон — сайкой. Пробуй, не жалко! Пахнет от Антона медом, огурцом.

Черпают черпаками, с восковиной, проливают на грязь, на шубы. А вот — варенье. А там — стопками ледяных тарелок — великопостный сахар, похожий на лед зеленый, и розовый, и красный, и лимонный. А вон чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмала, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листочком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кушинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила... и пряники, пряники — нет конца.

— На-тебе постную овечку,— сует мне беленький пряник Горкин.

А вот и масло. На солнце бутыли — золотые: маковое, горчишное, орешное, подсолнечное... Вхлипывают насосы, сопят-бултыхают в бочках.

Я слышу всякие имена, всякие города России. Кружится подо мной народ, кружится голова от гула. А внизу тихая белая река, крохотные лошадки, санки, ледок зеленый, черные мужики, как куколки. А за рекой, над темными садами,— солнечный туманец, тонкий, в нем колокольни-тени, с крестами в искрах,— милое мое Замоскворечье.

— А вот лесная наша говядина, грыб пошел!

Пахнет соленым, крепким. Как знамя великого торга постного, на высоких шестах подвешены вязки сушеного белого гриба. Проходим в гомоне.

— Лопаснинские, белей снегу, чище хрусталю! Грыбной елараш, винигретные... Похлебный грыб сборный, ест протопоп соборный! Рыжики соленые-смоленые, монастырские, закусочные... Боровички можайские! Архиерейские грузди, нет сопливей!.. Лопаснинские отборные, в медовом уксусу, дамская прихоть, с мушиную головку, на зуб неловко, мельчей мелких!..

Горы гриба сушеного, всех сортов. Стоят водопойные корыта, плавает белый гриб, темный и красношляпный, в пятак и в блюдечко. Висят на жердях стенами. Шатаются парни, завешанные вязанками, пошумливают грибами, хлопают по доскам до звона: какая сушка! Завалены грибами сани, кули, корзины...

— Теперь до Устьинского пойдет — грыб и грыб! Грыбами весь свет завалим. Домой пора.

Из книги «Лето Господне».
Фрагмент очерка «Постный рынок».

Ю. ПАНАСЕНКО, А. ШАМАРО

Нартекс
Ναρθηξ

АПСИДА

Апсида (абсида) — латинизированная форма (apsida, absida) древнегреческого слова αΨίς (apsis), произведенная не от именительного падежа, а от корня этого слова, который проявляется только в косвенных падежах: αΨίδ-. Само это греческое слово представляло собой отглагольное имя существительное, обозначавшее результат действия, на которое указывал древнегреческий глагол απτω (hapto) — сводить, связывать, соединять. Пожалуй, наилучшим его переводом на русский, удовлетворяющим всему набору значений этого слова, было бы слово «свод». Русский глагол, от которого происходит это русское имя существительное, прекрасно иллюстрирует интересующее нас греческое слово. Вот, например, фрагмент описания глагола «сводить» из «Толкового словаря» В. Даля: «Сводить что с чем, сближать предметы или части их, особенно сгибом, пртвпл. разводить. Свести сучья дерева; сводить пружину, лук, натянуть, налячить. Сводить перемычку, свод, баню, смыкать верх стройки. Свести рукава, сделать к концу поуже. Клин земли сведен на нет острым мысом, языком. Свести дом под крышу, кончить, покрыть. (...) Жениным добром не сведешь дом. (...) Так сведем, что весь домок в охапку снесем. (...) В доме скоро станут сводиться своды. (...) Свод свадьбы. Сводка продавца с покупщиком. Свод крыши. С ним своду нет, ладу, толку, житья. (...) В стройке свод, баня, устар., каменная потолочная кладка дугой, полостью, без подпор, кроме пяток с оснований, на сте-



нах. Своды бывают: круглые, коробовые, парусные, стрельчатые и пр. Стенной свод, дуга, перемычка».

Это несколько проясняет выражение, встречающееся у Гомера,— «апсиды нити», т. е. сведения нити как самой с собой, так и с другими нитями, в результате чего образуются петли, ячейки, так что все это выражение обозначает не что иное, как сеть. Аристофан, используя эту же модель, выражается иронически — «апсиды слов», т. е. сплетения слов, сплетни. Если начать сводить оба конца металлической полосы и, минуя стадию дуги лука (ср. также у Аристотеля — «апсида Ириды», т. е. «свод радуги, дуга»), довести их до соединения друг с другом, то получится свод (апсида) в виде круга. В древнегреческом поэтическом языке часто употребляется выражение «апсида колеса», где словом «свод» обозначается обод, которым скрепляется деревянное колесо. По метонимическому переносу значения апсидой называют и само колесо (например, «апсида Фортуны», т. е. «колесо Фортуны»), хотя существует и другое, более употребительное его название, а также круг, диск, вообще все круглое и не только плоское или цилиндрическое, но и шарообразное, сферическое. Например, у Еврипида о солнце сказано: «дневная апсида», а у Платона о форме неба — «небесная апсида», т. е. «небесный свод» — полусфера, купол. В «Дигестах» апсидой называется серебряная чаша, а у Плиния в «Естественной истории» апсидами называются кривые, которые описывают звезды на небе с точки зрения земного наблюдателя.

«Апсида» в качестве архитектурного термина актуализирует часть из вышеперечисленных значений. Так, у греческого историка Диона Кассия (II—III века) апсидой называется триумфальная арка. В сборнике эпиграмм «Палатинская антология» (составлен в IX веке) апсидой называется мост в виде арки. В письмах Плиния Младшего (I—II века) апсидой называется круглая комната, т. е. фактически ротонда: «К этому углу примыкает комната, закругленная в виде апсиды; солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна. В ее стену вделан, как бывает в библиотеках, шкаф, где находятся книги, которые надо не прочесть, но читать и перечитывать» (Письма Плиния Младшего, II 17, 8, пер. М. Е. Сергеенко). Можно согласиться, что это прекрасный читальный зал. Подобными ротондальными апсидами нередко заканчивались колоннады.

Но особенно часто встречались полуротондальные апсиды — полуцилиндры со сводчатой крышей, которые пристраивались к античным храмам, базиликам, термам, палестрам, гимнасиям. Поскольку они, как правило, выходили за общий план здания, а также благодаря своему обычному назначению — места для «круглых» (полукруглых) столов» (они были снабжены вдоль стены сиденьями) — их чаще называли экседрами [греч. «седалище вне (дома)»]. А поскольку их полукупольный свод изнутри часто выделывался в виде раковины, то такие апсиды назывались конхами (греч. «раковины»).

Через архитектуру базилики апсида перешла в христианский храм, в том числе в крестово-купольный, получив широкое применение и в русской православной архитектуре, хотя сам термин в ходу скорее у специалистов по этой архитектуре, чем у тех, кто ею пользуется. От мирян апсида во внутренней своей части скрыта иконостасом, поскольку составляет одну из частей самого сокровенного элемента храма — алтаря — и может быть на-

---

Вам понравился этот номер?

Впрочем, вы сделалн выбор раньше, оформнв подпнску на наш журнал. Теперь предстоят дополнительные затраты. **Чтобы получать «Науку и религию» до конца 1992 года, надо внести еще 96 рублей!** Такова вынужденная плата за новый прыжок цен на бумагу, типографскне расходы и доставку, который произошел уже после подписной кампаннн.

В кризисном положении оказалась почти вся пресса. Президент России подписал указ о помощи прессе, но конкретные меры все еще не прнняты, и неизвестно, удастся ли правительству защитнть нас. Обещают помощь в деловых кругах, н тоже — пока обещания. А каждый выпущенный номер несет редакции более 3 миллнонов рублей убытков. Издательство гарантнрует выпуск четырех номеров. А дальше?

Мы долго обсуждалн вопрос: каким быть журналу? И редакцня нашла ответ, создав, по словам читателей, «уннкальный», «очень нужный современному человеку» журнал. В нем есть, конечно, изъяны и недостаткн. Но речь сегодня о другом. Быть или не быть журналу? — так ставнт вопрос современный рынок. И отвечать на него вам, читатели. Знаем: вы не самые удачливые бизнесмены н кошелькн ваши изрядно опустошены все темн же взбесившимися ценами. Но когда вы пн ете, что журнал стал вам на-

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
„Союзпечать"

АБОНЕМЕНТ на журнал 70602 (индекс издания)

"НАУКА И РЕЛИГИЯ" (наименование издания)

Количество комплектов:

на 1992 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на газету/журнал 70602 (индекс издания)

"НАУКА И РЕЛИГИЯ" (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб.	коп.	

на 1992 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

блюдаема только снаружи. До появления высокого иконостаса апсида благодаря своим акустическим (хорошее отражение звука) и оптическим (округлость как естественный символ солнца, неба, космоса) свойствам играла важную роль в литургии, вызывая соответственную тональность в душе верующего, вошедшего из хаотического мира в западные двери храма и приближающегося к алтарю — к Царству Небесному (на стенах апсиды была и соответствующая стенная роспись). С появлением купольных храмов акустико-оптическую нагрузку апсиды принял на себя купол, но апсида не исчезла и продолжала свое существование как функциональный элемент крестово-купольного храма, но уже с другим значением.

В соответствии с литургическими потребностями в крестово-купольном храме классической стала конструкция с тремя апсидами, завершающими средний и боковые нефы. Литургическое обоснование этой конструкции приводит архиепископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин (он называет апсиду полукружием и переводит на греческий как «раковина», «конха», причем не в латинизированном, как мы, но в византийском произношении — «конхи»):

«Алтарь или самоё святилище находится под средним полукружием (конхи), где возвышается и св. престол; по сторонам же алтаря под северным полукружием — предложение, или по нынешнему наименованию жертвенник, а под южным — сосудохранительница, или диаконик, (...) где по удобности располагаются и хранятся книги, одежды и священные сосуды и откуда по мере надобности они и берутся; здесь же хранятся и хлебы, прежде литургии приносимые и в свое время (за другими службами) молитвою освященные, и вода в день Богоявления Господня освященная. Эту воду диаконы во всякое время выносят и дают кающимся и от причастия отлученным. (...) Однако место, находящееся под южным полукружием, не всегда на самом деле бывает диаконником, или сосудохранительницей; так, если в иной церкви в один день нужно бывает служить две литургии, тогда в диаконике устрояется другой престол: оба эти престола отделяются друг от друга стеною.

Окончание на 4-й странице обложки

стоящим другом, мы верим в искреиность этих слов и в вашу поддержку. Ведь друзья, действительно, познаются в беде.

96 рублей — это, коиечно, немало. Но ведь 2—5 рублей платят сегодня за иную газету. А вспомните, дорогие читатели, что дала вам «Наука и религия»...

Жизнеописаиия Будды, Христа, Мухаммеда; тайны Грааля и египетских пирамид; зиакомство з Ричардом Бахом и Карлосом Кастаиедой; тибетская Книга мертвых и китайская Книга перемен. А страиицы трагической истории Русской Православной церкви? Мы старались ввести вас в сокровеиный мир христианской молитвы и восточиой медитации, рассказать о кориях отеческих — язычестве, позиакомить с целительиой практикой аюрведы.

Впереди иовые, ие меиее интересные публикации. Новые и уже полюбившиеся вам имеиа и темы — историческая повесть Михаила Одинцова о патриархе Сергии и ромаи известной исследовательницы Тибета Давид-Неэль «Магия любви»; путешествия по храмам и монастырям России и публикации о иовых исследоваииях Евангелий и Корана; главы из иовой книги Григория Кваши и документальиая повесть А. Никитииа «Тамплиеры в России»; статьи отечествеиных и зарубежных авторов по эзотерике и оккультизму; памятуя о том, что нет ничего дороже здоровья человека, разве что его врачеваиие в иаших больиицах, мы готовим цикл психологических коисультаций профессора Ю. М. Орлова, интервью с экстрасеисом С. Лазаревым — по вашим просьбам, цикл бесед «Язычество и здоровье» А. Белова, публикации по теме «Музыка и здоровье». Все это — лишь часть материалов из редакционного портфеля, собраиных с учетом ваших пожелаиий. И вы все это получите. Если...

Если выстоим, если одолеем стихию рынка. Слово за вами, читатели!

С марта 1992 года вы можете подписаться в отделении «Союзпечать» на майский номер «Науки и религии», заплатив 12 рублей, или на три месяца, заплатив 36 рублей, и на полгода — 72 рубля. Но лучше уж до конца года, сразу,— 96 рублей. В розницу журнал пока поступать не будет. Обещаем, что доставка журнала, которая в последиее время очень задерживалась (не по нашей вине), будет своевременной.

Если одиому ие под силу, может быть, подписаться вместе — с друзьями, близкими по духу людьми, товарищами по работе. А если подписался сам — возможио, удастся убедить другого — вы очень иам этим поможете.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

- -

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.



«Богоматерь-Оранта».
Фрагмент мозаики над центральным алтарем. Софийский собор. Начало XI в.

Нартекс Νάρθηξ

Начало на с. 62

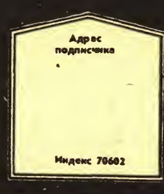
(...) Предложение, находящееся под северным полукружием, имеет знаменование соответственно обстоятельствам Рождества Христова. Все предложение, т. е. стены и своды, или все северное полукружие, в сем случае означает Вифлеем и бывшую в нем пещеру или вертеп. (...) Но когда предложение находится не под северным полукружием, а под средним, т. е. у стены близ престола, тогда оно означает не всю пещеру вифлеемскую, а только ясли, бывшие в ней (...) В алтаре к востоку от престола, или под средним полукружием около стен, по обеим сторонам ставятся другие престолы, т. е. стулья или скамьи. Они назначаются для сидения священников, служащих вместе с архиереем. В самой же середине находится возвышенное место для архиерея: это место Златоуст в своей литургии назвал горним местом и горним престолом. О горнем месте и стульях или скамьях, поставленных по обеим сторонам престола, Евсевий говорит так (кн. 10, гл. 4): «Константин Великий, устроивши храм, украсил его возвышенными престолами в честь председательствующих и сверх того сделал седалища, которые в порядке расположены были вокруг всего алтаря; после этого он среди алтаря поставил святая святых, т. е. святилище (св. престол)» (Архиепископ Вениамин. Новая скрижаль. СПб., 1908. С. 28—33). В этом кратком и емком описании затрагивается вопрос о символическом значении элементов интерьера храма. К этой теме мы еще вернемся в последующих публикациях.

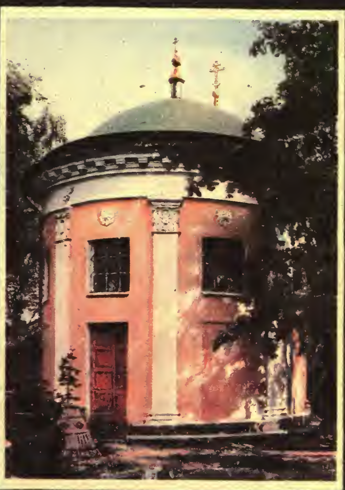
Следует заметить, что мусульманский михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление на Каабу (главную святыню ислама), несколько напоминает по форме апсиду. Многие элементы античной архитектуры, видоизмененные и переосмысленные, используются в зодчестве христианства и ислама, подобно тому, как ветхозаветные библейские сюжеты стали достоянием христианского и мусульманского богословия.

РОТОНДА

В русский язык это слово вошло вместе со стилем классицизма в архитектуре. Происходит оно от французского rotonde или итальянского rotonda, в свою очередь унаследованных этими романскими языками от латинского прилагательного в форме женского рода — rotunda. Форма женского рода была обусловлена существительным, к которому это прилагательное присоединялось для образования архитектурного термина: aedes (здание), domus (дом), porticus (колоннада). Обиходный язык опустил существительное, сохранив его род в окончании прилагательного (в русском языке род этих имен существительных не всегда совпадает с их родом в латинском языке). Прилагательное же означало «круглый», причем имелся в виду не только геометрический (плоский) круг, но любая форма, связанная с идеей круга,— цилиндр, шар — значение этого слова в большой мере совпадает со значением апсиды и купола. В античные времена не только в Греции, но и в Риме в ходу был греческий архитектурный термин θόλος (tholos — толос или фолос), которым обозначалось всякое здание круглой формы или любой формы, но увенчанное куполом. Такие здания использовались и как храмы (особенно известен римский Пантеон), и как усыпальницы (гробницы, мавзолеи), и как общественные здания (толос в Афинах, где проходили заседания афинского Совета), и как кладовые и кухни во дворе частных домов. Внутри толоса мог находиться колонный зал.

Традиция христианской архитектуры многое сохранила из античного наследия, используя круглую форму зданий для мемориальных церквей, баптистериев (крещален) часовен. В православной традиции утвердился купол. В архитектуре романского стиля Возрождения и классицизма заметное место занимали ротондальные церкви. В России церковная архитектура под влиянием классической ориентации на античные образцы восприняла классическую форму ротонды (круглое в плане здание с полусферическим куполом). Интересный пример объединения апсиды и ротонды представляет собой московская церковь «Всех скорбящих Радость».





Церковь-усыпальница во имя преподобного Александра Свирского. Донской монастырь (Москва). 1796